DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/novyizhivopisets51pole

Все Кармелов

литографирована

Я не потерялъ памяти, и считалъ удары — ихъ было девнадцать!..

Polevoĭ, Nikolaĭ Alekseevich
Noviĭ zhivopisets obshchestv
i literatury

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ,

составленный

Николаемъ Полевымъ.

Нѣтъ силъ терпѣть, и мнѣ, какъ острый въ сердцѣ ножъ,
Когда я посмотрю на городъ, на вельможъ,
На все!... И видѣть льзя-ль безъ грусти, безъ печали,
Чтобъ люди такъ съ людьми безбожно поступали!
Повсюду нахожу измѣны, плутни, лесть,
Корыстолюбіе, несправедливость, месть —
О, я бѣшусь — и хоть зови меня уродомъ,
Я съ человѣческимъ на вѣкъ поссорюсь родомъ!...

Кокошкинъ (переводъ *Мизантропа*).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Н. Степанова,
при Императорскомъ Театрѣ.
1832.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, 1832 года, Апрѣля 20 дня.

Цензоръ *И. Двигубскій.*

891.78
P765N
ch. 5

ВИЗИТЫ
ПРОВИНЦІЯЛА,
или
ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ.

ВИЗИТЫ

ПРОВИНЦІЯЛА.

Толстосумовъ (*богатый купецъ, полуодѣтый стоитъ передъ зеркаломъ*). Будто нарочно сегодня выбрилъ прескверно! Право, не знаю, какъ и явиться къ Его Сіятельству. Иванъ Ѳомичъ! (*Прикащикъ выглядываетъ изъ дверей*) Что же, братецъ: пріѣхалъ-ли извощикъ? Вѣдь этакъ я опоздаю.

Иванъ Ѳомичъ. Нѣтъ еще, не пріѣзжалъ.

Толст. Ахъ! онъ разбойникъ! Поди-же, найми мнѣ хорошенькаго съ биржи, тотчасъ.

Ив. Ѳом. Сей часъ-съ.

Толст. Иванъ Ѳомичъ!

Ив. Ѳом. Что прикажете?

Толст. А когда тотъ плутяга пріѣдетъ, такъ не плати ему денегъ. Уговоръ былъ пріѣхать рано. Вѣдь если я

его прожду, да опоздаю, такъ знаешь, я съ него тысячи рублей не возьму.

Ив. Ѳом. Очень хорошо-съ

Толст. Иванъ Ѳомичъ! Не слышитъ! Иванъ Ѳомичъ!

Ив. Ѳом. Что прикажете?

Толст. Что-жъ, братецъ: давай одѣваться.

Ив. Ѳом. Я было за извощикомъ побѣжалъ. . . .

Толст. Все-то еще сбираешься! А я думалъ, что ты ужь привелъ.... Скорѣе-же ступай! (*Ив. Ѳом. бѣжитъ*) Или ужь сперва дай одѣться. — Иванъ Ѳомичъ!

Ив. Ѳом. Чего изволите?

Толст. Да что, братецъ, ты ничего порядкомъ не дѣлаешь. Давай одѣваться! Есть-ли у меня хорошая манишка? Да галстухъ дай батистовый — а фракъ, я думаю, бронзовый, что Нѣмецъ шилъ — жилетъ бархатный — знаешь, тотъ, что дорогой-то!

Ив. Ѳом. Сей часъ, сударь! (*слышенъ звонъ колокольчика у дверей*).

Толст. Вотъ еще кто-то пришелъ мѣшать. Скажи: нѣтъ дома! (*Ив. Ѳом.*

уходитъ) Вѣдь, право, какіе люди: времени не знаютъ, когда приходить. Годовой праздникъ, день отдыха и торжественныхъ связей, существующихъ между людьми порядочными. А тутъ, поди, съ какими нибудь будничными пустяками лѣзутъ! (*слышенъ голосъ Ивана Ѳомича*): »Нѣтъ, сударь, его дома; онъ не велѣлъ сказывать!« — (*Пришедшій споритъ съ нимъ*) О, да это знакомый голосъ, кажется; какъ будто Хрисанѳъ Августинычъ. Иванъ Ѳомичъ! кто тамъ?

Ив. Ѳом. Хрисанѳъ Августиновичъ Адопуло пришелъ; да вотъ ему говорю, что васъ дома нѣтъ, а онъ говоритъ, что слышитъ вашъ голосъ, и не вѣритъ.

Хр. Авг. Здравствуйте, мой почтеннѣйшій, Яковъ Самсонычъ.

Толст. А, это ты! Ну пусти его, Иванъ Ѳомичъ: это свой человѣкъ. Ну, здорово, Хрисанѳъ Августинычъ? Ну, что скажешь? Здоровъ-ли? Садись-ка.

Хр. Авг. Что сказать вамъ, Яковъ Самсонычъ: вы нынче, какъ знатный человѣкъ, никого не пускаете. Что у васъ за дѣла такія?

Толст. Да, поважнѣе, братъ, вашихъ маклерскихъ дѣлъ.

Хр. Авг. Ну, конечно, поважнѣе — гдѣ-же нашему брату за вами тянуться. У васъ бѣздѣлье больше нашего важнаго дѣла.

Толст. (*улыбаясь*) Нѣтъ? Право такъ?

Хр. Авг. Я и мѣшать вамъ не буду. Пришелъ сказать вамъ только одно: Яковъ Петровичъ готовъ купить у васъ товаръ, только надобно дѣло рѣшить теперь-же, а то за нимъ ходитъ человѣкъ десять — перебьютъ.

Толст. Ну, что-же? Рѣшить, такъ рѣшить.

Хр. Авг. Я за тѣмъ и забѣжалъ къ вамъ. Можно придти ему сей часъ, посмотрѣть?

Толст. Сей часъ не льзя.

Хр. Авг. Какъ не льзя? Почему?

Толст. А потому, что я сей часъ ѣду со двора.

Хр. Авг. Не ѣздите.

Толст. Не льзя, говорю тебѣ.

Хр. Авг. Да какія необходимыя дѣла у васъ сегодня, что непремѣнно надобно ѣхать?

Толст. Экой ты, братецъ—не льзя. Сегодня торжественный праздникъ.

Хр. Авг. Ну что-же?

Толст. Какъ: *что-же?* То, что я не невѣжда какой нибудь: надобно съѣздить поздравить съ праздникомъ почтеннѣйшихъ вельможъ, моихъ знакомцевъ.

Хр. Авг. Да что вамъ за радость ѣздить къ нимъ? Вы отъ нихъ гроша не получите, а если рѣшимъ дѣло съ Яковомъ Петровичемъ, такъ вамъ не одна тысяча перевалится.

Толст. Охъ, ты, маклерская душа: только и помышленія, что о барышахъ!

Хр. Авг. А о чемъ-же еще думать?

Толст. Есть, братецъ, вещи, важнѣе денегъ и барышей, Хрисанѳъ Августиновичъ.

Хр. Авг. Какія-же это вещи?

Толст. Главное, братецъ: честь. Я не отдамъ ее за большія деньги. Ты говорилъ: тысячи перевалятся. А знаешь-ли, что за честь не возьму я многихъ тысячь?

Хр. Авг. Не понимаю, какъ вы связываете честь вашу съ поѣздкой къ какимъ-то боярамъ! Пріѣдете-ли вы къ нимъ, или

не пріѣдешь, отъ этого вамъ ни тепло, ни холодно.

Толст. Если ты, дружище, какой нибудь вещи не понимаешь, такъ ты и не берись судить объ ней. Ты человѣкъ хорошій, добрый, исправный въ своемъ дѣлѣ, но человѣкъ ты притомъ простой и незначущій много въ большомъ свѣтѣ. Ну, а я, напримѣръ, совсѣмъ другое дѣло. У меня есть другія обязанности, и если я не стану показывать примѣра прочимъ, такъ что-же это будетъ?

Хр. Авг. Покорно благодарю васъ за наставленіе, но право-же я не понимаю, что вамъ за обязанность, бросая дѣло, ѣхать кланяться вельможѣ какому нибудь?

Толст. Какъ: вельможѣ какому нибудь? Я поѣду къ Графу Разсудову, бывшему нашему Губернатору.

Хр. Авг. Котораго смѣнили за взятки, какъ я слышалъ?

Толст. Тотъ самый, и — охъ, братъ! какой молодецъ былъ: ни живому, ни мертвому спуску не было! Отъ него проѣду къ Парѳенію Ягуповичу Благородо-

ву, который пріѣзжалъ его ревизовать, и столкнулъ съ мѣста.

Хр. Авг. Этотъ, говорятъ, пречестнѣйшій старикъ.

Толст. Да немного этакихъ найдешь.

Хр. Авг. Развѣ вы съ ними обоими хорошо знакомы?

Толст. Они оба у меня обѣдывали, и когда я служилъ Головой въ нашемъ городѣ, такъ бывало всегда ѣздилъ къ нимъ съ дѣлами.

Хр. Авг. А теперь развѣ есть у васъ дѣла?

Толст. Никакихъ.

Хр. Авг. Такъ развѣ вы ихъ обоихъ равно уважаете?

Толст. Экой ты какой: уважаете! Какъже мнѣ не явиться къ нимъ съ поздравленіемъ-то, въ такой торжественный праздникъ?

Хр. Авг. Развѣ у васъ такъ водится по городамъ, а здѣсь всякій знаетъ свое, и совсѣмъ не считаются почестями.

Толст. А у насъ, я тебѣ скажу, когда праздникъ приходитъ, такъ не знаешь, какъ и управиться. Все это зашевелится,

заѣздишъ одинъ къ другому. Да забудь-ка ты хоть Капитана-Исправника, такъ и опиланишъ тебѣ, что долго не позабудешь. А у Губернатора, у Вице-Губернатора, у Городничаго — и прохода нѣтъ! Иногда часовъ съ двѣнадцати у меня, такъ водка и не сходитъ со стола, а пораньше, такъ чай, а послѣ водки, винца, да закусить. Вотъ когда я былъ Головой, такъ о Масляницѣ, о Рождествѣ, о Святой, и ворота бывало не запираются.

Хр. Авг. И здѣсь, всякій праздникъ ѣздятъ, но только къ такимъ, до кого есть нужда да дѣло. Я жилъ въ домѣ ***, года два тому; знаете: этотъ домъ выходитъ на двѣ улицы. На одной жилъ тогда Министръ ****, и всякій праздникъ бывало у него каретъ столько, что улица ломится. На другой улицѣ жилъ Графъ Ѳ. — У этого бывало, посмотришь, ни, одной каретки не стоитъ подлѣ подъѣзда. Однажды поутру выхожу я на улицу эту, смотрю: у подъѣзда Графа Ѳ. каретъ и счета нѣтъ. Что за диковинка—подумалъ я. Вспомнивъ, что идти мнѣ ближе по той улицѣ, гдѣ живетъ Министръ, иду

— глядь: ни одной у него кареты, когда прежде бывало не протолпишься. Тутъ попался мнѣ чиновникъ знакомый; я спросилъ у него о Министрѣ, и узналъ что онъ ужь не Министръ. Кто-жь получилъ Министерство? — Графъ Ѳ. — Давно-ли? — А вотъ только вчера.

Толст. Ну, что-жъ? Это значитъ, что въ столицахъ больше фармазонства. И всѣ этѣ карточки, и билетцы, и записки въ книгу, что такое? По моему — нехорошо! Не пусти-ка у насъ въ городѣ, да не угости чаемъ, или водкою, или виномъ, какъ придется въ какую пору—да и на бѣлый свѣтъ не кажись. Ну, ужь пусть-бы между боярами велось — Богъ съ ними — а то между купечествомъ-то заводится — карточки, да и только! Я сначала здѣсь всѣхъ знакомыхъ объѣзжалъ, а теперь ужь выучили — не поѣду, развѣ кто самъ пріѣдетъ. Съ большихъ-же, нашей братьи, и мѣлочь беретъ. Давно-ли ты видалъ Кузьму нашего?

Хр. Авг. Давно. Онъ вѣдь очень занятъ: должность трудная; почти никогда не выходитъ изъ Конторы.

Толст. Ну! дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдешъ, а почтенныхъ людей забывать не должно. Увидишь, такъ попеняй ему: Яковъ-де Самсонычъ сильно на тебя сердится.

Хр. Авг. Право, ему нѣкогда.

Толст. Нѣкогда! Я его помню еще вотъ этакого, а онъ ужь такъ высоко носъ подымаетъ!

Кузьма Кузьмичъ (*входитъ, и низко кланяется*) Ахъ! батюшка, Яковъ Самсонычъ! позвольте васъ поздравить съ высокоторжественнымъ праздникомъ, и засвидѣтельствовать глубокое мое почтеніе.

Толст. А, здравствуй, братъ, Кузьма Кузьмичъ! Что это тебя не видать? Зазнѣсвился, братъ! Петербургскій житель сталъ! Ужъ и въ праздники-то никогда не придешь!

Куз. Кузм. Ахъ, батюшка, Яковъ Самсонычъ! Истинно нѣкогда. И теперь урвался на минуточку, чтобы поздравить.

Толст. За чѣмъ-же безпокоился? Я не требую, батюшка, Богъ съ тобой! Живи, какъ хочешь; вѣдь ты живешь своей головой. Только смотри, братъ: не плюй въ колодецъ, годится водицы напиться!

Куз. Кузм. Ахъ, благодѣтель вы мой....

Толст. Да что, братъ, полно, пустословить-то нѣчего! Ты еще молодъ, Кузьма Кузьмичъ, а у меня, видишь, сѣдина пробивается. Старику не худо честь отдавать; съ праздникомъ поздравить немного времени надобно. Я тебя постарше и пополновѣснѣе, а вотъ — спроси у Хрисанѳа Августиныча — бросаю дѣло, да ѣду къ старшимъ поклониться....

Куз. Кузм. Виноватъ, батюшка, Яковъ Самсонычъ!

Ив. Ѳомичъ. Готовъ извощикъ, и платье приготовилъ я все.

Толст. Ну пойдемъ-же! (*уходитъ въ другую комнату*).

К. К. Ахти, какая бѣда: онъ изволилъ разгнѣваться!

Хр. Авг. Да вамъ-то что-же изъ того? Пусть сердится. Вѣдь вы не его хлѣбъ ѣдите....

К. К. Что это вы изволите говорить...

Х. Авг. Вѣдь вамъ не бывать ужь на своей родинѣ, родныхъ тамъ нѣтъ, ничего тамъ нѣтъ; да сердись они, какъ угодно —вы знаете свое дѣло, и вамъ горя мало.

К. К. Полно-те, ради Бога!

Хр. Авг. Развѣ вы пользовались его благодѣяніями, и благодарность заставляетъ....

К. К. Охъ! нѣтъ! Да онъ въ нашемъ городѣ почетный человѣкъ....

Хр. Авг. Хорошо, но вѣдь вы не въ вашемъ городѣ, а въ Петербургѣ....

К. К. Охъ! прогнѣвался онъ.... (*Толстосумовъ входитъ*) Батюшка, Яковъ Самсонычъ! простите, ради Бога — истинно безъ умысла — не причтите....

Толст. (*смягчась*) Ну, ну, такъ и быть; только помни, братъ, Кузьма Кузьмичъ, впередъ: *гордымъ Богъ противится!*

(*Передняя Графа Разсудова. Толстосумовъ входитъ*).

Слуга. Кого вамъ?

Толст. Его Сіятельство у себя-ли?

Слуга. Нѣтъ.

Толст. А Ея Сіятельство?

Слуга. Не принимаетъ.

Толст. Поди доложи.

Слуга. Не льзя.

Толст. Какъ не льзя?

Слуга. Не принимаетъ.

Толст. Скажи поди, что Яковъ Самсонычъ Толстосумовъ пріѣхалъ.

Слуга. Не льзя. Извольте записать ваше имя.

Толст. Ну, нѣчего дѣлать! (*беретъ бумагу и смотритъ*) Князь, Графъ, Генералъ, Сенаторъ, еще Князь, еще Генералъ.... (*тихо*) И наше имя между ими будетъ! — Господи благослови! Пиши-ка: Яковъ Самсонычъ Толстосумовъ, очень, дескать, сожалѣлъ, что Его Сіятельства не видалъ.

(*Передняя П. Я. Благородова. Толстосумовъ входитъ*).

Толст. (*слуге*) У себя-ли Его Высокопревосходительство?

Слуга. Онъ занятъ и не принимаетъ.

Толст. Я безъ того не уѣду. Поди и доложи: Яковъ Самсонычъ Толстосумовъ пріѣхалъ.

Слуга. Если у васъ есть просьба, такъ извольте пожаловать въ среду, или въ субботу.

Толст. Просьбы, братецъ, у меня никакой нѣтъ, а пріѣхалъ, скажи, засвидѣтельствовать свое почтеніе.

Слуга. Я, сударь, не смѣю: не приказано.

Толст. Аль на водку хочешь? Такъ за этимъ не станешь.

Слуга. Мнѣ не нужно, сударь, а доложить не льзя.

(Чиновникъ *идетъ съ бумагами*).

Толст. А, почтеннѣйшій Адріанъ Петровичъ, съ праздникомъ поздравить честь имѣю. Все-ли, батюшка, въ добромъ здоровьѣ?

Чин. Слава Богу! Вы какъ поживаете?

Толст. Да, вотъ, хотѣлось къ Его Высокопревосходительству....

Чин. Теперь не льзя: онъ занятъ.

Толст. Вы къ нему вѣдь идете?

Чин. Точно такъ.

Толст. Я за вами.

Чин. Но.... извините....

Толст. Чего извинять! Мы свои люди: идите-ка, а я за вами.

Чин. Но у него дѣла....

Толст. Безъ чиновъ, батюшка, попросту....

Чин. Позвольте-жъ, я доложу.

Толст. Что докладывать! Я за вами.

(*Кабинетъ*).

Благородовъ (*читаетъ бумаги и диктуетъ*). Написали? Поспѣшите-же, пожалуйте.

(Чиновникъ, *и по пяталъ его Толстосумовъ*).

Чин. Г-нъ Толстосумовъ проситъ....

Благор. Но я велѣлъ отказывать.... А, почтеннѣйшій Яковъ Самсонычъ! Прошу пожаловать.

Толст. Въ высокоторжественный и, можно сказать, великій праздникъ сей, честь имѣя вспоминать вожделѣнное пребываніе Вашего Высокопревосходительства въ нашемъ городѣ, и вспоминая притомъ безчисленныя благодѣянія щедрой руки вашей....

Благ. Что это вы безпокоились....

Толст. Долгомъ поставилъ засвидѣтельствовать всенижайшее мое, глубокое почтеніе, съ изъявленіемъ искреннихъ чувствъ радости, чтобы во многолѣтіи....

Благ. Благодарю васъ....

Толст. И благоденствіи, на пользу всѣхъ труды, подъемлемые вашею особою, принесли драгоцѣнный и сторичный плодъ.

Благ. Очень вамъ благодаренъ. Какъ вы поживаете?

Толст. Преуспѣваю въ дѣлахъ моихъ, и благодѣтельнаго воспоминанія чувствомъ согрѣваюсь и радуюсь.

Благ. Часто получаете письма отъ вашихъ?

Толст. Отъ 18-го текущаго мѣсяца имѣю увѣдомленіе, со извѣщеніемъ о здоровьи и благополучіи.

Благ. Скоро намѣрены оставить Петербургъ?

Толст. По неокончательности производимаго мною здѣсь сбыта товаровъ, намѣренъ еще нѣкоторое время остаться, и имѣть счастіе быть зримымъ отъ Вашего Высокопревосходительства.

Благ. (*Чиновнику*). Принесли-ль вы бумаги.... намъ надобно поспѣшить....

Толст. Какъ изволите обрѣтаться въ вашемъ здравіи, Ваше Высокопревосходительство?

Благ. Стариковское здоровье плохое, почтеннѣйшій, да и дѣлами занятъ; вотъ и теперь.... нѣкогда....

Толст. Да благословитъ Всевышній труды Вашего Высокопревосходительства, ко счастію и благотворенію....

Благ. (*тихо*). Что дѣлать? (*вслухъ*) Я всегда былъ такъ счастливъ, что посильные труды мои успѣвалъ дѣлать нѣсколько полезными....

Толст. Божіе провидѣніе ниспослало въ васъ единаго изъ тѣхъ мужей, которые родятся для благоденствія подвластныхъ....

Благ. Пріятно было-бы мнѣ продолжить бесѣду съ вами, но — извините: вы видите, что трудолюбіе моихъ юныхъ товарищей требуетъ занятія.

Толст. Кто лучше меня можетъ это понимать, чувствовать, разумѣть....

Благ. (*жметъ ему руку*) И такъ — извините меня....

Толст. Приказаніемъ вашимъ не можете сдѣлать болѣе того, сколько изъявленіемъ чувству моему вашей воли.

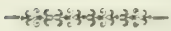
Благ. Прощайте, почтеннѣйшій Яковъ Самсоновичь! Кланяйтесь отъ меня вашимъ — извините.... (*тихо*) Надобно спастись, какъ нибудь. (*вслухъ*) Что такое? Иду — Извините — Меня зовутъ — Простите!

(*уходитъ въ другую комнату*)

Толст. (*Чиновнику*). Видите-ли, почтен-

нѣйшій Адріанъ Петровичъ, какъ мы свой долгъ исполняемъ? А вы еще не хотѣли весии меня! Прощайте, прощайте! (*тихо*) Вотъ, что называется: *спрашивай бывалаго, какъ попа зовутъ!*

Чин. Право, не понимаю: *для чего это дѣлается?*



КЛАДБИЩЕ,

или

ЧѢМЪ БЫЛЪ, ЧѢМЪ МОГЪ БЫТЬ.

КЛАДБИЩЕ,

или

чѣмъ былъ, чѣмъ могъ быть.

Я человѣкъ совсѣмъ не *сантиментальный;* терпѣть не могу слезливыхъ стиховъ, и баллады читаю не потому, чтобы мертвецы и привидѣнія — записные жители кладбищъ и гробовъ—заставляли меня испытывать *прелесть ужаса.* Но я люблю прогулки по кладбищу, и часто, въ радости и горести, бывши молодъ, и нынѣ, сдѣлавшись старъ, любилъ и люблю бродить между могилами почившихъ братій. Думаю, что если-бы и другіе почаще навѣщали кладбища, сіи безмолвные памятники счастія и бѣдствія человѣческаго, сіи послѣдніе пріюты земныхъ странниковъ, неизбѣжное мѣсто отдыха послѣ лихорадки жизни, то многое шло-бы въ мірѣ лучше. Къ несчастію, святое мѣсто вѣчнаго покоя, *Божья нива*, какъ называютъ его Нѣмцы, кладбище потеря-

ло въ глазахъ нашихъ надлежащее свое достоинство.

Восточные мудрецы говаривали, что народъ можно узнать, побывавъ на крыльцѣ судилища, постоявъ у дверей храма, и посѣтивъ мѣсто кладбища. Если крыльцо судилища заросло травою, и его стражъ придверный спитъ, облокотясь на свое оружіе; если въ двери храма едва можно протѣснуться, среди толпы идущихъ во храмъ, и если на кладбищѣ увидите вы живыхъ благоговѣйно размышляющихъ на гробахъ умершихъ, то можете смѣло назвать страну, гдѣ вы все это замѣтите, счастливою, добродѣтельною и просвѣщенною.

Не говоря ни о чемъ другомъ, обращаюсь къ *кладбищамъ*, и спрашиваю: что сказали-бы мудрецы Востока о насъ, посмотрѣвъ на наши кладбища?

Мнѣ кажется, что для насъ кладбища сдѣлались похожи на какія-то кладовыя, гдѣ складываемъ мы старыя, ненужныя вещи: ломаную мебель, изношенное бѣлье, разбитую посуду, истертыя щетки. Разумѣю подъ этимъ складку старыхъ

родственниковъ, старыхъ друзей, конченныхъ страстей и отношеній общественныхъ. Мы почитаемъ обязанностью только донести, или довезти покойника до кладбища, свалить его въ могилу, и—много, много, если потомъ поставятъ на надгробномъ холмѣ его золоченную эпитафію, какъ на картонѣ съ старыми бумагами наклеиваютъ надпись: »*Здѣсь хранятся рѣшеныя дѣла.* »Съ этимъ мы почитаемъ всѣ отношенія наши оконченными. Въ самомъ дѣлѣ: мы оканчиваемъ ихъ начисто. И тутъ вмѣшались извѣстныя приличія, и тутъ вытѣснили они прямыя, истинныя чувства человѣка. » Почтительный сынъ! Какъ благоговѣетъ онъ къ памяти отца! Какія богатыя похороны онъ сдѣлалъ ему!« —»Мы не поѣдемъ сегодня на балъ: къ сожалѣнію, мы въ траурѣ.«—»Какъ не кстати умерла ваша тетушка: теперь у васъ цѣлый годъ не будетъ веселыхъ собраній!« Вотъ слова, слышимыя нами безпрестанно, и — надобно-ли пояснять сіи слова и наглую безчувственность ихъ?

Не такъ бывало у насъ прежде. Смерть не разрывала связей умершаго съ живыми,

и часто еще сильнѣе утверждала ихъ. Тѣнь милаго дѣлалась какимъ-то геніемъ хранителемъ сердца, оставшагося въ живыхъ; могила незабвеннаго была мѣстомъ отдыха для пережившихъ: туда шли дѣлить радость и горе; тамъ молились за себя и за него. Въ числѣ самыхъ трогательныхъ праздниковъ, бывшихъ въ Русской старинѣ, полагаю я дни поминовеній, которые праздновали предки наши съ суевѣрною точностью и грустною радостью. Въ день Свѣтлаго Воскресенья кладбища покрывались народомъ, пришедшимъ *христоваться съ отцами и братіями умершими*.... Нѣтъ! я вѣрю добродѣтели человѣка, благоговѣющаго предъ могилою предка, и сомнѣваюсь въ ней, когда онъ небрежетъ о могилѣ ближняго, хотя-бы до локтей нашилъ онъ плерезы, а флеръ съ его шляпы волочился по землѣ!

Но я забылъ, что говорю совсѣмъ не по нынѣшнему, и съ мѣщанскими понятіями о кладбищѣ, могу не угодить однимъ, заставлю смѣяться надъ собою другихъ! Да что-жъ за бѣда? Пусть смѣются; я очень хорошо понимаю, что го-

ворю не по *нынѣшнему*. И въ самомъ дѣлѣ, до кладбищъ-ли намъ? Мы на почтовыхъ скачемъ по дорогѣ жизни, и есть-ли намъ досугъ заниматься мертвыми, когда и съ живыми едва можемъ мы ужиться! Столько обязанностей, хлопотъ, связей, отношеній...: Посмотрите, когда тянется по улицамъ погребальный поѣздъ: слуги хладнокровно держатъ гробъ; чучелы въ черныхъ плащахъ небрежно машутъ факелами; провожатые сидятъ въ каретахъ и экипажахъ, и можно-ли имъ идти пѣшкомъ? Вѣдь кладбище обыкновенно бываетъ далеко — устанешь! Проѣзжающіе и проходящіе едва мимоходомъ поднимаютъ шляпы и шапки передъ гробомъ, и нетерпѣливо ожидаютъ, когда проѣдетъ покойникъ.

Не сердитесь, добрые люди! Стоитъ умереть: проѣхать недолго, и проѣхать навсегда.... Широкое раздолье вамъ: катайтесь по бѣлому свѣту, пока и вамъ придется ѣхать по той-же дорогѣ, по которой на минуту васъ задержалъ погребальный поѣздъ умершаго собрата....

Желалъ-бы я, хоть на нѣсколько мгно-

веній, остановить васъ однакоже, не смотря на вашу нетерпѣливую досаду. Желалъ-бы я, чтобы въ наше время, когда перестали бояться мертвецовъ, что нибудь другое, кромѣ боязни, заставляло васъ подолѣе останавливаться подлѣ блѣдныхъ лицъ жителей гроба, вглядываться въ ихъ неподвижныя, хладныя черты; желалъ-бы подать вамъ поводъ къ размышленію, задумчивости на кладбищѣ....

Безпечность, съ какою смотримъ мы на жизнь за гробомъ, оскорбляетъ меня глубоко, если она бываетъ показана на кладбищѣ. Сердцу больно слышать смѣхъ, производимый въ посѣтителяхъ кладбищъ забавными эпитафіями, уродливыми изображеніями на гробницахъ, самыми гробницами, на которыхъ жалкое ничтожество жизни силится продлить еще нѣсколько времени бытіе свое ветхою позолотою, полинялыми красками, прозою и стихами, вдохновенными карману какого-нибудь горькаго писаки десятирублевою ассигнаціею!

Но почему только *смѣхъ* должно возбуждать все это? Погребальное пѣніе,

звучавшее надъ гробомъ предка, слышимое нами надъ гробомъ собрата, не должно-ли тяжко потрясать душу твою, безпечный слушатель? Помысли о томъ, что сіи звуки переживутъ тебя, что надъ твоимъ гробомъ также понесутся они привычною чередою? Такъ, и стоя близъ могилы, на которой нелѣпая надпись заставляетъ тебя смѣяться, почему не подумаешь ты: »Что-то на моемъ гробѣ надпишетъ потомокъ мой?« — Да, эта мысль иногда оледенила-бы твою кровь, при соображеніи безцвѣтности прошедшей твоей жизни, и при взглядѣ на безвѣстную будущность твою! Разочтись при могилѣ собрата: по всѣмъ-ли векселямъ, выданнымъ на тебя судьбою, заплатилъ ты? Не задолжалъ-ли еще передъ самимъ собою, отцомъ, сыномъ твоимъ, другомъ, братомъ или ближнимъ?

Такая мысль пришла мнѣ въ голову, когда я уединенно бродилъ по кладбищу, въ прошедшемъ году, въ прекрасный лѣтній вечеръ. »Что« — думалъ я, пристально глядя на кости и черепы, выброшенные изъ могилы, которую оканчивалъ

могильщикъ, напѣвавшій веселую пѣсню— »что, если-бы вы могли теперь разсказать мнѣ о разсчетѣ вашемъ съ жизнью! Какой поучительный урокъ могъ бы я передать людямъ, пересказавъ имъ просто слова ваши? «

Едва подумалъ я это, какъ замѣтилъ на другой сторонѣ могилы человѣка, также пристально смотрѣвшаго на выброшенные кости и черепы. Мы подошли одинъ къ другому. »Не одна-ли мысль занимаетъ насъ?« спросилъ я у незнакомца.

— Не думаю — отвѣчалъ онъ. — Я пришелъ сюда не философствовать: я химикъ, и хочу испытать одно важное открытіе.

» Какое открытіе?« спросилъ я.

— Химическое — отвѣчалъ спокойно незнакомецъ.

»Вѣрно вы изобрѣли способъ умножать количество селитры, извлекаемой изъ земли кладбища?

— О, нѣтъ! Если вамъ угодно, пойдемъте со мною, я вамъ все разскажу, и вы поможете мнѣ сдѣлать мой опытъ. Надобно вамъ знать — продолжалъ незна-

комецъ, идя по кладбищу — что я имѣю у себя въ обладаніи драгоцѣнную книгу рецептовъ мудраго Парацельса; но она писана гіероглифами и читать ее весьма трудно. Къ сожалѣнію, иногда просидѣвъ годъ, разберешь какую-нибудь статью, и она оказывается безполезною. До сихъ поръ не дошелъ я еще до полезныхъ вещей, каковы, напримѣръ: химическое средство производить золото; алхимическое средство быть всегда веселымъ, и проч. и проч. — Я знаю изъ книги Парацельса секретъ порошковъ, посредствомъ коихъ можно узнавать невѣрность мужчины или женщины; но скажите: куда мнѣ съ нимъ, когда мужья и жены перестали заботиться о вѣрности своихъ любезныхъ половинъ, а любовники даже рады невѣрности любовницъ, и никто нынѣ не застрѣлится, и не застрѣлятъ другаго за непостоянную вѣтренность? Еще безполезнѣе мой секретъ: узнать честность людскую, ибо всѣ люди сдѣлались нынѣ такъ скромны, что никто не рѣшится на нескромную заботу испытанія своего ближняго. Таковъ и тотъ

секретъ, который хочу я испытать здѣсь, и теперь.

» Скажите, сдѣлайте милость....

— Самый пустой секретъ: я составилъ особенную химическую клеенку. Стоитъ повѣсить, или положить ее на могилу, или надгробный памятникъ, и вдругъ изобразится на ней прошедшая жизнь человѣка, въ могилѣ похороненнаго, и судьба его. Такимъ образомъ, эпитафія скажетъ вамъ, кто и что онъ *былъ*, а клеенка моя, кто и что *могъ быть*....

» Это весьма любопытно.

— Мало-ли что любопытно, да безполезно, сударь, безполезно. Терять время по пустому, на разсматриваніе жизни людей маленькихъ, когда и великіе уроки, Наполеоны, Кромвели, Меншиковы, Сократы, Вашингтоны не поучаютъ насъ....

» Можетъ быть, именно потому, что они слишкомъ велики, и мы не можемъ ихъ приложить къ себѣ.

— Можетъ быть; только я увѣренъ, что за мой секретъ никто гроша мнѣ не дастъ.... А вотъ, кстати, какая-то

гробница.... — Незнакомецъ мой прочиталъ надпись:

» Подъ симъ камнемъ положено тѣло Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Кавалера, N. N., родившагося въ 1759-мъ, а умершаго въ 1802 году. Неутѣшная супруга и дѣти воздвигли ему сей памятникъ. «

Мы растянули химическую клеенку незнакомца на надгробномъ камнѣ Г-на Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, и вотъ что изобразилось на ней четкими буквами:

» N. N. провелъ весь свой вѣкъ въ пустомъ искательствѣ чиновъ и отличій, разстроилъ свое состояніе, хотѣлъ поправить его взятками, и умеръ подъ судомъ, оставивъ женѣ и дѣтямъ разоренное имѣніе, долги, невѣжество и погибель. Онъ могъ быть добрымъ помѣщикомъ, хорошимъ отцомъ семейства, благодѣтелемъ своихъ сосѣдей, прожить вѣкъ свой благополучно, и унести въ могилу благословеніе своихъ ближнихъ. Для этого не надобно было отцу и матери набивать ему въ голову, что чины и отли-

чія составляютъ все счастіе человѣка: надобно было образовать, воспитать его, пріучить къ тихой, семейной жизни, не посылать его, невѣжду избалованнаго, въ столицу, гдѣ онъ вскорѣ узналъ, какъ выбиваютъ чины крѣпкимъ лбомъ, для отличія женился на любовницѣ знатнаго барина, бѣгая по переднимъ забывалъ дѣтей, и не смѣлъ сказать слова матушкѣ женѣ своей, потому, что начальникъ его давалъ ему награды за ея любезность. Получивъ генеральство въ 40 лѣтъ, могъ онъ загладить старые грѣхи свои доброю службою, но не хотѣлъ, и думалъ только о томъ, какъ зашить прорѣхи своего состоянія; будучи невѣждою, онъ не умѣлъ этого дѣлать, а нужда не дозволяла ему дѣлиться, и съ тоски умеръ онъ, когда послали его въ Уголовную Палату.«

— Какая новость! вскричалъ незнакомецъ. Я очень радъ, что узналъ достовѣрность моего секрета, но къ чему это? А! вотъ огромная, мраморная пирамида. Прочтемъ:

»Дѣвица Аглая N. N. покоится подъ

симъ тлѣннымъ памятникомъ, въ надеждѣ грядущей жизни. Къ неутѣшной скорби родныхъ, скончалась она на 19 году жизни, родилась..., а день кончины ея былъ...« (я пропускаю числа). — На другой сторонѣ памятника написано было: *Атецъ Дочерѣ.* — На третьей:

Она цвѣла, какъ нѣжна роза,
Увяла, будто отъ мороза;
Несчастливъ жребій ея былъ,
Простудный кашель погубилъ.

— Посмотримъ! — сказалъ незнакомецъ, и на клеенкѣ его изобразились слова:

» Дѣвица Аглая была жертва слѣпой любви родительской. Она была прелестна, умна, и одна дочь у богатыхъ отца и матери. Кружевами обшиты были ея подушки и одѣяльцы; лекарствами началось ея кормленье; она не успѣвала ломать богатыхъ игрушекъ, которыя безпрестанно ей вновь покупали. Умъ ея сдѣлался своенравіемъ, красота повела къ кокетству, и жизнь ея проходила наконецъ въ выѣздахъ въ гости, и въ леченьи дома. Она умерла отъ того, что изъ упрямства выпила стаканъ холодной во-

ды, послѣ шести кадрилей, которыя были ей запрещены. Она могла быть женою одного молодаго человѣка, который любилъ ее искренно, не смотря на недостатки, и умѣлъ-бы исправить ихъ, но онъ былъ бѣденъ и родители Аглаи отказали ему. Этотъ юноша будетъ со временемъ знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ, и Аглая, бывши его женою, сдѣлалась-бы примѣромъ знатной, добродѣтельной женщины. Она могла-бъ быть женою другаго человѣка, богатаго, съ дарованіями, и знатнаго, но онъ показался не блестящъ Аглаѣ. Третій женихъ ея отсталъ самъ, поразглядѣвши ее вблизи. Впрочемъ, всего лучше было то, что Аглая скоро умерла: ей оставалось жить до старости въ одиночествѣ, съ мигренемъ, спазмами, ревматизмомъ, кашлемъ, гнилыми зубами и головною болью, чему были причиною балы, потворство, конфекты, воспитаніе и лекарства.«

— Если болѣе этого мы не узнаемъ на другихъ памятникахъ, то не стоитъ труда читать слова моей клеенки.

» Почему-же?

— Потому, что кто-же не знаетъ того, что говоритъ моя клеенка? Но вотъ могила съ простымъ деревяннымъ крестомъ. — »Господи! пріими духъ мой съ миромъ! Здѣсь лежитъ тѣло мѣщанина N. N. » — Повѣсимъ нашу клеенку!

» Мѣщанинъ N. N. былъ сынъ пьяницы сапожника. Съ дѣтства казался онъ задумчивымъ, унылымъ, вѣчно занятымъ мыслями, выучился самоучкою читать и писать, былъ битъ отцомъ за то, что забывалъ за книгою шитье сапоговъ, и ненавидимъ товарищами за то, что не пилъ съ ними. Они смѣялись надъ нимъ, называли его *грамотеемъ* и *бѣлоручкою*. Отецъ заставилъ его жениться. Слухъ о немъ доходилъ до многихъ знатныхъ особъ и богачей. Многіе призывали даже его къ себѣ, и одинъ изъ знатныхъ хотѣлъ даже на свой счетъ учить его, платя отцу на содержаніе по 10 рублей въ мѣсяцъ, ибо безъ того отецъ не соглашался отпустить своего сына въ школу, говоря, что ему надобенъ работникъ. Но въ тотъ день привезли свѣжія устрицы, и богачъ забылъ о мѣщанинѣ-грамотеѣ.

Бѣднякъ съ горя началъ пить, и вскорѣ потомъ умеръ въ совершенномъ отчаяніи, оставивъ пятерыхъ сиротъ безъ куска хлѣба. Это былъ геній, какихъ не много является въ мірѣ: онъ могъ быть вторымъ Ньютономъ, или Аркрейтомъ, означить свое имя въ вѣкахъ, и доставить отечеству славу, или новые источники богатствъ, смотря потому, какое направленіе взялъ-бы умъ его, погруженный въ ученіе. Геній безъ науки—лампада безъ масла. Образованіе сапожника стоило-бы не болѣе 1,000 рублей, ибо послѣ сей издержки онъ вполнѣ развился-бы, былъ оцѣненъ, и никакія препятствія не остановили-бы уже его на пути къ славѣ и чести.«

— Хмъ! жаль сапожника! — сказалъ незнакомецъ. Но за чѣмъ-же онъ пилъ? Я сомнѣваюсь въ справедливости словъ моей клеенки, потому, что умъ узнается по терпѣнію, и лучше быть трезвымъ сапожникомъ, нежели пьянымъ геніемъ.... А! вотъ еще могила! чья это: »Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Профессоръ въ ...., Директоръ...., Совѣтникъ...., Членъ....«

» Онъ былъ сынъ одного дьячка, и съ

дѣтства оказывалъ удивительную способность къ поваренному искусству. Но отецъ заставилъ его ходить въ школу, гдѣ розга принудила его выучиться азбукѣ. Потомъ ферулою вбили въ него Латинь, а черезъ десять лѣтъ безпрерывнаго хожденья въ училища, сдѣлался онъ ученымъ, то есть, затвердилъ наизусть учебныя книжки, и потомъ сорокъ лѣтъ заставлялъ другихъ затверживать сіи книжки. Получая по числу лѣтъ чины, былъ онъ наконецъ Коллежскимъ Совѣтникомъ, по старшинству годовъ избранъ былъ въ Директоры, а по очереди въ Совѣтники; чтобы не задержать младшихъ изъ-за него, сдѣлали его Членомъ. Онъ былъ совершенное изображеніе мѣльничнаго жернова: имъ вертѣли товарищи, начальники, жена; онъ мололъ все и всегда: съ каѳедры науки, въ обществѣ вздоръ, что было у него одно и тоже. Но онъ могъ быть чудомъ своего вѣка, вторымъ Каремомъ, и каша, имъ изобрѣтенная, переживетъ память объ немъ, какъ настойка Ерофеича пережила своего изобрѣтателя. «

— Воля ваша, а это сатира! — сказалъ

незнакомецъ — моя клеенка, вѣроятно, изобрѣтена Парацельсомъ въ веселомъ духѣ. Но вотъ великолѣпный памятникъ:

»Здѣсь лежитъ тѣло Статскаго Совѣтника и Кавалера N. N., скончавшагося,« и проч. — Говори, клеенка!

— Онъ родился отъ богатыхъ родителей, и не успѣлъ родиться, какъ былъ запеленанъ, закормленъ, залеченъ; не успѣлъ выучиться грамотѣ, какъ былъ записанъ въ военную службу; не успѣлъ узнать ее, какъ былъ отправленъ за ремонтомъ; не успѣлъ получить втораго чина, какъ отецъ женилъ его и умеръ, а жена записала его въ службу гражданскую, въ которой нѣкогда было ему собрать трехъ идей, ибо его возили изъ клуба на балъ, съ визита на обѣдъ, отъ виста къ бостону, съ именинъ на похороны, изъ деревни въ городъ, изъ концерта въ театръ. Онъ одурѣлъ, облѣнился; чувствуя свое невѣжество, былъ молчаливъ; зная свое богатство, былъ гордъ; желая отличиться, былъ подлъ; думая прославиться, промотался, и умеръ, объѣвшись Пергрейскаго пирога. Если-бы онъ родил-

ся въ бѣдности, то былъ бы великимъ Министромъ, ибо на 20-мъ году должно было развиться его огромнымъ способностямъ, а характеръ его требовалъ всегдашнихъ препятствій, дабы душѣ его находить въ самой себѣ силы побѣждать препятствія....

— Довольно! — вскричалъ незнакомецъ— все это давнымъ давно извѣстно людямъ, и сказывать имъ подобныя истины, все равно, что *учить ученаго*, то есть, *портить его*, по извѣстной пословицѣ.—Онъ свернулъ свою клеенку, и спряталъ въ карманъ.

» Вашъ секретъ удивительный, « — сказалъ я — »и думаю, вы позволите мнѣ узнать составъ его, для людской пользы.«

— Я открою его вамъ даромъ, потому что мнѣ изъ него дѣлать нечего. Приходите ко мнѣ завтра по утру. Вотъ мой адресъ.—Незнакомецъ подалъ мнѣ свернутый вдвое клочекъ бумаги, и поспѣшно удалился.

Онъ правду сказалъ, что приходилъ на кладбище не философствовать. Онъ смотритъ на свое драгоцѣнное открытіе, какъ химикъ-ремесленникъ, цѣнитъ его

только по прибыли, какую можетъ оно принести его карману. Нѣтъ, надобно поскорѣе вырвать у него изъ рукъ драгоцѣнность! Сколько нравственныхъ уроковъ, сколько мыслей можетъ явить намъ послѣ того прогулка по кладбищу!

Такъ думалъ я, оставшись одинъ, и развернулъ адресъ незнакомца. Воображение мою досаду: я увидѣлъ клочекъ бѣлой бумаги! Вѣроятно, ошибкою отдалъ онъ его мнѣ — и я не зналъ: гдѣ найдти обладателя Парацельсовой книги?... Напрасно послѣ того искалъ я его, спрашивалъ о немъ.

Впрочемъ, и не правъ-ли отчаяннй химикъ мой? Развѣ и безъ Парацельсовой клеенки не открыта передъ нами книга нашей и ближнихъ нашихъ жизни? Развѣ слова клеенки не составляютъ того, что всѣ мы *знаемъ*, или *можемъ знать*, если только захотимъ?

Еще болѣе: люди нарочно не хотятъ знать, что они *суть*, и чѣмъ *могли-бъ быть*. Имъ нравится ихъ безотчетное житье въ мірѣ. Развѣ *совѣсть* и *опытъ* не Парацельсова химическая клеенка?

Развѣ она и онъ не пишутъ для людей, что они *могутъ* и *могли-бъ быть*? И притомъ, клеенка говоритъ мертвымъ, для которыхъ все уже кончено, а совѣсть и опытъ говорятъ живымъ, у которыхъ во власти будущее.... Люди придумали для оправданія своего остроумную, прекрасную отговорку: *судьба!*... Парацельсова клеенка показываетъ, какъ несправедливо, большею частію, складываютъ люди на судьбу свои шалости и глупости....

Однакожъ, можетъ статься, мнѣ надобно даже порадоваться, что я не узналъ секрета Парацельсовой клеенки, ибо легко сбылось-бы, что добрые люди употребили-бы ее не на исправленіе, но на осмѣяніе себѣ подобныхъ; по крайней мѣрѣ, теперь мертвый можетъ лежать спокойно, по старинной Латинской поговоркѣ: De mortuis aut bene, aut nihil (о мертвыхъ, или не говори ничего, или говори только добро).... И такъ — все къ лучшему....

РАЗГОВОРЪ

ПОСЛѢ

БЕСѢДЪ СЪ ЛИТТЕРАТОРАМИ.

Положимъ, что Русская Поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія; умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія....

А. Пушкинъ. Статья его въ Телеграфѣ, 1825 *года, томъ V-й стр.* 44.

РАЗГОВАРИВАЮЩІЕ.

Леонидъ } *молодые литтераторы Русскіе.*
Филоѳей }

РАЗГОВОРЪ

ПОСЛѢ БЕСѢДЪ СЪ ЛИТТЕРАТОРАМИ.

Леонидъ. Да, это грустно, это нестерпимо!

Филоѳей. Послушай, Леонидъ: не спросишь-ли у тебя:

Скажи, что сдѣлалось съ тобою,
О чемъ печаль?
Не отъ любви-ль?...

Леон. Вотъ какой вздоръ выдумалъ! Я и не думалъ о любви, не влюбленъ ни въ кого, и грущу совсѣмъ не о томъ.

Фил. Отъ чего-же ты такъ печаленъ?

Леон. Я удивляюсь, какъ ты можешь быть веселымъ, послѣ видѣннаго и слышаннаго нами. Признаюсь: обѣдъ у Родосова и вечеръ у Сплетнина *навѣяли на меня тяжелую думу*.... Бѣдная, бѣдная Русская литтература!

Фил. Такъ ты грустишь о Русской

Литтературѣ? Ха, ха, ха! — Позволь-же дочитать тебѣ стихи, мною начатые—

.....Ахъ! всей душою
Тебя мнѣ жаль....

Леон. Право, твои шутки совсѣмъ не кстати, и вотъ, позволь мнѣ сказать, одна изъ главныхъ причинъ жалкаго положенія Литтературы Русской: съ нею всѣ и всегда *шутятъ*.

Фил. Я готовъ доказывать противное. Мнѣ кажется, главная бѣда въ томъ, что на нее *слишкомъ важно смотрятъ*.

Леон. Но какъ-же иначе? Литтература — это важная часть общественной жизни, это голосъ общества — и ты хочешь, чтобы мы не уважали Литтературою?

Фил. Но пусть-же это уваженіе походитъ на сознаніе собственныхъ достоинствъ, благородное честолюбіе, какое всегда должно таиться въ душѣ человѣка умнаго и образованнаго. Но что такое Литтература и литтераторы въ Русской землѣ? Наши литтераторы, какъ дѣти, ѣздятъ на палочкахъ верхомъ, и

высоко задираютъ головы, думая, что они рыцари и великіе паладины.

Леон. Мнѣ досадно, милый другъ, слышать отъ тебя такую холодную насмѣшку на счетъ предмета собственныхъ нашихъ занятій. Можемъ-ли мы надѣяться создать что нибудь хорошее, если не будемъ уважать предмета трудовъ своихъ? И можно-ли съ такимъ убійственнымъ хладнокровіемъ говорить о томъ поприщѣ, на которомъ являлись Державины, Ломоносовы, Фонъ-Визины, Крыловы, Грибоѣдовы....

Фил. Продолжай. Не забудь еще кого нибудь изъ этихъ залетныхъ лебедей, по которымъ ты думаешь, что лѣто Литтературы нашей уже настало. Вотъ это-то исчисленіе десятка, или двухъ десятковъ именъ, послѣ чего преважно восклицаютъ: *Русская Литтература* — всегда заставляетъ меня улыбаться, а иногда — извини откровенность — даже смѣяться....

Леон. Но почему-же?

Фил. Потому, что этѣ случайности,

энѣ преждевременныя искры волкана, изрѣдка вылетавшія изъ могучей, огромной души Русскаго народа, и предвѣщающія намъ, что *будетъ нѣкогда* Литература Русская — починаемъ мы уже страшнымъ изверженіемъ.

Леон. Но почему-же называешь ты ихъ: *случайности, искры?*

Фил. Разсмотри самъ. Въ душу бѣднаго мальчика, рыбака, тому уже болѣе 100 лѣтъ, Богъ влагаетъ непреодолимое стремленіе учиться и знать. Онъ бѣжитъ изъ родительской хижины, кое-какъ, кое-гдѣ учится, хочетъ обхватить цѣлый міръ вѣдѣнія, и преждевременно сгараетъ отъ излишняго, неудовлетвореннаго порыва пылкой души. Чиновникъ, попавшись въ непріятныя обстоятельства, начинаетъ писать стихи, не имѣя понятія о поэзіи и стихотворствѣ, и не зная, что Провидѣніе одарило его геніяльными способностями. Стихи его нравятся; ихъ хвалятъ. Онъ поправляетъ ими свои обстоятельства, продолжаетъ служить, и иногда писать, не заботясь о вѣковой славѣ, думаетъ о своемъ стихотворствѣ, какъ

досугѣ отъ Сенаторства, а о вѣнкѣ Пиндаровомъ, какъ о средствѣ, не послѣднемъ при службѣ. Далѣе: разсерженный острякъ, мимоходомъ, изображаетъ въ комедіи, что видѣлъ вокругъ себя, и не думаетъ о вдохновеніи, занимаясь службою и свѣтскою жизнью. Наконецъ, человѣкъ, съ необыкновеннымъ даромъ, живя въ глуши, на Кавказѣ, отъ скуки и досады, изображаетъ комическою кистью нѣсколько портретовъ, и пренебрегаетъ даромъ своимъ, увлекаясь службою и другими важными дѣлами. Вотъ тебѣ — Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ. Какая тутъ Литтература? Всѣ эти люди были-ль слѣдствія общаго образованія и стремленія? Нѣтъ: это мимолетныя явленія людей — геніальныхъ, если угодно, но они не образуютъ собою Литтературы, а потому —

Леон. Не хочешь-ли ты сказать, что Литтературы Русской *нѣтъ?*

Фил. Этого я не хочу сказать. По старинной поговоркѣ, природа не терпитъ пустоты. И въ самомъ дѣлѣ, пустоты совершенной нѣтъ ни въ людяхъ, ни въ

природѣ, ни въ обществѣ. Литтература составляетъ такую важную часть общественной жизни, что на мѣстѣ ея пустота никогда не можетъ существовать. Въ самомъ младенчествѣ народовъ, даже когда они не знаютъ грамоты, начала Литтературы у нихъ уже существуютъ.

Леон. Слѣдовательно, и у насъ *есть Литтература!*

Фил. Нѣтъ — *есть начало Литтературы*, опыты, а не полныя явленія.

Леон. Чѣмъ ты докажешь это?

Фил. И обществомъ нашимъ, и самими литтераторами, и, такъ называемою, *Русскою Литтературою.* Начнемъ съ общества.

Тогда только назову я Литтературу какого нибудь народа *голосомъ общества* и *выраженіемъ*, представителемъ *его*, если угодно, когда Литтература будетъ необходимою потребностію общества, будетъ сильно занимать, двигать его, составитъ часть его бытія. Наше общество совсѣмъ не въ такомъ отношеніи къ Литтературѣ, и — право, мало ему дѣла до Литтературы! Не помню, гдѣ

читалъ я, что донынѣ книга для Русскаго человѣка такая-же *вещь*, какъ часы, игрушки дѣтскія, или такое-же занятіе, какъ гулянье подъ Новинскимъ. Такъ-же хотятъ *почитать*, какъ смотрятъ на часы, покупаютъ дѣтямъ коньковъ и куколокъ, и ѣздятъ глядѣть паяцовъ. Сообрази Русскую книжную торговлю, прислушайся къ разговорамъ нашимъ, вглядись на мѣста, занимаемыя въ обществѣ нашемъ литтераторами, и ты удостовѣришься въ словахъ моихъ.

Леон. Ну, пусть такъ. Обратимся къ литтераторамъ.

Фил. Да гдѣ они? Я не вижу, не знаю литтераторовъ, hommes lettrés, какъ называютъ Французы. Я вижу: ученыхъ по званію, то есть, учителей, въ высшемъ или нисшемъ значеніи этого слова; свѣтскихъ людей, которые мимоходомъ пишутъ въ альбомы и альманахи, такъ, какъ играютъ они въ вистъ и ѣздятъ на охоту; людей, добывающихъ писаньемъ деньгу, и которые охотно примутся за карты, за ножницы, за палку, если только имъ будетъ это прибыльнѣе

пера; чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ, которые отъ скуки, для забавы, для денегъ, иногда и изъ видовъ по службѣ, кое-что *пописываютъ*....

Леон. Но вѣдь такъ бываетъ и у другихъ народовъ? Вальтеръ-Скоттъ адвокатъ, Куперъ Посланникъ, Бенжаменъ-Констанъ былъ Депутатомъ, Шатобріанъ Перомъ, Гёте Министромъ.

Фил. Ты не замѣчаешь бездѣлицы: они были *литтераторы*, а все прочее было имъ приложено, потому именно, что они литтераторами были. Это доказывало и доказываетъ только то, какъ высоко цѣнили и цѣнятъ ихъ труды и дарованія соотечественники. Краснорѣчивое, пламенное перо сдѣлало Шатобріана Перомъ, а Б. Констана Депутатомъ, и съ однимъ адвокатствомъ никто и не зналъ-бы въ Англіи В. Скотта, а безъ *Фауста*, *Вертера*, и *Гёца*, никогда Гёте не сдѣлался-бы другомъ Государя, и не былъ Министромъ его.

Леон. Не уже-ли и ты думаешь, что для Литтературы надобны ободренія общества, или дамъ, и жалуешься, что у насъ въ Россіи этого нѣтъ?

Фил. Избави насъ Богъ! Думая такъ, я походилъ-бы на Родосова, который полагаетъ, что Литтературу можно завести у себя, какъ заводятъ бумаго-прядильню, или суконную фабрику. Ты меня спрашивалъ о Русской Литтературѣ, и я говорилъ тебѣ о томъ, какъ она *теперь есть.* Все идетъ своимъ чередомъ. Литтературѣ у насъ время еще не пришло, и его не подвинутъ никакія частныя усилія. Повѣрь, что если-бы даже Правительство захотѣло, не только что вельможа, или дама какая вздумали, покровительствовать особенно и всячески Литтературѣ, и стараться создать ее, то все было-бы безуспѣшно, и кончилось-бы пустяками. То, что произведутъ всѣ ихъ усилія, будетъ похоже на оранжерейныя, или парниковыя растѣнія. Явись теперь у насъ подобныя покровительства— что-же? Къ Меценату, къ нашей Севинье, станутъ собираться смотрѣть на литтераторовъ, какъ смотрятъ на заморскихъ звѣрей у Лемана. Награды и поощренія произведутъ торгашей, наемниковъ, льстецовъ, которые, по выраженію Дер-

жавина, *даже и хвалить не умѣютъ*, а не липператоровъ и не Липператоруру. Вспомни Итальянскую Оперу въ Москвѣ и въ Петербургѣ — вотъ тебѣ вѣрная исторія дѣла, не самобытно возникшаго, но поставленнаго на искусственныя ходули. Это былъ Навуходоносоровъ болванъ, съ золотою головою и глиняными ногами.

Послѣ этого, ты позволишь мнѣ смѣяться надъ липператорурною нашею сцѣсью, и надъ твоею липператорурною Іереміадою!

Леон. Время! время! Да время и никогда не придетъ, если мы сами не будемъ стараться....

Фил. *Рады стараться!* — воскликну я тебѣ по солдатски; да скажи, пожалуй: что можемъ мы сдѣлать? Ну, думай, шуми, плачь, хнычь, дуйся, какъ Езопова лягушка! *Время никогда само не придетъ*, говоришь ты? Какая нелѣпость! Придетъ оно, придетъ, милый другъ, и его ничто не остановитъ, такъ, какъ ничто и не подвинетъ его. И оно идетъ, движется, незамѣтно, безпрерывно, движетъ и насъ

съ собою, такъ что мы этого сами не замѣчаемъ. Посмотри на то, что сдѣлано въ нашей Литтературѣ съ 1732 по 1832-й годъ. Собственно говоря, ничего отдѣльно представить мы не можемъ; но сколько пророческихъ искръ вылетѣло уже изъ души Русской въ эти сто лѣтъ, и какъ вся общность подвинулась! Все это мало, недостаточно, но частныя явленія были великія, начало сдѣлано, и *Димитрій Донскій* стоитъ въ такомъ-же великомъ разстояніи отъ *Семиры*, въ какомъ отъ него находится *Борисъ Годуновъ*; читатель *Маркиза Глаголя* такъ-же отсталъ отъ читателя *Амеліи Мансфильдъ*, какъ этотъ остался назади за читателемъ *Сенъ-Марса*; Грибоѣдовъ, съ своимъ *Горемъ отъ ума*, такъ-же выше Фонъ-Визина съ его *Недорослемъ*, какъ Фонъ-Визинъ былъ выше Сумарокова, съ его *Чудовищами* (*).

Мы уже не доживемъ, милый другъ, до того времени, когда и въ Россіи Литте-

---

(*) То есть, комедіею: *Чудовищи*, напеч. въ Москвѣ, *4-мъ изданіемъ*, въ 1786 году.

ратура займетъ важную степень между общественными отношеніями; когда общество, просвѣщенное, образованное, умѣющее оцѣнять эстетическія наслажденія, поставитъ Литтературу и Изящныя Искусства въ числѣ необходимостей жизни; когда всѣ званія станутъ понимать достоинства и заслуги литтератора; когда обильная ученіемъ, образованіемъ, сильными твореніями, Литтература будетъ цвѣтущимъ, самобытнымъ, великимъ созданіемъ великаго народа. Теперь намъ еще нѣкогда и думать объ этомъ. У насъ столько другихъ дѣлъ и занятій. Не смѣшно-ли требовать Литтературы, когда мы едва грамотѣ знаемъ? Или созданій великихъ, когда образованіе и просвѣщеніе не даютъ къ тому средствъ? Или ученыхъ твореній, когда у насъ нѣтъ еще порядочныхъ учебныхъ книжонокъ?—Я воображаю себѣ нынѣшнее общество Русское Русскимъ помѣщикомъ, который прожилъ зиму въ Москвѣ, и ѣдетъ на лѣто въ деревню, пахать, сѣять, жать, косить, рубить лѣсъ, переводить крестьянъ на пашню, сбирать съ другихъ оброкъ,

курить вино. День отъѣзда — тма хлопотъ! Тутъ готовятъ экипажи, приходятъ со счетами, шумятъ, прощаются, визитируютъ, ѣздятъ въ магазины, въ лавки, толкуютъ съ повѣреннымъ о процессѣ. Дѣти говорятъ отцу, что надобно-бы *книжекъ купить.* »Ахъ, да!« восклицаетъ отецъ—»этакая досада: вѣдь подлѣ Ширяева лавки былъ, покупалъ вина и Прованское масло на Кузнецкомъ мосту—ну! теперь *нѣкогда*, да и *денегъ нѣтъ* — да и *когда* читать, да и *что* читать, и *на что* читать! Вамъ, сударь, должно учить уроки, да готовиться на зиму въ полкъ; а вамъ, сударыня, мало-ли занятій: вѣдь вы ужь, слава Богу, дѣвушка на возрастѣ; пора и не о книгахъ думать, а о чемъ нибудь другомъ...« Вѣренъ-ли этотъ портретъ?

Леон. Но онъ не будетъ вѣренъ въ приложеніи къ Литтературѣ....

Фил. Тутъ о Литтературѣ можно повторить слова де-Виньи: Eele devient ce qu'elle peut.

Леон. Я укажу тебѣ однакожъ на сотни примѣровъ, какіе успѣхи, какой во-

сторгъ читателей сопровождали многія явленія Литтературы Русской....

Фил. Не льзя-ли понтише! Во-первыхъ, изъ сотенъ прошу спуститься на десятки, если еще не на единицы. Далѣе скажу тебѣ, что каждое объявленіе о Русской книгѣ мнѣ кажется похожимъ на объявленіе Хемницерова хитреца,

Который публикѣ въ листочкахъ обѣщался,
Что въ узенькій кувшинъ онъ весь, каковъ онъ есть,
Съ руками,
И съ ногами,
Въ такой-то день намѣренъ влѣзть.

Теперь, любопытство, возбуждаемое въ нашей публикѣ, точь въ точь похоже на толки, какіе возбудило объявленіе объ этомъ хитрецѣ:

...Ба! что такое?
Въ кувшинъ залѣзть? Что онъ! Съ ума сошелъ— пустое!
Гдѣ это слыхано? Да и дуракъ поймешь,
Что способа тутъ нѣтъ,
Хоть какъ ни сталъ-бы онъ ломаться!
Однакожъ, чтобы посмѣяться,
Поѣдемъ, поглядимъ, что это за чудакъ! «

И это любопытство, эту прихоть, которая является въ публикѣ при всякой новости, ты почитаешь восторгомъ и успѣхомъ, когда они, просто за просто — желаніе видѣть: какъ въ узенькій кувшинъ залѣзетъ Русскій писака? Кромѣ немногихъ исключеній, Русскіе литтераторы обѣщаютъ лѣзть въ кувшинъ, а публика смотритъ на ихъ усилія, и любуется.

Леон. Перестань, ради Бога! Если это и правда, то ее прискорбно слушать.

Фил. Но между тѣмъ *должно*, и ты напрасно съ досадою вспоминаешь бесѣду нашу у Родосова и у Слепнина. Учись изъ подобныхъ бесѣдъ составлять истинныя понятія о предметахъ и вещахъ. Родосовъ, и друзья его, есть живое изображеніе того, какъ смотрѣли на Литтературу лѣтъ за тридцать, за сорокъ, наши литтераторы; Слепнинъ, съ его компаніею, снимокъ, какъ смотритъ на нее новое поколѣніе литтераторовъ. Взгляни на общество, опредѣли степень нашего образованія и просвѣщенія, ожидай въ будущемъ, дѣлай самъ, что можешь, въ

надеждѣ, что *не мнѣ, такъ внукамъ пригодится*, а между тѣмъ не требуй, чтобы дитя въ пеленкахъ плясало менуэтъ. Я ни мало не дивлюсь, замѣчая у насъ мѣлкость литтературную, не видя примѣровъ высокаго самоотверженія, и находя повсюду безцвѣтность, холодность, подражательность. Отъ этихъ-ли пестрыхъ куколъ, отъ этѣхъ-ли человѣчковъ на восковыхъ ножкахъ ждать высокихъ, сильныхъ порывовъ души, глубокаго восторга, самобытныхъ созданій! У нихъ всѣ дѣтскіе пороки. Самохвальство, горделивость, невѣжество, мѣлочную зависть, сплетни, подражательность—все это найдешь ты въ Литтературѣ нашей, и—ни одной добродѣтели, даже ни одного порока взрослаго человѣка.... Да что я заговорилъ такимъ языкомъ?... Съ Литтературою Русскою надобно шутить и смѣяться, потому, что на дѣтей сердиться грѣшно и смѣшно. Пусть критика ставитъ иногда Русскихъ литтераторовъ въ уголъ, за шалости; пусть публика иногда даритъ вниманіемъ своимъ ихъ *стишки* и *твореньица*, какъ дарятъ

дѣтей обновками къ празднику — и только! — Знаешь-ли, что́ теперь было-бы всего полезнѣе для Литтературы Русской?

Леон. Явленіе великихъ литтераторовъ?

Фил. Да гдѣ ихъ намъ взять? Вѣдь ихъ не льзя ни садить, ни сѣять.

Леон. Распространеніе истинныхъ понятій о Литтературѣ, о литтераторахъ, или здравыя понятія о теоріи, и ознакомленіе съ великими образцами?

Фил. Сперва надобно выучиться все это понимать. — Нѣтъ! я желалъ-бы видѣть *Исторію Русской Литтературы*, написанную въ родѣ Риваролева *Календаря великихъ-малыхъ людей* (Petit Almanach des grands-hommes), и теорію того, какъ писать всякія литтературныя *штуки*, создавать литтературные пустяки, и изъ нихъ составлять Литтературу.

Леон. Но какая-же польза? Насмѣшка не теорія, и эпиграмма не доказательство.

Фил. Знаю, но часто онѣ полезнѣе вашихъ теорій и доказательствъ. Не всякій станетъ читать толстыя, Русско-

Нѣмецкія Эстетики; еще менѣе понимать могутъ ваши силлогизмы. А посмѣяться всякій радъ, и шутку каждый пойметъ.

Леон. Вѣкъ апологическихъ правоученій проходитъ....

Фил. Никогда онъ не пройдетъ, пока не наступитъ время, въ которое можно будетъ говорить людямъ все, или, какъ говорится, когда будетъ, *что на умъ, то и на языкъ*. Но если ты хоть немного знаешь людей, то согласишься, что такого времени долго еще не дождаться бѣлому свѣту.

Леон. Правда!

Фил. Чего-же тебѣ болѣе? Шути, когда не льзя важничать! Для добраго дѣла всякій способъ хорошъ, за всякое средство спасибо. Недавно сдѣлалъ я маленькій опытъ обозрѣнія современной нашей Литературы, и составилъ дидактическое разсужденіе о цѣли, средствахъ, и слѣдствіяхъ Литературъ вообще, и особенно Литературы Русской. Хочешь-ли прочесть? Это опыты, въ родѣ тѣхъ книгъ, которыхъ я желаю появленія. Я принесу къ тебѣ то и другое.

Леонидъ. Очень радъ. Можетъ быть, не соглашусь съ тобою, такъ какъ и теперь несогласенъ во многомъ; но въ томъ я согласенъ совершенно, что

Смѣяться, право, негрѣшно,
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно....

Фил. Коли на эпиграфы пошло, то и я тебѣ могу сказать также —

Ахъ! не все намъ рѣки слезныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ....

Это было напечатано на *Русалкѣ*, и подъ этимъ эпиграфомъ нелѣпая Русалка пережила болѣе 25 лѣтъ. Дай Богъ такого долголѣтія лучшей изъ современныхъ поэмъ нашихъ романтиковъ!

ВОСПОМИНАНІЯ

НА

СВЯТКАХЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

на

СВЯТКАХЪ.

Въ Москвѣ, *доброй*, какъ назвалъ ее Карамзинъ, живало въ прежніе годы много стариковъ, живыхъ лѣтописей прошедшаго. Удаленные отъ шума столицы на Прѣсненскіе пруды, въ Замоскворѣчье, за Земляной Городъ, они тихо доживали и договаривали свой вѣкъ: человѣкъ любитъ *поговорить*, когда не можетъ *дѣйствовать*; кто *дѣйствуетъ*, тотъ *говоритъ мало*. Я узналъ Москву очень давно, и слыхалъ еще въ ней разсказы и были Елисаветинскаго и Екатерининскаго вѣка; видалъ людей въ пожелтѣлыхъ мундирахъ, съ бѣлыми какъ снѣгъ головами, съ Кагульскими рубцами на лицѣ, и со значками за взятіе Хотина и завоеваніе Крыма. Я былъ тогда еще молодъ, но уже любилъ слушать ихъ безконечные разсказы, любилъ переселяться съ ними отъ настоящаго къ прошедшему. Когда мнѣ быва-

ло грустно, когда мнѣ бывало весело, я всегда охотно слушалъ добрыхъ стариковъ, разсказывавшихъ мнѣ свои были и небылицы: они переносили меня въ кругъ людей, уже давно не существовавшихъ, живо рисовали предо мною — и ужасы Московской чумы, и бунтъ Пугачева, и Китайское посольство въ Петербургъ, и Шведскаго Адмирала, плѣнявшаго всѣхъ Московскихъ красавицъ, лѣтъ за сорокъ до нашего времени. Разсказы и повѣсти всегда мнѣ нравились и могу-ли исчислить все, что переслушалъ я отъ добрыхъ старожиловъ Московскихъ! Могу-ли передать вамъ всѣ ихъ преданія о мечтахъ и надеждахъ, давно уснувшихъ съ мечтателями, о порывахъ сердецъ, кипѣвшихъ сильными страстями и давно охолодѣвшихъ въ могилѣ, о старыхъ повѣрьяхъ и обычаяхъ, давно изчезнувшихъ!

Хочу однакожъ разсказывать иногда вамъ, друзья мои, кое что изъ того, что самъ слыхивалъ, и вотъ теперь, кстати на Святкахъ, послушайте, что мнѣ удалось

услышать въ одинъ только вечеръ въ бесѣдѣ нѣсколькихъ стариковъ.

Вамъ нѣтъ надобности знать, сколько лѣтъ прошло тому, какъ жилъ въ Москвѣ одинъ человѣкъ, старый, добрый, любезный, словоохотливый. Много, мало: не все-ли для васъ равно? Я уважалъ его, какъ старика, и любилъ, какъ человѣка. Въ его семействѣ провелъ я нѣсколько часовъ счастливой юности. Тогда еще глядѣлъ я на свѣтъ сквозь призму надеждъ, жилъ въ области мечтаній. Улыбка прелестной дѣвушки,

И соловей въ тѣни дубравы,
И шумъ безвѣстнаго ручья,

радовали меня чистою, безпритворною радостью! Когда вечеромъ, подлѣ камина собиралось доброе семейство моего стараго друга, когда *ты* оживляла его собою, ты, которую я назвать не смѣю, которая послѣ отказалась отъ счастья, и промѣняла его на блестящую куклу большаго свѣта—я счастливъ бывалъ въ то время! Но полно объ этомъ. Скажу вамъ, что дружеская бесѣда наша украшалась

иногда присутствіемъ старинныхъ друзей и добродушныхъ пріятелей.

Были, какъ теперь, святки. Гдѣ могъ я лучше и веселѣе провесть длинный зимній вечеръ, если не у моего стараго друга. Ѣду къ нему. Погода была несносная: снѣгъ хлопьями падалъ, и сугробы его переносило вихремъ съ мѣста на мѣсто. Тѣмъ милѣе было, послѣ труднаго путешествія, отдохнуть въ теплой, свѣтлой комнатѣ, съ людьми счастливыми и веселыми.

Я засталъ полное собраніе. Хозяинъ, въ своемъ калпакѣ и Татарскомъ халатѣ, занималъ главное мѣсто подлѣ камина. Дымъ вился изъ трубки его сослуживца, Суворовскаго воина, подлѣ котораго сидѣлъ нашъ общій знакомецъ (назовемъ его хотя Терновскій: Милоны, Добровы и Правдины надоѣли намъ въ Русскихъ комедіяхъ.) Это былъ добрый философъ, который вѣрилъ всѣмъ привидѣніямъ, всѣмъ колдунамъ, всему чудесному на свѣтѣ, и все старался изъяснять, какъ онъ говорилъ, *естественнымъ образомъ.* Присовокуплю къ этому Шумилова, до-

браго старика, который на своемъ вѣку объѣздилъ полъ-Россіи, самъ видѣлъ все, что разсказывалъ, разсказывалъ обо всемъ, что видѣлъ, и былъ записной охотникъ пересказывать чудесны были и сказки. Я засталъ у нихъ жаркій споръ о какомъ-то дѣлѣ первой Турецкой компаніи, но въ тоже время замѣтилъ желаніе хозяина говорить о чемъ нибудь другомъ.

У него была странная привычка: говорить всегда о томъ, что прилично времени и обстоятельствамъ. Кромѣ обыкновенныхъ разсказовъ о путешествіи на Кавказъ, поѣздкѣ въ Польшу и знакомствѣ тамъ съ Костюшкою (объ этомъ когда нибудь разскажу вамъ особо), онъ любилъ поговорить о политикѣ, когда получалъ газеты, о полярныхъ земляхъ зимою, объ Африкѣ въ жаркій лѣтній день, и о привидѣніяхъ на канунѣ Ивана Купалы.

Круто повернулъ онъ разговоръ, спрашивая меня о погодѣ, и извѣстилъ, что всѣ его домашніе уѣхали на вечеръ къ одному изъ знакомыхъ. »Я думалъ,« прибавилъ онъ, »что и ты тамъ будешь.«

— Нѣтъ! меня звали, но я отказался.—

» А для чего? Пока молодъ, надобно веселиться и играть жизнью. Будетъ пора и для тебя, когда дома, подлѣ камина, будетъ тебѣ казаться веселѣе, нежели на балѣ.«

— А вы сами всегда слѣдовали этому правилу?

» О, да какъ еще слѣдовалъ! На меня не пожалуются мои ровесницы, чтобы я скупъ бывалъ на ласковыя привѣтствія и мадригалы, а въ менуэтѣ á la Reine, никто лучше меня не умѣлъ вытянуть ноги и учтивѣе привѣтствовать свою даму. Вы, нынѣшніе молодые люди, сидни, а мы были настоящими молодцами.«

— Напротивъ, нынѣ жалуются на вѣтренность молодыхъ людей.

» Правда, но вѣдь это вѣчная жалоба, а разбери-ка хорошенько, то увидишь, что вы сдѣлались увальнями противъ насъ, и замѣняете все какою-то Американскою дикостью. Нѣтъ правила безъ исключеній (прибавилъ онъ, пожимая мою руку): я говорю вообще. Начнемъ съ нашего убора: какіе были мы щеголи! Стальныя, свѣтлыя пуговицы, барсовые, полосатые кафтаны,

пряжки, съ каменьями, на башмакахъ, двое часовъ, съ огромными пучками привѣсокъ— можно-ли сравнить ваши темныя куртки, вашу матрозскую одежду, съ такимъ великолѣпнымъ нарядомъ! А учтивость? Дама казалась царицею въ нашемъ кругу, а вы оборачиваетесь къ дамамъ спиною, толкаете ихъ, и не думаете уважать. «

Знаешь-ли, когда это началось?—сказалъ Суворовскій сослуживецъ—съ Французской, братецъ, революціи! Тогда, какъ мы били революціонеровъ въ Италіи, наши дамы ахали отъ ихъ всклоченныхъ головъ, отъ *либеральнаго* платья ихъ, остригли себѣ волосы, надѣли парики....

» Но что-жъ тутъ худаго?« подхватилъ Шумиловъ — »все это въ порядкѣ вещей; нынѣ любятъ простоту: менѣе блеску снаружи, больше внутренняго достоинства. «

— Если-бы такъ! сказалъ хозяинъ смѣясь — а бѣда въ томъ, мнѣ кажется, что нынѣшняя молодежъ тѣ-же стеклянныя куклы, что были мы, только мы были прозрачныя, хоть сквозь глядись, а нынѣ этѣхъ куколъ красятъ темною краскою.

» Ты противорѣчишь естественнымъ дѣйствіямъ природы,« возразилъ Терновскій. Свѣтъ дѣлается не хуже, а лучше: это рѣшенная задача. Только наша братья, старики, твердятъ, что свѣтъ сталъ, или становится хуже.

— Другъ мой! этого я никогда не скажу; дѣло въ томъ только, что свѣтъ твой, становясь умнѣе, не дѣлается счастливѣе.

» Что такое счастье? Понятіе относительное. Кто становится лучше, тотъ долженъ быть счастливѣе.«

— Похоже на доказательство, да воля твоя, а прежде какъ-то было живѣе. Мы больше умѣли жить: были молоды въ молодости, и отъ того доживали до сѣдыхъ волосъ. Но Богъ знаетъ, увидятъ-ли наши потомки стариковъ изъ нынѣшняго времени! Теперь старѣютъ такъ рано, и отъ того, можетъ быть, не успѣваютъ жить, или боясь не успѣть, спѣшатъ жить, и отъ того рано старѣютъ. У насъ было *прошедшее*, *настоящее* и *будущее;* теперь живутъ въ одномъ *настоящемъ*. Молодежъ не думаетъ о будущемъ,

а мы только твердимъ о прошедшемъ. Жизнь развивается теперь, какъ часовая гиря на струнѣ. Часы бьютъ, всякій говоритъ: *какъ поздно!* и слова пролетаютъ со звономъ часоваго колокольчика, пока гиря стукнетъ въ полъ....

» Тогда ее опять заведутъ,« сказалъ смѣясь Шумиловъ,« и опять часовой колокольчикъ начнетъ названивать: *летитъ невозвратное время!* Это было давно сказано.«

— Можетъ быть, я худо выразилъ свою мысль — отвѣчалъ хозяинъ — говоря, что прежде живѣе умѣли жить....

»Разумѣется, живѣе, какъ дѣти, которые лучше взрослыхъ умѣютъ восхищаться игрушкой.«

— Хорошо; да кто счастливѣе: дитя-ли съ своею игрушкою, или Философъ, изчахшій надъ истинами? Ты говоришь: свѣтъ сталъ умнѣе! Богъ знаетъ, мой другъ! Полно не *уличаетъ-ли* онъ больше прежняго? Сердечно радуюсь нынѣшнему Философскому вѣку, а какъ ни смотрю на людей, они всѣ тѣ-же люди — тѣ-же, между тѣмъ важная разница! Прежде больше было этого, какъ-бы сказать,

веселья жизни, безъ котораго въ свѣтѣ холодно, какъ безъ печки въ трескучій морозъ. Оно, коли хотите, обманываетъ насъ своимъ волшебнымъ фонарикомъ, но людямъ съ нимъ весело.

» Ты глядишь на свѣтъ съ одной стороны,« сказалъ Терновскій.

— Со стороны сердца! Шалунъ Вольтеръ былъ очень правъ и, вѣроятно, отъ сердца сказалъ, оканчивая забавную свою сказочку — »Всѣ бѣгутъ за истиною, но, повѣрьте, друзья мои, что заблужденіе имѣетъ свою цѣну!«

Разумѣется. Голая истина еще не по вѣку гостья. Я увѣренъ, что она ужаснула-бы нынѣшняго человѣка, если-бы онъ взглянулъ на нее лицомъ къ лицу.

— Вотъ, насилу ты со мной соглашаешься! За чѣмъ-же свѣтъ отказывается отъ своей юности: еще рано, и спѣшить бы не за чѣмъ. Истина только выглядываетъ еще изъ своего колодца; ей даютъ щелчки, и она опять прячется. Умъ человѣческій еще бродитъ на костыляхъ глупости, потому, что сильная подагра мѣшаетъ ей самой шататься въ мірѣ.

» По міру« (сказалъ Терновскій): »доброхотныхъ дателей довольно, а люди, какъ разнощики, ходятъ между тѣмъ и кричатъ: *умъ! свѣжій умъ!* Развернешь коробочку: она пустая.«

Всѣ засмѣялись. — Что мы зафилософствовали—сказалъ Суворовскій сослуживецъ—примѣровъ нѣчего искать далеко. По моему: старый вѣкъ и новый вѣкъ тоже, что старый серебряный рубль и новый.

»Сравненіе не дурно,« сказалъ Шумиловъ, »но вѣдь новый рубль все рубль для того, у кого нѣтъ стараго: такъ и въ свѣтѣ, и знаете-ли что? Я помню, когда я былъ въ Сибири, и мнѣ надобно было заплатить Якутскому Шаману за ворожбу его, я вынулъ два рубля, и хотѣлъ отдать ему старый, онъ сказалъ мнѣ: *Тоёнъ-бачка! дай мнѣ вонъ этотъ свѣтленькій!* «

— Да свѣтленькій-ли нашъ вѣкъ? Онъ похожъ на монету, на которой клеймо худо выбито. — Вспомни старое, пріятель!—сказалъ хозяинъ—у нашей монеты клеймо было грубѣе, да яснѣе. Посмотри хотя на нынѣшнія веселья: такое одно-

образіе, все такъ расположено, сглажено! Въ танцахъ ходятъ, съ радости дѣлаютъ гримасы, съ горя улыбаются. Мы плакивали съ горя, за то съ радости хохотали. Повторяю, что сказалъ: прежде бывало больше житья, больше разнообразія въ бытьѣ!

» Если хотите,« сказалъ Терновскій, »то чѣмъ далѣе вспарину, тѣмъ бывало больше. Таковы естественныя дѣйствія природы. Выигрывая въ умѣ, мы теряемъ въ сердцѣ. Наши предки оживляли все: у нихъ являлись духи, привидѣнія, волшебники, а мы знаемъ, что все это естественныя дѣйствія природы.

— И жаль, что мы это знаемъ—прибавилъ Шумиловъ. Нынѣшнимъ стихотворцамъ горе, да и только: нѣчего списывать съ самихъ себя! А посмотрите, сколько найдутъ они въ старинѣ, нашей и иноземной!

» И посмотри, какъ охотно всякій подѣлится съ ними наслажденіемъ стариною,« сказалъ хозяинъ. Нѣтъ! право, мы еще жили, если не лучше, такъ веселѣе. Возьмемъ спроста: вотъ теперь Святки.

Чѣмъ отличаются они отъ Святой Недѣли? У насъ на все былъ свой манеръ! Бывало, о Святой мы строимъ качели, о Масляной катаемся съ горъ, а о Святкахъ поемъ подблюдныя пѣсни.«

— Загляните-жь встарину постарѣе нашей — сказалъ Терновскій. Ужъ и мы болѣе *смотрѣли* на этѣ игры, а предки наши болѣе *играли* въ нихъ сами. Да, и я люблю старину, хоть не соглашаюсь, что тогда было лучше. Я люблю ее, какъ дитя, которое безпечно и невинно боится трубочиста, отъ того, что онъ черенъ, и съ хлопушкою въ рукахъ прыгаетъ отъ радости, потому, что она хлопаетъ.

Тутъ начался между ними разговоръ о старинѣ, объ ея весельяхъ и забавахъ. »Помнишь,« сказалъ хозяинъ Шумилову, »наши Святочные вечера! Бывало соберется народу множество, и пойдетъ потѣха: днемъ катанье—саней пятьдесятъ ѣдутъ однѣ за другими, что говорится, *дуга на дугѣ*, какъ свадебный поѣздъ; вечеромъ начнутся фанты, пѣсни, гаданье:

бѣгаемъ полоть снѣгъ, слушать подъ окнами....«

— Дѣвушки выбѣгаютъ за ворота, спрашиваютъ имена прохожихъ, и крѣпко бывало вѣрятъ, что именно такъ зовутъ жениха, какъ скажется прохожій, а мы съ ними проказимъ, переодѣваемся, забѣгаемъ впередъ, называемся Ѳомами, Сидорами, Карпами — сказалъ Шумиловъ.

» А иголка въ жерновахъ развѣ правды не говорила? Бѣдная иголка бывало пищитъ, а ворожеи угадываютъ: чье имя выговариваетъ страдалица.«

— Мало-ли проказъ—сказалъ смѣючись Шумиловъ. Спросите меня: я видалъ, какъ въ Сибири прежде проводили Святки. Вотъ ужъ праздникъ! Что за веселье! Старики и старухи, молодежь, дѣти ходятъ въ гости съ утра до вечера. У всякаго на столѣ *питеры* и *пьдеры*, какъ говорятъ Сибиряки. Русскому хлѣбосольству полный разгулъ. *Хворосты*, *тарки*, *сахарники* взгромождены на столахъ горами; самовары кипятъ безпрестанно. Отъ мороза кровли трещатъ и ставни палятъ, какъ изъ пушекъ, а въ горницахъ тепло

и жарко. Въ шубахъ, въ шапкахъ, въ теплыхъ сапогахъ, Сибиряки и Сибирячки толпами выѣзжаютъ на бѣгъ: тамъ прежде бывали большіе охотники до бѣгуновъ, и Сибирскіе рысаки и иноходцы мчатся бывало, какъ вихорь. Иззябнувъ, всѣ ѣдутъ пить чай къ побѣдителю. Начинаются здоровья—пиръ горою! Смеркается, пойдутъ игры: старики садятся кружками, и смотрятъ, какъ красивый мужчина, или хорошенькая дѣвушка, съ завязанными глазами, подъ хлопанье *жгутовъ*, ловятъ разсыпныхъ непріятелей своихъ. Смѣхъ, хохотъ! Иной, бѣгавши изъ угла въ уголъ, убѣжитъ отъ ловца въ другую комнату. *Онъ сгорѣлъ!* кричатъ всѣ, и преступникъ заступаетъ мѣсто слѣпца. Ахъ! какъ мнѣ нравятся также другія, простыя, святочныя игры Сибиряковъ! Знаете-ли вы, какъ *растятъ макъ*, и играютъ *въ имена?*

» Я самъ бывалъ макомъ!« вскричалъ Суворовскій сослуживецъ. Бывало поставятъ меня въ кружокъ, пляшутъ, поютъ и спрашиваютъ: *поспѣлъ-ли макъ?* Но макъ сперва сѣютъ, полютъ, онъ цвѣ-

тенъ, а попомъ, поспѣлый, всѣ щиплютъ! «

— Я слыхалъ — примолвилъ Шумиловъ — что многія святочныя игры перешли къ намъ отъ Грековъ, когда-то вспарину. Вспоминаю игру: *заплетать плетень*, когда, ленцами перепутывается весь хороводъ, и поютъ:

Заплетися, плетень, заплетися,
Ты завейся, труба золотая,
Завернися, камка хрущатая!

Это, говорятъ знатоки, подражаніе Греческой игрѣ, а игрою этою Греки славили память Тезея, и убіеніе Минотавра, съ помощію Аріадниной нитки. *Живъ, живъ курилка*, также игра Греческая.

» За то у насъ есть свои Русскія игры и обычаи святочные. Знаете-ли, что такое *колядованье* въ Малороссіи? «

— Слыхалъ, и мнѣ жаль, что не соберутъ въ какой нибудь книгѣ всѣхъ святочныхъ Русскихъ обычаевъ, игръ и пѣсенъ. Прежде праздникъ Святокъ праздновали бывало до самаго Крещенья. Съ самой заутрени перваго дня начиналось *Христославленье*. Петръ Великій любилъ

этотъ патріархальный обрядъ, и самъ исполнялъ его, съ Менщиковыми, Шереметевыми, Долгорукими и Апраксиными. Толпы народа хаживали прежде изъ дома въ домъ, пріятели къ пріятелямъ и незнакомые къ незнакомымъ, пѣть духовныя стихиры: *Христосъ рождается, славите!* За ними мастера проговаривали *рацеи.* Одна изъ нихъ особенно извѣстна во всей Россіи; вотъ какъ она начинается:

Нова радость, во всемъ мірѣ,
Нынѣ намъ явися!

Кромѣ обѣдовъ, пирушекъ и бесѣдъ, вечера посвящались играмъ и пѣнью подблюдныхъ пѣсенъ.

» Ты забываешь о другихъ святочныхъ увеселеніяхъ,« сказалъ сослуживецъ Суворовскій. »Я еще запомню, какъ въ Москвѣ въ это время бывали лошадиные бѣги и кулачные бои. Я помню, что покойный Графъ А. Г. Орловъ былъ страшный охотникъ до всякихъ Русскихъ игръ. Народу соберутся у него кучи — ура! Стѣна на стѣну.... *О Русскій бодр-*

ственный народъ! И шутъ бывало отъ шутки доходитъ до дѣла...«

— Въ маленькихъ Украинскихъ городахъ кулачный бой занимаетъ и теперь всѣхъ. Недавно проѣзжалъ я черезъ Богодуховъ: нѣкому было лошадей запрячь; всѣ на кулачномъ бою: шумъ и крикъ, и цѣлый городъ бьется!

» А согласитесь—сказалъ хозяинъ—что кто сообразитъ все бывающее у насъ на Руси о Святкахъ, тотъ хорошо пойметъ духъ Русскаго народа, народа веселаго, добраго, славнаго! О Святкахъ, полное раздолье Русскому духу!«

— И духамъ—примолвилъ, засмѣявшись, Шумиловъ. Вы знаете, что до самаго Крещенья, мертвецы, духи, колдуны, вѣдьмы свободно разгуливаютъ и проказятъ. У нихъ есть свои привиллегированные дни.

» То есть, ты хочешь сказать, что ихъ вовсе нѣтъ?« спросилъ Терновскій.

— Разумѣется. Думаю, что изъ всѣхъ насъ никто не повѣритъ, если ты скажешь, что даже самъ видалъ духовъ.

» Любезный!« отвѣчалъ Терновскій, »я вѣрю духамъ, только по своему.«

— Разскажи пожалуй, какъ-же это? вскричали всѣ.

» Согласитесь со мною, друзья мои,« сказалъ Терновскій важнымъ голосомъ, »что въ природѣ есть еще много тайнаго и неоткрытаго нами. Я никакъ не ограничиваю человѣческихъ чувствъ, только извѣстными пятью чувствами, которыми равно обладаютъ и обезьяны и звѣри. Если у насъ есть что нибудь для вмѣщенія того, что мы называемъ *умомъ*, то оно должно и являться въ нѣкоторыхъ открытыхъ явленіяхъ.«

— Слѣдственно? спросилъ Шумиловъ.

» Слѣдственно, все то, что кажется намъ непонятнымъ, не можетъ быть отвергаемо, а должно приписывать многое этому тайному, или этимъ тайнымъ чувствамъ и расположеніямъ. Первое, что я отношу сюда, есть *симпатія*, второе *антипатія*, третье....

— Полно мечтать, мой другъ! Съ твоими предположеніями, симпатіями и антипатіями, можно всѣ небылицы привесть къ естественнымъ слѣдствіямъ.

» Когда *можно*, почему-жъ не *должно*?

— Потому не должно, сказалъ Шумиловъ, что всѣ твои естественныя слѣдствія, въ этомъ случаѣ, почти всегда сказки, перевранныя, измѣненныя, плоды разстроеннаго воображенія.

» *Часто*, но *не всегда*. Я приведу тебѣ множество доказательствъ, которыхъ безъ моихъ предположеній никакъ ты не изъяснишь. Напримѣръ: *Физіогномія*, знаніе врожденное человѣку, хотя его и отвергаютъ, ничѣмъ неопровергаемо! Не всякій-ли изъ насъ чувствуетъ симпатическое стремленіе къ одному, и антипатическое отвращеніе отъ другаго человѣка?

— Вздоръ! Это просто какое-то сходство сложеній человѣческихъ, болѣе или менѣе близкихъ или далекихъ тому или другому человѣку.

» Стало, ты признаешь нѣкоторую общность въ Человѣчествѣ? А предчувствія, сны, видѣнія самаго себя: это дѣла, неподверженныя сомнѣнію. Горные Шотландцы имѣютъ особенное свойство *двойнаго зрѣнія*, потому, что чувства ихъ утонченнѣе нашихъ: они знаютъ напередъ, что въ такое-то время ихъ по-

сѣтуютъ такой-то незнакомецъ, и знаютъ потому, что видятъ его, опишутъ вамъ подробно, каковъ онъ собою, никогда съ нимъ не встрѣчавшись.

— А если это тонкій обманъ?—сказалъ Суворовскій сослуживецъ.

» Ты, братецъ, рубишь съ плеча, *по Суворовски!*« отвѣчалъ, смѣясь, Терновскій. Если я тебѣ приведу множество примѣровъ людей, которые, не думая обманывать, видали необыкновенныя явленія. Знаешь-ли, что Наполеонъ всегда видѣлъ на небѣ свѣтлую звѣзду? «

— А если эта свѣтлая звѣзда была одна комедія, игранная Наполеономъ лѣтъ десятокъ? Что ты скажешь на это? Развѣ у Нумы Помпилія не было Нимфы Эгеріи, у Серторія не было пріученнаго оленя, у Мугаммеда ручнаго голубя?

— Сказки! — сказалъ Шумиловъ.

» Я такъ думаю, что не совсѣмъ сказки. Положимъ, что многіе изъ умныхъ людей употребляли хитрости съ простымъ народомъ; но если видимъ разницу въ зрѣніи, слухѣ, осязаніи, обоняніи людей, почему не предположить дальнѣйшихъ

различій даже самымъ этимъ чувствамъ, въ высшей степени? Я знаю въ Москвѣ одного правдиваго человѣка, который твердо увѣренъ, что пока не явится ему другъ его, съ которымъ условились они видѣться въ часъ смерти, то онъ не умретъ.

— Вотъ въ этомъ-то *твердомъ увѣреніи*, кажется, и вся тайна — сказалъ Шумиловъ. Отъ нея произошли всѣ примѣты, причуды, вѣра въ сны, предчувствія. Можно приучить свои тѣлесныя чувства, можно приучить и душевныя способности ко многому. Я зналъ одного человѣка, замѣчательнаго, необыкновеннаго. Это былъ нашъ славный мореплаватель Шелиховъ. Вы о немъ слыхали. Онъ твердо вѣрилъ снамъ, предчувствіямъ, примѣтамъ. Вотъ, что разсказывалъ мнѣ одинъ близкій его знакомецъ. Какъ теперь вижу, говорилъ онъ мнѣ, когда мы ѣхали въ Охотскъ, вмѣстѣ съ Шелиховымъ. Не доѣзжая верстъ за 100, Шелиховъ сдѣлался задумчивъ, безпокоенъ и важно сказалъ мнѣ: »Пріѣхавъ въ Охотскъ, мы найдемъ наше судно, пришедшее изъ Америки.« Я удивился, сталъ

спорить, и вывелъ его изъ терпѣнія. Онъ былъ горячаго, пылкаго характера, и съ сердцемъ сказалъ мнѣ: »Такъ знай-же, что едва выѣдемъ мы на Охотскую Кошку, какъ судно будетъ въ виду у насъ (*Кошкой* называютъ тамъ длинную песчаную косу, на которой стоитъ Охотскъ). Судно это наше, и съ богатымъ грузомъ! » Ѣдемъ спокойно, и—только что мы приближились къ песчаной Охотской Кошкѣ, въ морѣ показалось судно! Оно точно принадлежало Шелихову, и было съ богатымъ грузомъ. Что этотъ анекдотъ достовѣренъ, ручаюсь вамъ; что Шелиховъ не могъ знать о прибытіи судна никакимъ образомъ, вы согласитесь сами. Надобно вамъ знать, что Шелиховъ былъ необыкновенный человѣкъ, съ обширнымъ умомъ, и что-же? Онъ вѣрилъ физіогноміи, примѣтамъ, и въ жизнь свою никогда не зналъ неудачь. Онъ изумлялъ своею обдуманностью, проницательностью, и изъ бѣднаго Рыльскаго мѣщанина, подъ конецъ жизни, весьма недолгой, нажилъ милліоны. Самое предпріятіе его: плыть въ неизвѣстную тогда Америку, на ветхомъ суденышкѣ,

безъ снарядовъ, безъ припасовъ, съ однимъ грубымъ компасомъ, и по звѣздамъ правя путь, доказываетъ его рѣшительность и надежду на свое счастіе, и я вывожу, что....

» Изъ этого я вывожу (сказалъ поспѣшно Терновскій), что у людей необыкновенныхъ душевная и тѣлесная сила болѣе нашей, и они одарены тѣмъ, чего мы не имѣемъ, и, слѣдовательно, чего мы постигнуть не можемъ. «

— Хорошо—отвѣчалъ Шумиловъ—пусть будутъ у нихъ силы намъ неизвѣстныя. Да, они-то сами, въ отношеніи къ природѣ, подъ одинаковыми законами, какъ и всѣ мы.

» Нѣтъ! тайная сила ихъ находится и въ сильнѣйшихъ отношеніяхъ къ природѣ. И вотъ что называли прежде духами, привидѣніями: это наши тайныя отношенія, непонятныя другимъ. Прежде все олицетворяли. Сократъ свою тайную силу называлъ *демономъ*, и откровенно признавался, что у него есть тайный геній, который руководствуетъ его, и часто противорѣчитъ ему самому.

— Ты мечтатель!—сказалъ Шумиловъ,

и долженъ вспомнить, что воображеніе можетъ дѣйствовать и обманывать насъ удивительнымъ образомъ. Человѣкъ въ горячкѣ чего не видитъ, чего не наскажетъ вамъ, но всѣ слова его — мечты, обольщеніе чувствъ, въ которыхъ льется огонь горячки. Далѣе: должно повѣрять извѣстія. Люди такъ любятъ все чудесное, такъ любятъ прибавлять, что на ихъ разсказы полагаться невозможно. Прибавь обманы, ловкость, хитрости. Я даже за Сократова генія не поручусь. Можетъ быть, это была его хитрость. Посмотри на чревовѣщателя, фокусника, обморочивателя: если-бы мы не знали, что они все дѣлаютъ естественнымъ образомъ, то какъ не почесть ихъ волшебниками? Въ глазахъ другихъ, человѣкъ снимаетъ съ себя голову, брѣетъ ее, и опять надѣваетъ по прежнему; вода рвется въ комнату, затопляетъ полъ, всѣ пугаются, кричатъ — и все это оптическая, или химическая шалость.

»Но отъ чего-же эта всеобщая увѣренность, что въ природѣ есть много тайнаго, непонятнаго?

— Разумѣется, что есть, да это тайное, непонятное не то, что ты думаешь. Иначе надобно будетъ вѣрить, что лѣшіе ходятъ по полямъ и заводятъ людей въ болоты, Русалки хохочутъ въ рѣкахъ, а вѣдьмы ѣздятъ на помелахъ и спускаются въ трубы.

» Это вздоръ. «

— Почему: вздоръ? Этому также вѣрятъ милліоны людей, какъ ты вѣришь своёму тайному чувству и сношеніямъ съ природою. Исторію о мертвецѣ, который увезъ дѣвушку, свою невѣсту, разсказываютъ въ Англіи, въ Россіи, въ Польшѣ; шабаши вѣдьмъ на Брокенѣ и въ Кіевѣ — одинаковое повѣрье въ Россіи и въ Нѣмецкой землѣ.

»А что ни говорите, но я люблю разсказы о вѣдьмахъ, мертвецахъ, колдунахъ и привидѣніяхъ, и всегда съ радостью слушаю страшныя повѣсти, сказалъ хозяинъ.

— Я самъ люблю ихъ слушать и даже разсказывать, но не вѣрю имъ ни сколько — сказалъ улыбаясь Шумиловъ. «

Видно было, что оба они попали на своихъ коньковъ: одному хотѣлось слушать, другому разсказывать. »Да не знаешь-ли ты какой нибудь пострашнѣе?« сказалъ хозяинъ....

— Какъ не знать. Я изъѣздилъ *матушку-Русь* вдоль и поперегъ, не изъ семи печей хлѣбъ ѣдалъ, и, коли хотите, попотчиваю васъ *Русскими разсказами*, которые также страшны, какъ Нѣмецкіе.—

» А Терновскій станетъ изъяснять намъ естественныя причины ихъ,« сказалъ хозяинъ, улыбаясь, и подвинувшись къ стѣнѣ, на своемъ широкомъ диванѣ.

— Слушать и я не прочь — прибавилъ Суворовскій сослуживецъ, садясь подлѣ него.

» Я разскажу вамъ происшествіе удивительное и непостижимое. Въ одномъ Сибирскомъ, отдаленномъ городѣ, видѣлъ я страннаго человѣка. Онъ родился отъ бѣднаго слѣпца, и какой-то хромой, уродливой нищей. Эти бѣдняки на дѣлѣ доказывали истину извѣстной басни Дмитріева. Желаніе дополнить другъ другу недостатки бытія, заставило ихъ обвѣн-

чаться, и хромая подруга нищаго слѣпца, точно взявшись за руку, шла съ нимъ по пути жизни, потому что, говоря безъ фигуръ, *водила* его. Мужъ ея промышлялъ пѣмъ, что пѣлъ псальмы, и игралъ на скрыпкѣ. Вы, конечно, знаете, что это весьма часто бываетъ у насъ на Руси, и въ Сибири также, средствомъ прокормленія слѣпцовъ. На Русскихъ ярмаркахъ почти всегда увидите вы ихъ цѣлые ряды. Они раздѣляются на нѣсколько хоровъ, подбираютъ голоса, одинъ наигрываетъ на скрыпкѣ, другіе поютъ попеременно, какъ Венеціянскіе гондольеры. Я, признаюсь, не рѣдко заслушивался ихъ стройнаго, протяжнаго, унылаго пѣнія. Удивляюсь, что до сихъ поръ никому не придетъ въ голову собрать пѣсни этихъ слѣпыхъ рапсодистовъ простонародныхъ.

— Да, вѣдь, большею частію, они поютъ духовные псальмы, сочиненные въ старые годы учителями и учениками Малороссійскихъ духовныхъ училищъ—сказалъ Терновскій—произведенія схоластическія, лишенныя всѣхъ изящныхъ красотъ.

» Но все таки любопытныя для наблю-

дателя нравовъ и обычаевъ народныхъ!« возразилъ Шумиловъ. »Впрочемъ, я не знаю, что варварскаго находишь ты въ тихихъ, унылыхъ звукахъ пѣсни нашихъ слѣпцовъ объ *Алексѣѣ, Человѣкѣ Божьемъ*, или о *Лазарѣ бѣдномъ*. По крайней мѣрѣ, для меня, когда я припоминаю себѣ этотъ хоръ пѣвцовъ, лишенныхъ зрѣнія, ощупью производящихъ звуки, безмолвіе зрителей, иногда умиленныхъ и плачущихъ отъ пѣнія — усладительное чувство раждается во мнѣ, что божественныя Поэзія и Музыка, даже и въ грубыхъ формахъ, всегда сохраняютъ признаки своего не-земнаго происхожденія, и находятъ сердца для сочувствія. И притомъ, надобно вспомнить, что простодушные слушатели слѣпцовъ не поняли-бы стиховъ Жуковскаго. А по сравненію лучшихъ нашихъ поэтовъ съ другими, болѣе великими, ничто велико не покажется. Желалъ-бы я показать вамъ особенно Малороссійскихъ, слѣпыхъ бандуристовъ, когда они поютъ, при звукахъ бандуры, или кобзы, свои историческія думы о Хмѣльницкихъ и Наливайкахъ, и слушатели, безмолвные,

унылые, плачущъ отъ ихъ словъ и пѣнія....

— Но ты удаляешься отъ своего разсказа — возразилъ Суворовскій сослуживецъ.

» Да я и забылъ было. Супружество бѣднаго слѣпца-скрыпача и хромой жены его Богъ благословилъ сыномъ. Родился у нихъ мальчикъ, красивый собою, но такой странный, что народъ ходилъ смотрѣть его за диво. Во первыхъ, у него были красные глаза....

— Какъ: *красные?*

» Да, красные--физическая странность! Впрочемъ, это не неслыханная рѣдкость. Въ Тиролѣ есть даже цѣлыя селенія *красноглазыхъ людей.* Во вторыхъ, волосы у него были рыжіе, почти красные, *какъ огонь*, по Русской поговоркѣ. Впрочемъ, онъ былъ удивительно ловокъ, строенъ— только родился нѣмой; по крайней мѣрѣ, съ самаго рожденія онъ ничего не говорилъ. Подаянія отцу и матери умножились съ рожденіемъ сына. Да и нельзя было отказать въ милостынѣ бѣдному слѣпцу, сѣдому старику, слыша его унылую игру,

и видя подлѣ него изуродованную жену, которая на одной рукѣ носила страннаго сына своего, другою вела безпомощнаго мужа! Бѣдняки немного поправились, пообзавелись кое-какимъ хозяйствомъ. Но сколь ни жалко было на нихъ смотрѣть, а пристальный взглядъ на сына ихъ заставлялъ содрогаться. Безъ какого-то невольнаго трепета нельзя было видѣть этого ребенка, съ его не-естественными глазами, и волосами такого цвѣта, который вообще признается на Руси признакомъ злобы и злости....

— Да, правда. У насъ вообще думаютъ, что рыжеволосый долженъ быть человѣкъ злой.

» Казалось, смотря на него, что вы видите какое-то не-естественное созданіе природы, какое-то чудовище, отличенное знакомъ отверженія, особливо при неопрятности и рубищахъ отца, матери и его самаго. Ребенокъ былъ и кромѣ того весьма странный. Сидя на рукахъ матери, или усаженный на землѣ, онъ всегда оставался неподвиженъ, глядѣлъ во всѣ глаза, и молчалъ. Когда давали ему

ѣсть, пить, или укладывали его спать, онъ ѣлъ, пилъ, засыпалъ. Но если забывали объ немъ, онъ ничего не просилъ, сидѣлъ, глядѣлъ, молчалъ и не спалъ. Товарищи не принимали его въ игру, и бѣгали, завидя его. Онъ и самъ не шелъ къ нимъ. Подрасная, онъ оставался неподвижнымъ и молчаливымъ. Мать и отецъ водили его съ собою; онъ ходилъ, и по ихъ приказанію подставлялъ шапку проходящимъ, для сбора подаянія. Но когда не приказывали ему этого, онъ сидѣлъ неподвижно, и могъ просидѣть цѣлыя сутки, не вставая съ мѣста.

» Вѣдь онъ и глухъ былъ,« спросилъ Терновскій, » если былъ нѣмъ? «

— То-то что нѣтъ. Онъ понималъ все, что говорили ему, только самъ ничего не говорилъ. Лѣтъ десять было ему, когда вдругъ взялъ онъ отцовскую скрыпку, и — неожиданно заигралъ на ней. Старикъ съ изумленіемъ узналъ, что сынъ его взглядѣлся во всѣ движенія рукъ и пальцевъ отцовскихъ, и умѣетъ самоучкою играть все, что игралъ отецъ его. Вскорѣ сынъ замѣнилъ дряхлаго отца, и одинъ

ходилъ съ матерью своею по міру. Но его всегда надобно было заставлять идти и играть. Безъ того, онъ просиживалъ-бы цѣлые дни дома, неподвижный и задумчивый. Вотъ, что еще было чудное дѣло: рано утромъ, поздно вечеромъ, иногда на цѣлую ночь, онъ уходилъ въ сарай, и тамъ, сидя одинъ, игралъ на скрыпкѣ безпрерывно. Изъ скрыпки своей дѣлалъ онъ въ такомъ случаѣ чудеса: подражалъ голосамъ всѣхъ звѣрей и птицъ, звуками выражалъ всѣ людскія страсти, всѣ разговоры. Вообще надобно было только услышать ему что-либо, чтобы тотчасъ все это проиграть *на память*, и никогда уже не забывать. Но надобно было особливо слышать его собственныя фантазіи. Я слыхалъ Роде, Бальо, но ничего подобнаго не знаю. Мы бывало собираемся потихоньку къ сараю, гдѣ играетъ красноглазый, и по цѣлымъ часамъ слушаемъ его, лѣтнею ночью. Только надобно было дѣлать это, какъ можно скрытнѣе. Едва замѣчалъ онъ, что его кто нибудь нарочно слушаетъ, какъ тотчасъ переставалъ, и ничто уже не могло прину-

дить его играть, ни деньги, ни просьбы. Когда приказывалъ ему отецъ, онъ игралъ, но что нибудь смѣшное, каррикатурное, или повторялъ отцовскіе псальмы и пѣсни. Въ это время странную противоположность представляло его неподвижное лицо, угрюмость, красные глаза, и рыжіе волосы, съ тѣмъ, что онъ игралъ. Надобно сказать вамъ, что поведеніемъ своимъ онъ доказывалъ несправедливость мнѣнія о рыжеволосыхъ: дѣтей скромнѣе, послушнѣе, нѣжнѣе его къ отцу и матери, не бываетъ и, въ званіяхъ болѣе образованныхъ и благовоспитанныхъ.

Наконецъ отецъ его сдѣлался смертельно нездоровъ. Мать должна была сидѣть подлѣ старика. Болѣзнь старика продолжалась болѣе года. Красноглазый былъ тогда лѣтъ 14-ти, и не только не должно уже было ему въ это время приказывать идти съ своею скрыпкою, но онъ самъ, съ утра, ходилъ, бродилъ всюду по городу, игралъ безпрестанно, и приносилъ вечеромъ денегъ, хлѣба, кушанья, которое всѣ давали ему охотно. Этимъ временемъ воспользовались охот-

ники, и начали заставлять его играть именно его фантазіи. Находились такіе, которые давали *по пяти рублей*, только-бы, хоть немного, послушать его. При подобномъ предложеніи красноглазый вздрагивалъ, слезы текли изъ его глазъ, онъ трепеталъ, но—схватывалъ деньги, и начиналъ играть, съ какимъ-то отчаяніемъ — звуки чудные летѣли изъ подъ его смычка, и какъ будто сыпались искрами, пока онъ вдругъ переставалъ, закрывалъ лицо руками, и спѣшилъ отнести деньги къ своему отцу и матери.

Общая благотворительность, какъ я вамъ сказывалъ, распространялась на несчастное семейство за необыкновенныя дарованія сына. Старикъ умеръ. Мать, привыкнувшая къ бродяжничеству, продолжала ходить по міру; но сынъ рѣшительно отъ этого отказался, указывалъ матери на хлѣбъ и запасы, которые могъ купить, и которые приносили къ ней, и оставался дома, въ своемъ сараѣ, или уходилъ куда нибудь за городъ, въ лѣсъ, игралъ тамъ на скрыпкѣ, и проводилъ цѣлые дни. Онъ могъ проживать, то есть,

имѣть хлѣбъ и бѣдное рубище, даже и тѣмъ однимъ, что получалъ, когда приглашали его играть на вечеринкахъ, свадьбахъ и сговорахъ. Тамъ плясали до упаду подъ его скрыпку, за то кормили его, и давали ему денегъ. Въ это время, онъ былъ настоящею машиною: игралъ все, что приказывали (разумѣется, что фантазій отъ него не требовали)—плясовыя, унылыя, заливныя пѣсни, псальмы, стихиры. Обыкновенно сажали его въ другой комнатѣ, потому, что никто не спалъ-бы при немъ плясать — такъ пугали всѣхъ, особливо женщинъ, его красные глаза и рыжіе волосы.

Лѣтъ 16 или 17-ть было этому странному созданію, когда вдругъ, совсѣмъ неожиданно, на разсвѣтѣ лѣтняго, прекраснаго дня, въ бѣдственномъ состояніи нашелъ его одинъ городской житель. Это былъ тутошній мѣщанинъ. Онъ поѣхалъ въ ближнее селеніе, не знаю за чѣмъ, и верстахъ въ двухъ отъ города увидѣлъ, что близъ большой дороги лежитъ кто-то на землѣ. Любопытство побудило его сойдти съ тѣлеги и посмотрѣть. Какъ уди-

вился онъ, нашедши бѣднаго красноглазаго, лежащаго безъ чувствъ, въ изорванномъ, замаранномъ платьѣ. Разбитая его скрытка валялась подлѣ него. Проѣзжій пошевелилъ бѣдняка — онъ не двигался, но слышно было, что онъ еще дышитъ. Добрый мѣщанинъ почувствовалъ жалость; съ усиліемъ положилъ его на свою тѣлегу, и, забывъ о своемъ дѣлѣ, повезъ его въ городъ, прямо къ матери. Всѣ знали, гдѣ живетъ *Красноглазиха* (такъ называли ее, по сыну). Старуха провела всю ночь безъ сна, потому, что не знала — куда со вчерашняго утра дѣвался ея сынъ. Увидя сына своего, и думая, что онъ уже умеръ, бѣдная завыла, упала на него, и начала *голосить*, то есть, причитать разныя похвалы, и высказывать ласки: »Голубчикъ ты мой, сизенькій, лебедушко бѣленькій! на кого ты меня оставилъ, горегорькую,« и проч. — Добрый мѣщанинъ прослезился. Въ самомъ дѣлѣ — эти вопли, эта старуха, изуродованная, нищая, дряхлая, и сынъ, такой странный, чудный, но добрый, и единственный кормилецъ матери, такъ несчастно погибшій — зрѣ-

лице было мучительное.... Чудо: вопли матери, казалось, призвали снова жизнь въ тѣло несчастнаго — онъ вздохнулъ, открылъ свои ужасные глаза, и — въ первый разъ съ роду, *проговорилъ* ясно и чисто: »Матушка родимая! что ты плачешь? « —

— Ну, братъ, ужъ это сказки, въ родѣ Нѣмецкихъ, воскликнулъ Суворовскій сослуживецъ.

»Напротивъ, сущая правда « — отвѣчалъ Шумиловъ—»но, послушайте далѣе.— Мать закричала отъ радости, подняли бѣдняка, положили его въ бѣдномъ подклѣтѣ, на лавкѣ, въ углу. Мѣщанинъ разсказывалъ, гдѣ и какъ нашелъ его. Красноглазый, казалось, внимательно слушалъ. Когда мѣщанинъ говорилъ, что подлѣ него лежала и разбитая его скрыпка—красноглазый приподнялся, и быстро спросилъ: »Гдѣже она теперь?« — Вотъ она — отвѣчалъ мѣщанинъ, развязывая пестрый свой платокъ, въ который собралъ онъ обломки. Красноглазый взглянулъ на эти обломки — глаза его засверкали, какъ угли— онъ снова упалъ безъ чувствъ. Между

тѣмъ собрались любопытные. Пришелъ и уѣздный лекарь. Осмотрѣвъ больнаго, онъ объявилъ, что у него жестокая горячка, и что онъ не будетъ живъ. Въ самомъ дѣлѣ, больной лежалъ безъ чувствъ, почти мертвый, и такъ прошло нѣсколько дней. Вдругъ очнулся онъ, заговорилъ, и просилъ мать послать за священникомъ. Добрый священникъ явился тотчасъ, долго оставался съ нимъ наединѣ, исповѣдалъ его, и приобщилъ Святыхъ Таинъ. Больной казался послѣ того въ забытьи. Священникъ вышелъ отъ него со слезами: такъ онъ былъ разстроганъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ. Въ это время я случился тутъ-же; при мнѣ Священникъ отвелъ старуху, мать красноглазаго, въ сторону, и спрашивалъ ее: »Не случилось-ли съ нею чего нибудь необыкновеннаго, передъ рожденіемъ сына, или во время ея беременности?« Старуха клялась, что ничего не помнитъ. Наконецъ, когда Священникъ напомнилъ ей о *красномъ плащѣ*, старуха испугалась, начала креститься, и вотъ, что намъ она разсказала.

Именно въ то время, когда была беременна, въ одинъ день пошла она, по обыкновенію, съ мужемъ, собирать милостыню. Отъ своихъ товарищей, нищихъ и бродягъ, узнали они, что въ эту ночь привезли въ городъ, изъ Россіи, какого-то страннаго преступника. Должно думать, что это былъ какой нибудь знатный человѣкъ. Къ нему пріѣзжалъ самъ Губернаторъ. Притомъ, вѣроятно, что это былъ иностранецъ, потому, что не говорилъ онъ по Русски ни одного слова. Его вѣзли далѣе—куда, неизвѣстно; но позволили ему однакожъ остановиться и отдохнуть. Домъ, отведенный ему, былъ окнами на большую площадь. Незнакомецъ увидѣлъ нищихъ, и кинулъ имъ денегъ. Это заставило придти другихъ, и быть такъ безстыдными, что они вошли даже въ самыя его комнаты. Солдаты, поставленные у воротъ, пропускали ихъ; но незнакомецъ взбѣсился, и прогналъ незванныхъ посѣтителей. Кто знаетъ дерзость нашей нищей братіи, тотъ не удивится, что слѣпой скрыпачъ, съ женою, не побоялись однакожъ испытать своего

счастія. Они взошли на крыльцо, и прямо въ переднюю комнатку. Дверь въ другую комнату, гдѣ находился незнакомецъ, была затворена. Но смѣлые посѣтители наши остановились съ изумленіемъ, услышавъ, что въ комнатѣ незнакомца *кто-то* на *чемъ-то* играетъ. Старуха сказывала, что до того времени слыхала она довольно много музыкантовъ, но такой музыки никогда не вѣдала, и не могла думать, чтобы подобная музыка существовала въ мірѣ. Какъ будто заколдованные, стояли мужъ ея и она, и слушали долго. Наконецъ, музыка умолкла. Тутъ мужъ ея, Богъ знаетъ съ чего, вздумалъ самъ заиграть на скрыпкѣ и запѣть псальму. Какъ будто вихремъ отворились двери въ комнату незнакомца. Человѣкъ, накинутый длиннымъ, словно огонь краснымъ плащемъ, высокій, блѣдный, худой, съ небритою бородою, въ бѣшенствѣ выскочилъ изъ дверей. Въ рукахъ его были скрыпка и смычекъ. Громко крича что-то на неизвѣстномъ языкѣ, какъ сумасшедшій, ударилъ онъ со всего размаха скрыпкою своею по головѣ слѣпаго вир-

пуоза, и скрыпка разлетѣлась въ мѣлкія дребезги. Продолжая кричать, незнакомецъ толкалъ своихъ посѣтителей и билъ смычкомъ. Старуха признавалась, что сильное впечатлѣніе на нея, при видѣ незнакомца, его красный плащъ, страшный видъ, высокій ростъ, бѣшенство — были для нея неизъяснимо ужасны. Она померлвѣла и стояла неподвижно. Мужъ ея шарилъ руками, хотѣлъ уйдти, но въ испугѣ не могъ сыскать дверей. Офицеръ, провожавшій незнакомца, и неотлучно бывшій при немъ, выбѣжалъ наконецъ, остановилъ безпорядокъ, началъ что-то говорить незнакомцу, и тотъ успокоился. Посѣтителей, безъ дальнихъ чиновъ, вытолкали и прогнали. Старуха говорила, что всегда потомъ безъ ужаса не могла она вспомнить о *красномъ плащѣ*. Въ тотъ-же день незнакомца увезли, Богъ знаетъ куда, и объ этомъ происшествіи почти никто не узналъ. Старуха спрашивала Священника: почему онъ знаетъ все это, и для чего вздумалось ему спрашивать ее? Священникъ не отвѣчалъ ей ничего. Мы отошли съ нимъ въ сто-

рону, и мнѣ разсказалъ онъ все, что несчастный красноглазый говорилъ ему наединѣ.

» Вообразите — сказалъ мнѣ Священникъ — что это происшествіе рѣшило судьбу злополучнаго сына старухи. Онъ родился съ *красными глазами*, и почти *красными волосами*, странный, задумчивый. Я не могу описать вамъ, батюшка, говорилъ онъ мнѣ, что такое чувствовалъ я, съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Мнѣ казалось, что я не такой человѣкъ, какъ другіе, что я какой-то музыкальный инструментъ, подобный тому, который видѣлъ я съ дѣтства въ рукахъ отца моего, что я *живая скрыпка*, собраніе какихъ-то звуковъ, по которымъ надобно водить смычкомъ, которые сольются послѣ того въ ясныя, стройныя созвучія. Я понималъ все, что *говорятъ* другіе, но мнѣ не хотѣлось самому говорить человѣческимъ языкомъ, и *чего* мнѣ хотѣлось, куда стремилась душа моя, этого я самъ не понималъ. Всегда думалъ я объ этомъ, всегда искалъ, чего требовала моя душа.... Когда слышалъ я игру

отца моего, мнѣ казалось, будто прилетало что-то знакомое, говорило со мною на непонятномъ языкѣ; но все это было не ясно, и я готовъ было просиживать цѣлые дни, безпрестанно думая о томъ, чего мнѣ хочется. Лѣтъ десять было мнѣ, когда въ одинъ вечеръ, полагая, что я сплю, мои отецъ и мать разговорились между собою о томъ, какъ видѣли они *когда-то, какого-то барина, неумѣвшаго говорить, въ красномъ плащѣ*, и такъ игравшаго на скрыпкѣ, что они ни прежде, ни послѣ никогда не слыхивали. Разговоръ ихъ заставилъ меня запрепетать. Мнѣ казалось, что новый свѣтъ озарилъ мою душу. Отецъ и мать мои спокойно послѣ того уснули. Думаю, что я не спалъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ, какъ на яву, казалось, что я вижу передъ собою незнакомаго барина, худаго, блѣднаго, черноволосаго, въ красномъ плащѣ. Онъ игралъ на скрыпкѣ, такъ игралъ, что я не помнилъ самаго себя. Мнѣ казалось, что въ звукахъ его скрыпки со мною говорятъ все — звѣри, птицы, небо, земля, деревья, и все, что казалось мнѣ до

того времени безсмысленно и неясно въ шумѣ листочковъ, въ журчаньи воды, въ трескѣ грома, въ свистѣ вѣтра, въ отзывахъ голоса между горами, въ ревѣ звѣрей, пѣніи птицъ — сдѣлалось понятно, перешло въ слова, слова въ особые звуки, звуки загорѣлись огнемъ, и впились въ мою душу, и я, казалось мнѣ, могъ понимать, пересказывать все, что скрывалось въ звукахъ скрыпки Краснаго Плаща, и въ голосѣ всего, что только звучитъ въ мірѣ. Поутру я проснулся, или, можетъ быть, не спалъ вовсе, не знаю; но я чувствовалъ себя, какъ будто съ неба упавшимъ, какъ будто умѣвшимъ говорить, и вдругъ потерявшимъ эту способность. Невольно схватилъ я скрыпку отца моего, и сталъ играть, удивляясь самъ, отъ чего я тотчасъ началъ производить стройные звуки на скрыпкѣ, какъ будто вѣкъ игралъ на ней. Можетъ быть, произошло это отъ того, что съ самаго рожденія я видѣлъ и слышалъ игру отца моего, и зналъ всѣ пріемы скрыпичные. Только мнѣ думалось, что *начавъ играть*, я началъ *говорить* настоящимъ моимъ

языкомъ. Дитя само не знаетъ, какъ оно *говорить выучивается*; я также не зналъ, какъ *выучился играть*. Но здѣсь начались мои страшныя мученія. Мнѣ безпрестанно казалось, что я слышу звуки скрыпки Краснаго Плаща. Я затыкалъ уши, бѣгалъ отъ нихъ; они меня преслѣдовали. Только тогда былъ я спокоенъ, когда могъ играть, и старался выразить то, что терзало меня, жгло, какъ будто огнемъ. Не знаю, хорошо или худо игралъ я, но душа моя успокоивалась, отдыхала, звуки раждались сами — какъ, откуда — я не вѣдалъ! Но въ тоже время мнѣ гадки, отвратительны были пѣсни, стихиры, плясовыя штуки, какія игралъ отецъ мой, и какія заставляли его и меня играть люди. Получая деньги за игру мою, я трепеталъ, какъ человѣкъ, который укралъ святую вещь, передѣлалъ ее въ игрушки, и продаетъ на рынкѣ въ нечистыя руки. Всѣ эти *людскія пѣсни* казались мнѣ униженіемъ тѣхъ звуковъ, какіе были скрыты въ душѣ моей, и всегда слышались мнѣ изъ-подъ смычка Краснаго Плаща. Съ тѣмъ вмѣстѣ, я не могъ

передавать этихъ звуковъ людямъ, потому что, мнѣ казалось, они не понимаютъ, не стоятъ этихъ звуковъ, и что самъ я не могъ передать и двадцатой ихъ части. Къ несчастію, люди иногда именно ихъ отъ меня требовали, и давали мнѣ за то много денегъ; или заставляли меня повторять свои гадкіе, грубые звуки, и — что-же еще дѣлали? Мнѣ приказывали играть сто разъ одно и тоже, а сами начинали кричать, коверкаться, плясать. Въ томъ и другомъ случаѣ, я плакалъ, готовъ былъ наложить на себя руки; но — мать, отецъ требовали хлѣба; я самъ хотѣлъ ѣсть, пить, и долженъ былъ мучиться и играть.... Описать моихъ страданій — я не въ силахъ! Когда умеръ отецъ мой, я сталъ дышать свободнѣе, ибо могъ уходить, убѣгать отъ людей, цѣлый день играть одинъ, вслушиваться въ самаго себя, забывать, что я живу, и часто, ушедши съ восходомъ яснаго солнца въ лѣсъ, едва опомнивался, когда ночью восходилъ на небо блѣдный мѣсяцъ. Но чѣмъ довольнѣе становился я своею игрою, тѣмъ болѣе требовали ее

отъ меня люди, и тѣмъ сильнѣе и страшнѣе являлся мнѣ Красный Плащъ, когда я переставалъ играть, и тѣмъ лучше и чудеснѣе казались мнѣ звуки, имъ наигрываемые. Наканунѣ того дня, въ которой меня нашли безъ чувствъ, близъ большой дороги, Красный Плащъ такъ явственно видѣлся мнѣ, что я спѣшилъ убѣжать отъ него въ лѣсъ, шелъ, игралъ, забылъ самаго себя. Не помню, какъ прошелъ этотъ день, какъ настала ночь, мрачная и темная. Не помню, что со мной тогда было. Мнѣ казалось, что Красный Плащъ живой явился ко мнѣ; что онъ заигралъ, велѣлъ и мнѣ играть, и хохоталъ адскимъ смѣхомъ, слыша мою жалкую, бѣдную игру. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ самому казались мои звуки какимъ-то безобразнымъ пискомъ, визгомъ, ревомъ. Наконецъ Красный Плащъ вырвалъ у меня скрыпку мою, руки его протянулись, обхватили все — и лѣсъ, и поле, и рѣку, и море, и небо, и все слилось во что-то непонятное: я *увидѣлъ* звуки — они вытянулись безконечными струнами по небесамъ—они уже не звучали — они ожили, заговорили....

Я протягивалъ къ нимъ руки мои, доставалъ, трогалъ ихъ; но они жгли мнѣ пальцы, были красны и горячи, какъ раскаленное желѣзо. Красный Плащъ хохоталъ, ругался надо мною, взялъ мою скрыпку, сталъ на ней играть, и въ небесныхъ струнахъ я услышалъ отзывы, вырвалъ у него мою скрыпку, и—не умѣлъ произвести ни одного звука — руки мои не двигались. »Не умѣешь?« вскричалъ онъ. »Поди-же, сыграй пѣсню — люди попляшутъ, попоютъ, дадутъ тебѣ денегъ!« Не могу изобразить моего бѣшенства въ эту минуту — оно перешло въ совершенное безуміе — я ударилъ о камень скрыпку свою, изорвалъ на ней струны.... Помню, что когда я изорвалъ ихъ — мнѣ хотѣлось опять ихъ связать и — удавиться на нихъ.... Можетъ быть, Господь сохранилъ душу мою отъ погибели и козней лукаваго.... Остальнаго я ничего не помню. Кажется мнѣ только, что голосъ матери заставилъ меня опомниться: все прошедшее, вся жизнь моя казались мнѣ непонятнымъ сномъ — я потерялъ память и чувство звука, но

сталъ говорить. Обломки моей скрыпки снова напомнили мнѣ происшествіе ночью, и я снова упалъ безъ памяти. Когда опять очнулся я — мысль о смерти была первою моею мыслью. Я чувствовалъ, что холодная какая-то рука лежитъ на моемъ сердцѣ, что крѣпкая струна звучитъ, обвитая около головы моей, и давитъ ее, заставляя трещать, ломаться, и теперь, вижу, что я не жилецъ — да и для чего жить мнѣ? — Добрый Священникъ заплакалъ, когда началъ мнѣ разсказывать потомъ, какъ несчастный красноглазый умолялъ помолиться за его душу, исповѣдать, причастить его, какъ трепеталъ онъ о томъ, что вся жизнь его была навожденіе дьявольское, что его ослѣпилъ нечистый, и мучилъ, терзалъ, наконецъ завелъ его въ лѣсъ, и тамъ хотѣлъ совершенно погубить его душу. Въ это время насъ позвали къ одру умирающаго. Мы поспѣшили. Поддерживаемый матерью, несчастный сидѣлъ, руки его были сложены, глаза обращены къ небу. »Батюшка!« сказалъ онъ Священнику — »спасите меня, ради Господа

спасите — *онъ* ушелъ было отъ меня, я давно уже не видалъ его.... а теперь опять вотъ *онъ* — онъ подходитъ ко мнѣ — помолитесь за меня, ради Бога, помолитесь!« Священникъ успокоивалъ, обнадеживалъ его. Больной слабѣлъ, опускался, руки и ноги его холодѣли, глаза закрывались. Священникъ началъ читать отходную молитву. Вдругъ умирающій остановилъ Священника. — »Постойте, батюшка, постойте« — сказалъ онъ — »Господь прощаетъ меня, чувствую, что прощаетъ: *его* нѣтъ уже, и я слышу что-то не человѣческое — оно похоже на то, какъ въ церкви поютъ: *Пріидите, поклонимся*.... но нѣтъ, лучше, лучше....« Онъ покатился, на рукахъ матери, и—умеръ.—

— И будто все это правда? спросилъ хозяинъ.

»Я желалъ-бы, чтобы это была неправда« — отвѣчалъ Шумиловъ, тяжело вздохнувъ — желалъ-бы потому, что, мнѣ и теперь тягостно вспомнить объ этомъ несчастливцѣ, непостижимомъ и чудномъ! Можетъ быть, Священникъ не такъ гово-

рилъ, какъ я пересказывалъ, но основаніе словъ его все истинное.

— А я такъ ничего тутъ и удивительнаго не вижу — сказалъ Суворовскій сослуживецъ. — Просто: человѣкъ въ красномъ плащѣ, и превосходная игра его на скрыпкѣ, сдѣлали сильное впечатлѣніе на мать, и это отразилось на ребенкѣ. Вы помните исторію убійцы Кардильяка?

» Ну, а видѣнія его?

— Это, просто, былъ онъ въ бѣлой горячкѣ, а наконецъ совершенно помѣшался.

» Надобно знать припомъ, « сказалъ Терновскій, » что воображеніе сѣверныхъ обитателей Россіи, и Сибири особливо, расположено къ дикимъ фантазіямъ. Тамъ донынѣ есть *кликуши*, *оборяки*, *городивые*, лѣшій безпрестанно обходитъ людей, и вообще сохраняется тамъ болѣе колдовства, ворожбы, заговоровъ, обморочиваній, нежели въ другихъ мѣстахъ. Мрачные лѣса, сосѣдство народовъ, вѣрующихъ въ Шаманство — все этому содѣйствуетъ.

— Но что-же, въ самомъ дѣлѣ, въ твоемъ разсказѣ чуднаго и непостижимаго?

— спросилъ хозяинъ у Шумилова. Нашъ товарищъ изъяснилъ все весьма естественно, такъ, что и Терновскому нѣчего прибавить.

»Вотъ что я прибавлю«—сказалъ Терновскій — »Шумиловъ былъ свидѣтелемъ погибели, можетъ быть, единственнаго въ мірѣ музыкальнаго генія. Несчастное стеченіе случайностей произвело его, а несчастныя условія того состоянія, въ которомъ родился онъ, погубили его. — Любопытно-бы мнѣ было знать: что говорилъ объ немъ *народъ?*

— Народъ? Жалѣли, что не осталось подобнаго ему человѣка, который могъ-бы играть на сватьбахъ и вечеринкахъ; говорили, что онъ *славно игралъ;* въ заключеніе — всѣ забыли, и его, и мать его, которая вскорѣ потомъ умерла въ богадѣльнѣ, всѣми оставленная. Потомъ Священникъ разсказалъ кое-кому то, что говорилъ ему при смерти несчастный красноглазый. Это разнеслось по городу между всѣми. Сообразили его необыкновенную игру, красные глаза, рыжіе волосы, и общее повѣрье состави-

лось такое, что онъ съ самаго рожденія былъ отданъ нечистому духу, и погибъ онъ этого. Другіе говорили, что его погубилъ, обольстилъ нечистый по собственной его волѣ, и что если-бы, во время искушенія, онъ творилъ молитвы, а не тѣшилъ лукаваго, окаяннаго, игрою на скрыпкѣ, то спасся-бы. Вообще стали бояться Красноглазаго. Разсказывали, что на кладбищѣ, гдѣ его похоронили, каждую полночь онъ бродитъ и воетъ; что въ подклѣтѣ того дома, гдѣ жилъ онъ, слышна по ночамъ его дьявольская скрыпка; никто не хотѣлъ жить въ этомъ домѣ и хозяинъ продалъ его за безцѣнокъ. Въ это время я уѣхалъ, и не знаю уже, что еще было слышно въ послѣдствіи. Вѣроятно, что наконецъ всѣ забыли Красноглазаго, а преданіе о немъ присоединено къ общимъ разсказамъ о духахъ, лѣшихъ, и о томъ, какъ они *обходятъ* и *заводятъ* человѣка.

— Такихъ исторій разсказываютъ множество у насъ въ народѣ. Я самъ припомнилъ теперь нѣчто въ этомъ родѣ, именно — сказалъ хозяинъ.

»Разскажи« — вскричали всѣ собесѣдники.

— Охотно. Это было въ В. — Содержалъ тамъ откупъ мой старый знакомый. Разумѣется, что у него въ услугахъ была толпа всякаго народа. Вамъ нѣчего сказывать: какой народецъ вообще собирается у откупщика. Но у моего знакомаго особливо народъ былъ самый отчаянный. Этотъ пріятель мой всегда говаривалъ, что онъ терпѣть не можетъ *добрыхъ дураковъ*, и гораздо охотнѣе согласится имѣть дѣло съ *умнымъ плутомъ*. »Нельзя предупредить,« говаривалъ, онъ, »всѣхъ добрыхъ глупостей, нельзя даже предвидѣть ихъ, а тѣмъ еще менѣе поправить. Напротивъ, я могу быть увѣренъ, что плутъ не упуститъ ни своего, ни моего. Надобно только остерегаться, чтобы онъ чего нибудь не скрылъ отъ меня, а для того лучшій способъ, кончивши дѣло съ плутомъ, обобрать его кругомъ. Совѣсть тебя не будетъ мучить, потому, что плутъ, не умѣвшій не дать себя обобрать, не стоитъ добраго слова, а умѣвшій есть г еній

достойный всякаго уваженія. Свяжись-же ты съ добрымъ человѣкомъ, да обери его — и не развяжешься съ этою дурою, совѣстью.... —

» Хороши правила, « примолвилъ Терновскій — » настоящія откупщичьи!

— Я ихъ не защищаю, и не одобряю, а только высказываю слышанное — отвѣчалъ хозяинъ, улыбнувшись. — Замѣчу однакожъ, что мой пріятель подъ конецъ жизни, обобранный геніями - плутами, жилъ въ крайней бѣдности, и едва не умеръ съ голоду, потерявъ милльоны, прежде нажитые имъ. — Вотъ у него, когда онъ былъ откупщикомъ въ В., изъ всѣхъ по откупу отличался особенно одинъ. Онъ былъ сынъ богатаго человѣка, хорошаго купца, но по смерти отцовской промоталъ все, пошелъ въ *повѣренные*, потомъ въ *объѣздные*, потомъ сдѣлался простымъ *цѣловальникомъ*. Наконецъ — и тутъ онъ не годился, и былъ ужь употребляемъ только *на разъ*, какъ говорится. Вы знаете, что *быть молодцомъ на разъ* въ природѣ Русской, такъ какъ, по молодости нашего народа, или по

Азіятской, врожденной ему лѣности, *всегда быть молодцомъ* почти ни одинъ Русскій не сумѣетъ. Нашего молодца употребляли, когда надобно было сдѣлать что нибудь самое лихое и отчаянное: это былъ при откупѣ тоже, что бѣшеный, безголовый наѣздникъ при арміи. Одѣтый щегольски, въ китайчатомъ, голубомъ кафтанѣ, съ краснымъ кушакомъ, пуховою шляпою, въ козловыхъ сапогахъ, всегда безъ копѣйки въ карманѣ, всегда веселый, не споимый ничѣмъ и никогда, онъ вѣчно считался въ *гулевыхъ*, и между тѣмъ всегда надобно ему было готовиться на дѣло. Отъ того безпрестанно находился онъ при питейной конторѣ, участвовалъ во всѣхъ магарычахъ, дракахъ, ссорахъ, мирахъ. Разумѣется, что онъ былъ силачъ безпримѣрный, отвага неслыханный, и — не зналъ, что называется, *ни Бога, ни грѣха*. Я нарочно подробно описываю вамъ этого молодца. Послѣ сего вы, безъ сомнѣнія, согласитесь, что отъ страха, или остатка прежняго благочестія, не могло ему пригрѣзиться и во снѣ, что на яву съ нимъ слу-

чилось. А что это точно случилось съ нимъ, то, кромѣ того, что отчасти были достовѣрные свидѣтели, еще большее свидѣтельство въ послѣдствіяхъ: удалецъ послѣ этого совсѣмъ измѣнился, сдѣлался смиренъ, трудливъ, набоженъ, трезвъ, добръ, отсталъ отъ откупа, пошелъ въ работники къ самому строгому хозяину, заслужилъ его довѣренность, былъ хорошимъ прикащикомъ, скопилъ деньги, и умеръ, черезъ долгое послѣ того время, честнымъ, богатымъ купцомъ и добрымъ семьяниномъ.

»У тебя есть всѣ замашки хорошаго разсказчика — сказалъ Суворовскій сослуживецъ. — »Ты умѣешь подробностями заинтересовать вниманіе. Ну, пожалуста, говори, что такое съ удальцомъ твоимъ сдѣлалось!

— А вотъ что. Однажды, когда *гулевые*, то есть, кандидаты на разныя мѣста по откупу, собрались вмѣстѣ, въ томъ домѣ, гдѣ была питейная контора, и, отъ нѣчего дѣлать, начали распивать штофъ ерофеича, вдругъ позвали ихъ къ управляющему. Тутъ сказано имъ было,

что надобно отправиться въ ближнее, подгородное селеніе, на *выемку*. Вы, вѣроятно, знаете, что такъ называется открытіе какого нибудь непозволеннаго корчемства. *Сдѣлать выемку*, значитъ: схватить корчемный напитокъ, уличить виновнаго и предать его, съ *поличнымъ*, въ руки правосудія. Разумѣется, что для этого надобно большое искусство и немалая отвага. Корчемники принимаютъ всѣ возможныя мѣры осторожности, и часто, видя бѣду неминуемую, отчаянно защищаются. Иногда даже цѣлое селеніе берется оборонять ихъ. Нашего удальца— назовемъ его хоть *Симономъ* — назначили на сей разъ перваго, какъ самаго ловкаго и самаго смѣтливаго. »Ты, Симонъ, распорядишься всѣмъ этимъ дѣломъ« — сказалъ управляющій. — Извольте положиться, не выдамъ! — отвѣчалъ онъ. Пока писали бумаги, и приглашали Полицію Земскую, Симонъ выбралъ изъ своихъ товарищей самый лучшій народъ, выпили еще, назначили мѣсто, гдѣ сойдтись къ ночи, и разстались.

Товарищи Симона, полиція и повѣрен-

ный, пріѣхали на назначенное мѣсто — Симона нѣтъ. Ждутъ часъ, два — нѣтъ! Повѣренный хотѣлъ было ѣхать безъ него, но подчиненные не соглашались. Наконецъ, 12-й часъ ночи—надобно ѣхать! Послали справиться на квартиру Симона, и узнали, что онъ не приходилъ домой съ самаго утра, когда отправился въ питейную контору. Поѣхали безъ Симона. Корчемство было замѣчено въ большой слободѣ. На городскихъ часахъ, вдалекѣ, ударило *полночь*, когда выемщики подъѣхали къ этой слободѣ, и вотъ — — видятъ: Симонъ идетъ передъ ними. »Откуда ты? Гдѣ пропадалъ?« говорятъ ему. — Былъ у пріятеля въ гостяхъ — отвѣчалъ Симонъ, и захохоталъ не-человѣчьимъ голосомъ, такъ, что въ ближнемъ лѣсу затрещало, какъ будто лѣшій переломилъ дерево. — »Наше мѣсто свято!« заговорили товарищи его, начали молиться и креститься. Симонъ пуще прежняго захохоталъ, повелъ дружину съ заднихъ дворовъ, завелъ ихъ прямо къ той избѣ, гдѣ стояло корчемное вино. Все было захвачено, перевязано, засвидѣ-

тельствовано полицейскими чиновниками, при партіи бывшими. Вдругъ — откуда ни взялась — толпа мужиковъ бросается на нихъ, съ дрекольями. »Везите вино и держите корчемника« — кричитъ Симонъ—» а я одинъ управлюсь!« Въ самомъ дѣлѣ — на двадцатерыхъ пошелъ онъ одинъ. Пока товарищи его спѣшили выбраться изъ слободы, онъ отчаянно дрался съ мужиками, разогналъ ихъ, и, насвистывая лихую пѣсню, догналъ товарищей, пошелъ впередъ, впередъ, и—пропалъ изъ вида во мракѣ ночи. Такой отваги, такой силы, никто и никогда еще не видывалъ въ немъ. Многіе сомнѣвались даже: Симонъ-ли это былъ, или самъ нечистый перекинулся въ его образъ? На другой день все было донесено, разсказано, разхвалено, но—Симона нѣтъ! Питейная контора находилась въ домѣ, стоявшемъ на берегу рѣки. Гулевые сидѣли у воротъ, на завалинѣ, пили отъ скуки ерофеичъ, и говорили о ночномъ подвигѣ и необыкновенной храбрости Симона. Вдругъ онъ идетъ — волосы растрепаны, блѣдный! Радостный крикъ привѣтствовалъ

его. Но Симонъ молча сѣлъ съ товарищами, и потомъ угрюмо спросилъ: »Что, были вы на выемкѣ?« — Товарищи изумились. »Отвѣчайте!« вскричалъ Симонъ. Всѣ захохотали. Симонъ разсердился, и началъ ругать всѣхъ, и самаго себя, проклинать день своего рожденія, безпрестанко повторяя: »*Чортъ меня возьми!*«—Дѣло состояло въ томъ, что онъ утверждалъ, будто вовсе на выемкѣ не былъ. »Въ первый еще разъ такое славное дѣло прошло безъ меня — не роди меня мать на свѣтѣ — чортъ меня возьми!« Онъ продолжалъ ругаться, клясть, проклинать. Товарищи стали спорить, смѣяться; увѣряли, что онъ хвастаетъ, шутитъ, что онъ былъ на выемкѣ, и отличился. Симонъ утверждалъ, что онъ вовсе тамъ не былъ, всю ночь гулялъ, и самъ чортъ замѣнилъ его, явясь лично своимъ благородіемъ на выемкѣ. Всѣ закричали, что онъ пьянъ, Симонъ утверждалъ напротивъ, что онъ непьянъ нисколько, а въ доказательство готовъ сей часъ выпить цѣлый штофъ пѣннаго вина. Безумное предложеніе это подхватили, ударились

съ нимъ объ закладъ, онъ началъ пить, и черезъ часъ штофъ былъ опорожненъ. Всѣ изумлялись тому, что Симонъ, въ самомъ дѣлѣ, и послѣ этого не сдѣлался пьянѣе, и разговорчивѣе, не мѣшался въ рѣчахъ, спорилъ, что на выемкѣ его не было, и вдругъ началъ говорить съ кѣмъ-то невидимымъ. »Опять? Пожалуй! Снять крестъ? Изволь! Отдашь-ли? Идти? Да куда хочешь!« — Вотъ, что можно было понять изъ отрывистыхъ рѣчей Симона. Изумленные товарищи видѣли, что онъ снялъ съ шеи мѣдный крестъ, всталъ, пошелъ къ берегу, въ воду, далѣе, далѣе, и — наконецъ совсѣмъ скрылся въ водѣ. Думали, что онъ шутитъ. Но прошелъ часъ — Симонъ не является. Испуганные товарищи зашумѣли, сошелся народъ, стали толковать, кричать. Долго никто не осмѣливался броситься въ воду и искать Симона, узнавши, что говорилъ онъ. Надобно вамъ знать еще, что объ этомъ мѣстѣ рѣки разсказывали чудеса, такъ, что тутъ никто ни смѣлъ купаться. Говорили, что тутъ есть такой омутъ, въ которомъ дна нѣтъ; что въ этомъ ому-

тѣ лежитъ камень, съ которымъ, когда-то въ старое время, сынъ-разбойникъ брошенъ былъ въ воду руками своего отца, и что проклятый утопленникъ этотъ выходитъ иногда изъ рѣки, ночью, и ищетъ, кто-бы замѣнилъ его, жалуясь, что ему тамъ душно и холодно.

Наконецъ, сто рублей, обѣщанныхъ повѣреннымъ (тѣ, которые назначались въ награду Симону, за выемку), побудили многихъ преодолѣть робость. Поплыли на лодкахъ, съ неводами, шестами, ныряли, плавали — Симона нѣтъ! Одинъ смѣльчакъ рѣшился наконецъ нырнуть въ самый омутъ. »Господи благослови! Дай-ка поищу его здѣсь — Да воскреснетъ Богъ, и расточатся враги его!« закричалъ онъ, и кинулся въ омутъ. Что-же? Симонъ сидитъ въ омутѣ, на какомъ-то огромномъ, черномъ камнѣ! Вытащили его; онъ былъ безъ чувствъ, но еще живъ. Тотчасъ раздѣли его, начали катать въ бочкѣ; онъ очнулся, но не могъ пошевелиться ни рукой, ни ногой; впрочемъ, былъ онъ въ полномъ разсудкѣ, и вотъ что разсказывалъ:

»Вчера, когда я получилъ приказаніе отправиться на выемку, то рѣшился пойдти домой, пообѣдать, и лечь спать, чтобы къ ночи быть свѣжимъ, готовымъ. Въ головѣ у меня сильно шумѣло. Казалось мнѣ, что я шелъ домой; только дивился я, что долго иду. Тутъ присталъ ко мнѣ товарищъ, по виду такой-же цѣловальникъ, какъ я. Мы разговорились съ нимъ. Этакого весельчака и разскащика я не видывалъ, и всего чуднѣе, что онъ зналъ всю подноготную, и все сказывалъ мнѣ: сколько кто воруетъ, кто кого любитъ, и наконецъ мнѣ самому, обо мнѣ самомъ, разсказалъ то, чего, казалось мнѣ, никто знать не можетъ, кромѣ только самаго меня. Вдругъ увидѣлъ я въ сторонѣ часовню, съ образомъ Пресвятой Богоматери, и, по христіянскому обычаю, снялъ шляпу и перекрестился— глядь: моего товарища слѣдъ простылъ!

Это меня немного удивило. Я продолжалъ идти. И опять товарищъ мой, на первомъ перекресткѣ, присталъ ко мнѣ. »У тебя, пріятель, плохой обычай«—сказалъ онъ мнѣ—»я этого не люблю.«—Чего? спросилъ я. — »Да, такъ, ничего.«—Опять

разговорились мы; опять заговорилъ меня товарищъ; время было жаркое, солнце пекло, мнѣ страшно захотѣлось пить и ѣсть. Товарищъ, какъ будто угадалъ это, и сказалъ, что по дорогѣ можемъ мы зайдти въ трактиръ, къ его пріятелю. »Только, пожалуста, братъ, не крестись ты— народъ тутъ вольный, и этого страхъ какъ не любитъ.«—Чортъ меня возьми — вскричалъ я — если поднесешь чего нибудь добраго, такъ я, пожалуй, на цѣлый годъ отъ креста откажусь! — »Вотъ, что сказано по молодецки!« вскричалъ мой товарищъ, и захохоталъ, такъ, что разнеслось далеко. »Ты что-то жутко и нехорошо хохочешь« — сказалъ я — »мнѣ не нравится твой смѣхъ!« — Что дѣлать — привыкъ — отвѣчалъ онъ. Тутъ мы подошли, какъ будто мнѣ казалось, къ дому, у котораго на вывѣскѣ написана была черная кошка. Внутри слышно было страшное мяуканье. — Что это? спросилъ я! — »Ничего, такъ: ученыя кошки разыгрались!« Мы вошли — тьма тмущая кошекъ сидитъ на столахъ, на скамьяхъ, на печи! За стойкою сто-

итъ большой кошъ и наливаетъ пиво. Такъ хорошо пѣнилось оно, такъ хорошо пахло, что мнѣ захотѣлось отвѣдать. »Нѣтъ!« сказалъ товарищъ — »погоди, не пей; оно тебѣ еще горько покажется — пойдемъ дальше!« Мы перешли въ другую горницу, откуда слышенъ былъ страшный лай и вой собачій. Тутъ нашли мы пропасть собакъ всякаго рода: толстыя моськи, крошечныя болонки, курчавыя шавки, красноглазыя лягавыя, безшерстныя Англійскія собачки, и длинно-хвостыя дворовыя, ходили, сидѣли, пили золотистый, прекрасный, искрившійся медъ. Нѣсколько брыластыхъ, меделянскихъ собакъ, съ старыми моськами, раздѣлясь по четверо, играли въ карты; молоденькія собачки плясали. Тутъ меня обольщалъ пахучій, янтарный медъ.—»Погоди пить его« — сказалъ опять товарищъ — »онъ тебѣ покажется киселъ.« Мы перешли въ третью комнату, и когда я осмотрѣлся на собраніе въ этой комнатѣ, то — признаюсь, меня морозомъ подрало по кожѣ. Тутъ была также толпа народу — сидѣли, стояли, лежа-

ли, пили, ѣли, спали, плясали. Но всѣ гости были довольно странные: въ одномъ углу сидѣла мохнатая *Кикимора*; въ другомъ щелкалъ зубами *Домовой*; въ третьемъ кувыркался, крошечный, бородастый *Сосѣдко*; въ четвертомъ *Русалка* разчесывала свои длинные, зеленые волосы. Цѣлые ряды скелетовъ, въ богатыхъ платьяхъ, прохаживались, взявшись попарно за руки — мужчины улыбались во весь широкій, костяной ротъ свой, а женщины дѣлали имъ глазки, забывши, что вмѣсто голубыхъ и черныхъ глазъ, у нихъ въ черепахъ остались только глазныя впадины. За столами сидѣли генералы, въ парикахъ, надѣтыхъ на черепа, съ лентами по голымъ костямъ, и съ звѣздами, прицѣпленными къ верхнимъ ребрамъ. Наконецъ я видѣлъ тутъ все, что только можно вообразить себѣ невообразимаго: лягушечьи лапы у медвѣдя, человѣчью голову на бычьемъ тѣлѣ, ослиныя уши у Индѣйскаго пѣтуха, мышій хвостъ у ящерицы, свинью съ дѣвичьимъ лицомъ, и курицу съ рогами. Голова пошла у меня кругомъ. «Что: любо-ли тебѣ это со-

браніе?« спросилъ товарищъ.—Я молчалъ. — »А вотъ хмѣлина развяжетъ тебѣ языкъ«—сказалъ онъ, и услужливая стрекоза подошла ко мнѣ на заднихъ лапкахъ, и поднесла огромную чарку. Я выпилъ, и жажда пуще начала меня мучить. Я попросилъ другую чарку; какъ будто туманъ разстилался передо мною, по мѣрѣ того, какъ пилъ я. Товарищъ усердно помогалъ мнѣ, пилъ самъ, чокался, обнимался со мною. Къ удивленію: все, что казалось мнѣ нагимъ, безобразнымъ, страннымъ, становилось одѣто, красиво, прекрасно. Стѣны оболоклись золотомъ и серебромъ, освѣтились свѣчами, на полу разостлались дорогіе ковры. Вмѣсто чудовищъ, я увидѣлъ огромное собраніе людей, всякаго званія, веселыхъ, ловкихъ, щеголеватыхъ--какія женщины, какое богатство! Я самъ себя не вспомнилъ. Кровь во мнѣ, то кипѣла, то застывала. Я самъ не понималъ только одного, какъ меня, мужика, пустили въ это собраніе. Мнѣ стыдно стало, что я одинъ мужикъ въ барскомъ собраньи. За барство, за великолѣпіе — я готовъ былъ отдать все.

Двери въ другія комнаты растворились настежъ. Вмѣсто собакъ и кошекъ, я также видѣлъ тамъ веселую и богатую толпу людей; слуги бѣгали, угощали; музыка гремѣла. — »Ну видишь-ли, скажешь-ли, что у насъ хорошо?« говорилъ мнѣ товарищъ. Не помня самъ себя, я только могъ выговорить: »Чортъ возьми! Такъ хорошо, что я всегда-бы остался здѣсь!« — Люблю молодца за удаль! вскричалъ мой товарищъ. — За чѣмъ-же стало? Оставайся — скучно тебѣ не будетъ. Не хочешь-ли въ карты перекинуть, или, вотъ лучше — въ кости? — »Давай!« отвѣчалъ я. Товарищъ подвелъ меня къ столу, за которымъ сидѣло *семеро игроковъ*, и какая-то *старушка*. Груда золотыхъ денегъ лежала на столѣ. »Ну! становн *одинъ годъ!*« сказалъ мнѣ товарищъ. — Какъ: годъ? спросилъ я. — »Да, годъ; вѣдь денегъ у тебя нѣтъ?« — Нѣтъ, но.... — »Что за *но!*« — Тутъ невѣдомо какъ, я вспомнилъ, что мнѣ еще надобно идти на выемку. — Пробило 12 часовъ. »Не безпокойся« — сказалъ мнѣ товарищъ — ужь я, вмѣсто тебя, от-

правилъ молодца — играй!« — Пятдесятъ имперіяловъ держу за годъ!« сказала старуха. — Пятдесятъ?—вскричалъ я—изволь, держу! — Разъ — 12, старуха кинула — 3! Я поволокъ къ себѣ золото. »Еще годъ и — сто имперіяловъ! сказала старуха. — »Сто мазу,« проворчалъ одинъ изъ игроковъ.—Держу! — Разъ — 10 и 2— опять мое! Еще — 100, 200 — годъ, два! Я не могъ опомниться, не замѣтилъ, какъ засѣлъ за столъ; золото такъ и передвигалось ко мнѣ. Но я не все выигрывалъ; старуха записала уже *семь* лѣтъ. Не смотря на то, что игроки и старуха горячились, ставили тысячами имперіялы, и едва доставало на столѣ мѣста для выиграннаго мною—какъ нарочно—я сталъ *проигрывать!* Это меня бѣсило — я самъ разгорячился. »Да, отыгрывайте у меня деньги? Что вы играете все на годы? вскричалъ я. »Мы *платимъ* деньгами, честью, почестью« — отвѣчала старуха— а *беремъ* только годы.« — Да, если вы всѣ ихъ у меня выиграете, на что-же мнѣ ваши деньги и почести? — сказалъ я. — »Оставишь наслѣдникамъ«—отвѣчала она,

улыбаясь. — Если такъ — на *всѣ годы вдругъ!* вскричалъ я. Игроки вскочили отъ изумленія; товарищъ мой, сидѣвшій подлѣ меня, усмѣхнулся. »Рискуешь!« сказалъ онъ. — Да, вѣдь отвага медъ пьетъ, отвага и кандалы тренъ: семь смертей не будетъ, одной не миновать! вскричалъ я. — »Да, *меня* не миновать« — сказала старуха, угрюмо — »держу въ трое противъ того, что ты выигралъ!« — По рукамъ! — кинули — я *проигралъ.*

Въ одно мгновеніе, одежда и тѣло свалились съ старухи — я увидѣлъ отвратительный остовъ. »Ты *мой!*« сказалъ мнѣ этотъ ужасный игрокъ. — Неправда! вскричалъ я. — *Мой!* повторилъ отвратительный остовъ, и голосъ его не могли заглушить ни шумъ гостей, ни музыка. »Постойте« — сказалъ мой товарищъ, злобно улыбаясь. »Ты отважно игралъ« — продолжалъ онъ обратясь ко мнѣ — »дѣлать, братъ, нѣчего — *жизнь* проиграна — играй *на душу!*« — Волосы стали дыбомъ на головѣ моей.« Согласны-ли вы, сударыня?« продолжалъ онъ, обращаясь къ скелету. — Для васъ извольте!—

»Ты выиграешь,« шепнулъ мнѣ товарищъ. Руки у меня затряслись.... »Нѣтъ!« вскричалъ я — »жизнь была моя, а душа *не моя, но Божья!*«

Бухъ! Трръ! Страшный громъ загремѣлъ вокругъ меня — домъ обрушился съ ужаснымъ трескомъ — все провалилось и изчезло: и товарищъ мой, и собраніе, и старуха.... Я очутился на кладбищѣ, и лежалъ на краю свѣжей, только что вырытой могилы. Мнѣ показалось, что я слышу улетавшій отъ меня громкій свистъ, шумъ и хохотъ. Изумленный, почти безчувственный лежалъ я; мрачная ночь была на небѣ; ночная роса смочила всю мою одежду; я не могъ опомниться, не могъ пошевелить ни рукой, ни ногой — не имѣлъ силы произнесть молитвы, и не двигалась рука моя сотворить крестное знаменіе. Лихорадка жестоко била меня. Вспоминая все, что я видѣлъ, во снѣ, или на яву — въ этомъ я самъ себѣ не могъ дать отчета—чувствовалъ я, что холодный потъ выступилъ на лбу моемъ, и смертный холодъ проникалъ въ мои кости.

Такъ лежалъ я долго. Заалѣла заря на востокѣ, взошло солнце, пригрѣло меня, все ожило, и я поднялся, пошелъ, почти не понимая куда иду. Не знаю какъ, очутился я подлѣ питейной конторы. Тутъ, словно въ туманѣ, я видѣлъ своихъ товарищей, пилъ, говорилъ съ ними, наконецъ не взвидѣлъ ихъ, и не понималъ, что они мнѣ говорили. Вдругъ подлѣ меня явился вчерашній товарищъ моихъ ночныхъ похожденій. »Какъ? Ты опять здѣсь? За чѣмъ?« Какъ: *за чѣмъ?* Вѣдь ты сей часъ повторилъ разъ двадцать, чтобы я *взялъ тебя.* Въ каждомъ днѣ есть *одинъ часъ*, въ который, если только человѣкъ пожелаетъ, чтобы *я* его взялъ, то я немедленно являюсь исполнить его просьбу.— »Не хочу!« — Не льзя: ты въ завѣтный часъ добровольно вызвался, чтобы я взялъ тебя. — »Но кто ты?« — На что тебѣ — пойдемъ! — »Не хочу!« — Все равно: скоро будешь у меня и безъ того — вѣдь ты проигралъ моей знакомкѣ всю жизнь свою? — »Вы меня обманули: гдѣ золото, которое я выигралъ?« — Вольно было тебѣ не взять его. Пойдемъ — я

тебѣ его отдамъ. »Отдашь?« — Честно отдамъ: я унесъ его съ собою, для того, чтобы передать тебѣ. Оно здѣсь близко — пойдемъ! — Мнѣ было въ это время душно, жарко. Какой-то холодокъ повѣялъ на меня, и подкрѣплялъ меня. »Отдашь золото?« вскричалъ я—»отдай-же!«— Здѣсь со мною его нѣтъ — пойдемъ ко мнѣ, говорю тебѣ, вотъ тутъ, близехонько. Видишь, какой здѣсь жаръ, а тамъ у меня такъ прохладно и весело!—Я всталъ, и пошелъ за товарищемъ. »Ты малой славной, послушливый« — сказалъ онъ. »Мнѣ жаль тебя, и я хочу тебѣ пособить. Послушай: если ты возьмешь свое золото, такъ вѣдь и поминай, какъ звали!« — Какъ, чортъ меня возьми! вскричалъ я. — »*Онъ* и безъ того уже взялъ тебя« — сказалъ мой товарищъ, смѣясь— »а не лучше-ли тебѣ отыграться: сыграй, дружище, на душу — увѣряю тебя, что ты отыграешься. Вѣдь душу отъ тебя не скоро потребуютъ. Не смотря на упадокъ кредита и довѣренности, я очень довѣрчивъ, и въ свѣтѣ много у меня такихъ должниковъ, которымъ повѣрилъ я

на прокатъ души ихъ, впредь до уплаты долга.« — Я молчалъ. — »Послушай« — сказалъ мнѣ тогда товарищъ — »у тебя есть не нужная вещь — пожалуста, сними ее!« — Какая вещь? — спросилъ я. — »Крестъ на груди твоей. Посмотри: вотъ лежитъ и золото твое!« Я взглянулъ, увидѣлъ груды вчерашняго золота, и, какъ безумный, сорвалъ съ себя крестъ. Товарищъ мой чуть не захохоталъ отъ радости. Мы шли, и я чувствовалъ, что свѣжая прохлада обнимала меня, какъ будто-бы я, въ лѣтній жаръ, купаюсь въ холодной водѣ. Мы пришли наконецъ въ какое-то странное мѣсто. Я не видалъ тутъ ни людей, ни неба; надъ головою моею журчала и текла свѣтлая вода; вокругъ насъ мелькали рыбки; черный камень лежалъ на землѣ.—»Садись на этотъ камешекъ« — сказалъ товарищъ — »это подарокъ мнѣ отъ одного добраго моего пріятеля. Вотъ къ нему привязана и веревка, по которой этотъ пріятель спустился ко мнѣ. На! считай свое золото!« — Я сѣлъ, началъ считать, и счетъ потерялъ— такъ много его было! Блескъ его совсѣмъ

ослѣпилъ меня; звонъ его заглушилъ во мнѣ всѣ чувства, кромѣ желанія владѣть этимъ сокровищемъ. »Мое!« вскричалъ я, кинувъ въ кучу послѣдній имперіялъ. — А ты *мой*! раздался подлѣ меня голосъ, и — я увидѣлъ вчерашній отвратительный скелетъ. Онъ ухватилъ меня за сердце костлявою своею рукою — духъ во мнѣ занялся, сердце холодѣло. »Скорѣе«— вскричалъ мой товарищъ — »играй *на душу*: вотъ кости, вотъ карты!« Задушаемый, холодѣющій, я кивнулъ головою въ знакъ согласія. »Онъ согласенъ!« вскричалъ товарищъ мой радостно. »Держи, старуха! Ты отпустишь его на 50 лѣтъ, отдашь ему золото его, а онъ за то отдастъ мнѣ свою душу. Что ставишь?«— Пиковый тузъ — проворчала старуха. Перекинули карты — товарищъ выигралъ — старуха изчезла. Я все началъ тогда понимать и чувствовать. »Ну, теперь ты *мой*« — вскричалъ товарищъ. »Довольно, братъ, я съ тобой повозился. Шутки-ли стоило мнѣ, изъ честнаго, хорошаго человѣка, сына добраго отца, сдѣлать тебя пьяницею, мотомъ, развраст-

нымъ, кабацкимъ шутомъ! И теперь, вотъ ужь другія сутки вожусь я съ тобою — надоѣлъ ты мнѣ! Знай, что ты сидишь теперь на днѣ рѣки, на камнѣ утопленника. Ты смѣнишь его — бѣдный пріятель совсѣмъ измучился. Надѣвай-ка петлю его!« Тутъ только замѣтилъ я, что конецъ веревки, которою обвязанъ былъ камень, обхватывалъ шею распухшаго, посинѣлаго трупа. Товарищъ мой началъ снимать веревку съ этого трупа. »Стой« — закричалъ я — »ты обѣщалъ мнѣ 50 лѣтъ жизни, и золота, золота!« — Я и не отнимаю ни того, ни другаго, но вѣдь условія у насъ не было отпустить тебя гулять по бѣлу свѣту, съ милымъ твоимъ золотомъ? Ты просидишь здѣсь 50 лѣтъ, а золото будетъ лежать вокругъ тебя грудами — никто его не украдетъ у тебя, и ты успѣешь насмотрѣться на него, такъ что оно тебѣ опротивѣетъ — »Ты обманулъ меня, проклятый!« — Обманулъ? А ты мнѣ вѣрилъ, когда теперь люди другъ другу не вѣрятъ? Ты договаривался со мною на слово, когда и люди безъ договора

письменнаго не сходятся другъ съ другомъ!...—Онъ отвязалъ веревку отъ трупа, и толкнулъ трупъ ногою, такъ, что его далеко унесло по теченію. Руки товарища, съ веревкою, протянулись ко мнѣ. — »А послѣ 50 лѣтъ, что будетъ со мною? « вскричалъ я въ отчаяніи. — Ничего — тебя погрѣютъ, потому, что здѣсь ты порядочно прозябнешь; будутъ грѣть тебя, столь долго, что если-бы муравей въ сто лѣтъ разъ подходилъ къ морю Океану, и пилъ изъ него, то скорѣе онъ выпьетъ Океанъ, нежели тебя отпущу я! — Тутъ раздался надо мною голосъ: *Господи благослови! Дай-ка пощу его здѣсь — Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его!* « И мнѣ чудилось, что какъ будто человѣческая рука ловитъ меня за волосы, но скользитъ мимо. »А!« воскликнулъ мой товарищъ — » они тебя ловятъ, ищутъ — скорѣе!... « Онъ накинулъ петлю на шею мою. Тутъ почувствовалъ я неизъяснимую сладость новаго, неизвѣстнаго дотолѣ для меня чувства — раскаянія.... дѣтскія лѣта пришли мнѣ на память — тѣнь добраго мо-

его отца мелькнула передо мною, и слезы потекли изъ глазъ моихъ—въ *первый разъ въ жизни!* »Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его! « слабымъ голосомъ прошепталъ я.... Какъ будто рѣка вдругъ оборвалась надо мною съ сими словами! Вода полилась мнѣ въ ротъ, стала душить меня — товарищъ мой, золото, веревка, камень — все изчезло въ глазахъ моихъ. Въ тоже время чувствовалъ я, что сильная рука человѣческая ухватила меня за волосы, и поволокла къ верху.... Когда я опомнился, то увидѣлъ, что меня откачиваютъ и приводятъ въ чувство.... «

Хозяинъ нашъ замолчалъ. Разсказъ его такъ увлекъ всѣхъ насъ, что мы все еще слушали. » Что-жъ далѣе? « спросилъ наконецъ Суворовскій сослуживецъ. — Далѣе ничего — отвѣчалъ хозяинъ. Разумѣется, что смѣльчакъ и удалецъ нашъ былъ долго боленъ, выздоровѣлъ, и сдѣлался честнымъ и хорошимъ человѣкомъ, какъ уже я вамъ сказывалъ. Происшествіе свое, конечно, не такъ, какъ я, то есть,не тѣми словами, какими разсказалъ

его вамъ я, разсказывалъ онъ, и не забывалъ до конца жизни, молился, трепеталъ, дрожалъ въ первые послѣ того годы. Потомъ страхъ его ослабѣлъ, но до конца жизни утверждалъ онъ дѣйствительность событія, каялся въ грѣхѣ, и говорилъ, что Богъ, внявъ его чистосердечному покаянію, избавилъ его отъ вѣчной погибели. Народъ толковалъ, что его *лѣшій обходилъ*, и чуть было не погубилъ совершенно....

— И онъ всегда разсказывалъ все это одинаково? спросилъ Шумиловъ.

» Да. Вотъ это-то и непонятно: какъ могло все это представиться ему такъ стройно, складно, и какъ онъ могъ все это припомнить.

— Мнѣ кажется, все объясняется тѣмъ — сказалъ Терновскій — что онъ слишкомъ *перепилъ;* у него сдѣлался родъ бреда, хмѣльникъ, продолжавшійся болѣе сутокъ. Онъ самъ забылъ, какъ отличался на выемкѣ, шедши оттуда забрелъ на кладбище, тамъ спалъ, грезилъ, потомъ по инстинкту, не помня себя, говорилъ, ходилъ, ушелъ въ воду, гдѣ хмѣль

его прошелъ совершенно. Жаръ отъ ужаснаго количества вина поддержалъ его въ водѣ, и не далъ захлебнуться, пока вытащили его. Въ бреду слилось для него все, что онъ видалъ, слыхалъ, чувствовалъ, а можетъ быть, и читалъ.

»Браво! прекрасное изъясненіе!« сказалъ Шумиловъ. »Но, если ты такой мастеръ изъяснять, такъ изъясни-же ты мнѣ, что я разскажу теперь. У меня не будетъ ни красныхъ плащей, ни перепоя; но мое происшествіе чуднѣе всего этого, потому, что рѣшительно непонятно! Я скажу тебѣ и то, гдѣ и когда оно происходило....

— Къ дѣлу! вскричалъ Суворовскій сослуживецъ.

»Лѣтъ двадцать тому« сказалъ Шумиловъ, »въ Старомъ Осколѣ, у одного тамошняго мѣщанина, былъ сынъ, замѣчательный чудакъ. Молодой, высокій, стройный собою, былъ онъ притомъ задумчивъ, молчаливъ, набоженъ, страстно любилъ читать духовныя книги, особливо Четьминею, ходилъ всегда къ церкви, не терпѣлъ женщинъ, никогда не смѣялся, и любимое упражненіе его было, когда онъ не

былъ занятъ дѣломъ, или не читалъ — сидѣть неподвижно, сложа руки, закрывъ глаза, закинувъ голову на плеча, какъ будто дремлетъ, хотя спалъ онъ вообще весьма мало. Отецъ его былъ *прасолъ*. Такъ называютъ въ Южныхъ губерніяхъ нашихъ мѣлочныхъ торговцевъ, которые *кулачатъ* разнымъ товаромъ. Но *кулакъ* собственно тотъ, кто, съ безмѣномъ въ рукѣ и нѣсколькими рублями за пазухою, выходитъ къ заставѣ, или на рынокъ въ своемъ городѣ, торгуетъ, покупаетъ — хлѣбъ, масло, яицы, сѣно, рыбу — все, что ни попало, даетъ задатокъ, и везетъ купленное къ какому нибудь торговцу, или хозяину дома. Тамъ обыкновенно даютъ кулаку за труды, или нарочно условленный барышъ. Соединяя это съ тѣмъ, что кулакъ прилжетъ, выторгуетъ, выгадаетъ въ сдачахъ, въ промѣнахъ — онъ можетъ быть сытъ, и содержитъ свое семейство. Вы спросите: за чѣмъ сами хозяева, или торговцы, не замѣняютъ кулаковъ? За тѣмъ, что никогда и никому не удастся противъ нихъ купить. Объ ихъ мастерствѣ мож-

но-бы вамъ разсказать много смѣшнаго— но послѣ когда нибудь. Они, напримѣръ, иногда прибьютъ мужика, заговорятъ его, собьютъ съ толку, напоятъ, и сумѣютъ выгадать; иногда составятъ они заговоръ общій, и сбиваютъ цѣну; иногда заведутъ страшный споръ между собою, подерутся нарочно, и проч. и проч.«

— Видно вездѣ тоже дѣлается, что бываетъ въ большомъ свѣтѣ, и при большихъ дѣлахъ — сказалъ Терновскій.

» Разумѣется, что страсти вездѣ страсти, и люди вездѣ люди. Разница только въ нуляхъ, которые прибавляютъ къ единицамъ « — отвѣчалъ Шумиловъ. » Но такіеже точно кулаки, какъ я вамъ описалъ, только немного выше, называются *прасолами*. Они имѣютъ уже свой маленькій капиталъ, рублей до тысячи иногда, и не ходятъ торговать у заставы, или на рынкѣ, но ѣздятъ въ своей повозкѣ, на своихъ лошадяхъ, съ работникомъ, изъ деревни въ деревню, изъ селенія въ селеніе, изъ города въ городъ, скупаютъ, что ни попало, составляютъ *партіи то-*

варовъ, продаютъ ихъ, и промѣниваютъ. Огромныя количества мерлушки, пеньки, холста, щетины, и, т. п. собираются такимъ образомъ прасолами для большихъ торговцевъ. Множество ярмарокъ даетъ средства изворачиваться. Ловкій прасолъ, самъ хозяинъ, самъ прикащикъ и работникъ, настоящій der Alter überall und nirgends (*старикъ вездѣ и нигдѣ*), всюду поспѣваетъ, торгуетъ, мѣняетъ, покупаетъ, беретъ заказы, задатки, самъ должитъ.

— Всѣ этѣ статистическія подробности, право, не худо-бы собирать—сказалъ Терновскій — онѣ не всѣмъ извѣстны, и въ статистикахъ нашихъ нѣтъ объ нихъ ни слова. —

» Спрашивай бывалаго «—отвѣчалъ Шумиловъ. Не удивительно, что статистики наши бѣдны подробностями, и лгутъ въ общности, потому, что подробностей сочинители ихъ не знаютъ, сидя въ своихъ кабинетахъ, а безъ подробностей нельзя имъ хорошо узнать общности.

— Но я обращаюсь къ моему разсказу.

Отецъ чудака, о которомъ началъ я говорить, былъ *прасолъ*. Сынъ замѣнилъ его, когда подросъ. Онъ съ малолѣтства былъ приученъ къ ремеслу своего отца. Не смотря на свой странный характеръ, онъ дѣйствовалъ умно, ловко. Товарищи, хотя не любили, но уважали, а продавцы вѣрили его слову. Отецъ, видя, что сынъ *дѣла не оставляетъ*, допускалъ его читать, молчать, закрывать глаза. Народъ, видя чудака всегда задумчивымъ, говорилъ, что онъ *зачитался*. Наши простолюдимы увѣрены, что кто много читаетъ, тотъ наконецъ зачитается, то есть, что умъ зайдетъ у него за разумъ. Это общее повѣрье на Руси.

Такъ все шло своимъ чередомъ. Обыкновенно прасолы уѣзжаютъ въ дорогу послѣ Святой Недѣли, и часто цѣлый годъ не пріѣзжаютъ домой, переѣзжая повсюду съ своимъ подвижнымъ торгомъ. Такимъ образомъ, въ одно время, чудакъ нашъ отправился, вмѣстѣ съ другими, ѣздилъ, ѣздилъ, наконецъ пріѣхалъ въ Острогожскъ. Тамъ бываетъ ярмарка,

если не ошибаюсь, на десятой недѣлѣ послѣ Пасхи. Очень удачно торговали на этой ярмаркѣ всѣ, а между прочими, и нашъ чудакъ. Нѣсколько повозокъ прасольскихъ отправилось послѣ того, вмѣстѣ, на другую изъ тысячи одной ярмарокъ, которыми испещренъ цѣлый годъ въ Малороссіи, землѣ Донскихъ Казаковъ, и вообще въ Южной Россіи. Народъ собрался тутъ все веселый, разгульный. Въ ясный, жаркій день поѣхалъ этотъ народъ; пѣли, шутили, смѣялись, разсчитывали барыши, разсказывали проказы. Надобно было переѣзжать Сосну, которая, верстахъ въ 18-ти отъ Острогожска, впадаетъ въ Донъ близь Дивногорскаго монастыря. Жаркій день возбудилъ во всѣхъ желаніе купаться. Остановили повозки, разпрягли лошадей, всѣ бросились въ воду. Чудакъ, какъ нарочно, въ этотъ день былъ особенно задумчивъ и мраченъ. Онъ сѣлъ на берегу, смотрѣлъ на веселье и рѣзвости товарищей, и наконецъ запѣлъ, тихимъ голосомъ, одну изъ погребальныхъ пѣсенъ. »Что тебѣ вздумалось?« спросилъ одинъ изъ товарищей — »кого-ты отпѣваешь? —

Себя—отвѣчалъ чудакъ, и съ симъ словомъ началъ раздѣваться. »Умный ты малый — сказалъ ему товарищъ—а какъ ты глупо говоришь иногда, что не приведи Господи! — »Не поминай лихомъ!« отвѣчалъ чудакъ, и бросился въ воду. Онъ былъ отличный пловецъ, и особенно мастеръ нырять. Товарищи не безпокоились, когда не увидѣли его тотчасъ вынырнувшаго изъ воды. Только тогда, какъ всѣ вышли на берегъ, замѣтили они, что *чудака нѣтъ*. »Да гдѣ-же онъ?« воскликнули всѣ въ одинъ голосъ. Начались распросы — какъ, гдѣ, кто его видѣлъ? Платье его лежало на берегу, сложенное порядкомъ; когда бросился онъ въ воду, многіе его видѣли; куда онъ дѣвался — никто не зналъ! Товарищъ, говорившій съ нимъ передъ купаньемъ, разсказалъ свой разговоръ. Это заставило всѣхъ ужаснуться. »Не ужели онъ утопился?« закричали всѣ — »съ чего? какъ: наложить на себя руки? Нѣтъ, онъ былъ малый добрый, и не погубилъ-бы души своей за даромъ!« Безпокойство умножалось еще, при мысли, что не легко раздѣлаться за это дѣло съ судомъ...

Но *утонулъ* ли онъ? Въ которомъ мѣстѣ онъ бросился? — Всѣ кинулись въ воду, ловили, искали его. Мѣсто, какъ нарочно, было глубокое, но совершенно безъ ямъ и омутовъ: утонуть нѣгдѣ было, еслибы кто и захотѣлъ. Наконецъ, всѣ утомились, и послали въ ближнее селеніе....

Словомъ: сбился народъ, пріѣхалъ Судъ, искали, судили, рядили, взяли показанія, взяли и *за оправданіе* — дѣло было кончено. Къ бѣдному старику, отцу, привезли тѣлегу, лошадей, товаръ, платье, въ которомъ былъ сынъ его, и объявили, что онъ *купался, и въ виду всѣхъ утонулъ.* Слыша разсказы подробностей, многіе утверждали, что онъ *утопился* нарочно. Причины никто не понималъ. Все найдено было у него въ цѣлости, не только не промотанное, но съ барышомъ необыкновеннымъ. Отецъ сильно погрустилъ. Время взялось его утѣшить. Всего легче утѣшать ему простолюдимовъ, которые въ первомъ порывѣ горести приходятъ въ совершенное изступленіе, ревутъ, горюютъ, подобно животнымъ; но вскорѣ, и гораздо легче нашего, все забыва-

юнъ. Отправили *сорочины*, служили панихиды, отпраздновали *полу-годовины*, наконецъ *годовины*. Сдѣлалось самое обыкновенное дѣло — умеръ человѣкъ — умеръ ли онъ на постелѣ, или въ рѣкѣ — но умеръ, и, по обыкновенному порядку вещей, всѣ его забыли—вотъ въ чемъ дѣло.

Вообразите-же себѣ изумленіе отца, когда, по прошествіи года, онъ получаетъ вдругъ письмо, писанное рукою его сына, въ которомъ сынъ его увѣдомляетъ, что сидитъ въ острогѣ, въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Харьковской губерніи, въ совершенной нищетѣ, и что его считаютъ за бродягу. Бѣднякъ проситъ извѣстить мѣстное начальство, о томъ, кто онъ, и прислать ему денегъ. Какъ онъ попалъ въ этотъ городъ, и какъ зашелъ въ острогъ — въ письмѣ не было объ этомъ ни одного слова.

Сначала отецъ не повѣрилъ глазамъ своимъ, читалъ, перечитывалъ, потомъ показалъ письмо товарищамъ, бывшимъ съ его сыномъ. Тѣ клялись ему въ справедливости ихъ разсказа, крестились, изумлялись, увѣряли. Старикъ пошелъ посовѣтоваться съ

Градскимъ Головою. Изумленіе было всеобщее, и никто ничего не понималъ въ этомъ дѣлѣ. Одни полагали, что это обманъ, другіе думали, что это дьявольское навожденіе.

Пока все это думали и полагали, получено было оффиціяльное отношеніе въ Старый Осколъ. Судебное мѣсто того городка, гдѣ сидѣлъ въ острогѣ мнимый утопленникъ, извѣщало, что не далеко отъ города, близь *такого то селенія*, найденъ былъ крестьяниномъ *такимъ-то*, въ полѣ, днемъ, спящій человѣкъ, нагой, и по пробужденіи своемъ показалъ, что онъ *такой-то* Старо-Оскольскій мѣщанинъ, а какъ сюда попалъ, не знаетъ, а также и паспорта при себѣ не имѣетъ; въ слѣдствіе сего *подозрѣвается онъ въ бродяжничествѣ*. Посему *благоволено-бъ было извѣстить:* точно-ли *таковый мѣщанинъ имѣлся* въ Старомъ Осколѣ, и точно-ли *частопоминаемый, нагой*, найденный въ полѣ человѣкъ, есть *рѣченный* мѣщанинъ, и проч. и проч.

Дѣло запутывалось болѣе и болѣе. Отнеслись изъ Стараго Оскола, что *та-*

ковый мѣщанинъ *имѣлся* въ тамошнемъ мѣщанствѣ, но уже болѣе года, онъ, купаясь въ рѣкѣ Соснѣ, близъ Острогожска, волею Божіею *причинилъ себѣ утопленіе*, а посему, *гдѣ нынѣ находится, неизвѣстно*.

Пока все это происходило, старикъ отецъ думалъ и передумывалъ, что ему дѣлать? Согласитесь, что положеніе его было самое затруднительное. Какъ: сынъ, утонувшій въ виду двадцати человѣкъ, которые не имѣли никакой надобности лгать, является живой, сидитъ въ острогѣ? Развѣ съ того свѣта пришелъ онъ, или это обманъ? Но обманъ тотчасъ откроется. Онъ подумалъ, подумалъ, перекрестился, взялъ паспортъ, и отправился, въ тотъ городъ, гдѣ явился мнимый утопленникъ.

Пріѣхавъ туда, онъ бросился прямо въ острогъ — смотритъ: точно это сынъ его, только еще угрюмѣе, молчаливѣе, задумчивѣе, нежели прежде! Старикъ обрадовался, закричалъ; сынъ обнялъ его, заплакалъ, но молчалъ. Отецъ началъ спрашивать: какъ онъ сюда попался? — »Не

знаю« отвѣчалъ сынъ.—Но про тебя рассказывали, что ты утонулъ тогда-то, тамъ-то? — »Не знаю,« отвѣчалъ опять сынъ. — Да, какъ-же тебя нашли въ полѣ, нагаго, въ такомъ отдаленномъ разстояніи? — »Не знаю« — повторилъ опять сынъ, заплакалъ снова, и не отвѣчалъ болѣе ни на какіе вопросы. Отецъ сердился, бранился, умолялъ, заклиналъ; сынъ отвѣчалъ ему наконецъ, что готовъ поклясться въ совершенномъ незнаніи всего, что происходило съ того времени, когда онъ, близь Острогожска, бросился въ воду, до того, какъ нашли его, спящаго, въ полѣ, нагаго, за нѣсколько сотъ верстъ отъ Острогожска. Не смотря на то, что ростъ, видъ, голосъ, все увѣряло старика, что это точно сынъ его, онъ еще не довѣрялъ; но совершенно убѣдился онъ, когда, распрашивая обо всѣхъ подробностяхъ прежней жизни, родства, даже о товарѣ, какой остался въ повозкѣ при мнимомъ утопленіи сына, о платьѣ, въ которое былъ одѣтъ тогда этотъ мнимый утопленникъ, онъ получалъ отвѣты самые подробные и удовлетворительные. Дѣ-

лашь было нѣчего. Старикъ выручилъ сына, и повезъ его въ Старый Осколъ. Всю дорогу сынъ молчалъ, правилъ лошадью, или спалъ, но ѣлъ и пилъ онъ весьма мало. Не боленъ-ли ты? спрашивалъ старикъ, и всегда получалъ отвѣтъ отрицательный. Наконецъ пріѣхали въ Старый Осколъ. Всѣ сбѣжались смотрѣть утопленника. Онъ узнавалъ всѣхъ, и всѣ его узнавали. Но на вопросы и распросы онъ отвѣчалъ только: *да*, *нѣтъ*, *не знаю*, и примѣтно сердился, когда говорилъ съ человѣкомъ, которому надобно было оказывать болѣе вѣжливости. Нравъ его, и прежде мрачный, угрюмый, еще болѣе сдѣлался угрюмъ и мраченъ. Онъ занялся дѣломъ своимъ по прежнему, но почти ничего не говорилъ, безпрерывно задумывался, закрывалъ глаза. Черезъ полгода впалъ онъ въ совершенное усыпленіе, не говорилъ ни слова, пролежалъ нѣсколько дней такимъ образомъ; впрочемъ, никакой сильной болѣзни у него не было замѣтно, но въ одно утро нашли его мертваго, въ его постелѣ. — Ну, что вы обо всемъ этомъ скажете?

» Что до меня,« сказалъ Суворовскій сослуживецъ, »то я началъ-бы изслѣдованіемъ всѣхъ подробностей. Ты, вѣрно, не самъ все это видѣлъ?

— Нѣтъ, но я слышалъ отъ самовидца.

» Этого мало. Люди такъ умѣютъ всегда прибавлять, что разсказъ *десятаго* вовсе не похожъ на разсказъ *перваго*. Далѣе, надобно не только знать всѣ подробности, но и сообразить ихъ. Десятеро смотрятъ на одно и тоже, и всѣ десятеро говорятъ разно. Надобно *сличить* ихъ разсказы, и хладнокровно самому все *изслѣдовать*.

— Что до подробностей моего разсказа, я сказалъ вамъ, *гдѣ* именно было. Не помню только того, въ какомъ точно городѣ оказался въ острогѣ утопленникъ, Валуйкахъ, или Изюмѣ? Совсѣмъ забылъ!

» А все это надобно знать непремѣнно, и непремѣнно знать, кромѣ того: что именно *правда* въ твоемъ разсказѣ, и что ты *прибавилъ*?

— Я, право, ничего не прибавилъ, а пересказалъ, какъ мнѣ сказывали.

» Все это легко можетъ объясниться животнымъ магнетизмомъ,« сказалъ важно Терновскій. »Люди, подобные Старо-Оскольскому прасолу, суть истинные *сомнанбулы*, и въ состояніи сомнанбулизма могутъ....

— Вотъ это мнѣ нравится — сказалъ Суворовскій сослуживецъ, у смѣхаясь.

» Развѣ вы не вѣрите животному магнетизму?

— Готовъ вѣрить; но прежде нежели разсказъ Шумилова стану я изъяснять такимъ образомъ, мнѣ надобно видѣть всѣхъ *свидѣтелей* событія, сообразить ихъ *разсказы*, повѣрить все на мѣстахъ, знать время, обстоятельства, *когда*, *гдѣ*, *какъ* было — и, можетъ быть, все окажется вранье, или обманъ....

» Что за недовѣрчивость! вскричали другіе.

— Да, неуже-ли по вашему лучше—вѣрить, безъ толку, безъ изслѣдованій, и громоздить пустыя системы и теоріи? Пожалуй, иной готовъ будетъ и разсказъ Шумилова вписать въ собраніе *чудныхъ и необыкновенныхъ событій*. Умъ безъ разума бѣда. Иногда ваши ученые изъясненія

походятъ, мнѣ кажется, на ларчикъ, который *просто открывался*, или на сказку о какомъ-то Индійскомъ Царѣ, у котораго былъ ученый сынъ. Вотъ этотъ Царь собралъ всѣхъ своихъ вельможъ, и объявилъ, что любя отечество свое, желаетъ избрать при себѣ достойнаго наслѣдника. Всѣ изумились. »Помилуйте, братъ солнца и дядюшка луны!« заговорили вельможи. — »Да чего-же намъ лучлучше вашего премудраго и преученаго сына? Это перло Наукъ, это основаніе всякой Философіи!«—Вы ошибаетесь, друзья мои — отвѣчалъ Царь. — Сынъ мой точно уменъ, и очень ученъ, да у него нѣтъ *разума* и *здраваго смысла*, а безъ этого онъ въ Цари негодится. — Вельможи осмѣлились спорить. »Ну, вотъ всего лучше,« сказалъ Царь, »мы это сей часъ испытаемъ.« Позвали Царевича, и Царь, показывая ему сжатый кулакъ, спросилъ его:« Можешь-ли ты сказать намъ — просто-ли сжалъ я руку въ кулакъ, или что нибудь въ ней есть?« — Могу — отвѣчалъ Царевичъ, осмотрѣлъ кулакъ, смѣрялъ, вычислилъ, и отвѣчалъ, что въ кула-

кѣ должно быть что нибудь заключено посторонное, какой-то предметъ, ему неизвѣстный. — Всѣ изумились познаніямъ Царевича.

»Хорошо,« продолжалъ Царь, смѣясь — »но что-же такое именно? Подумай и скажи намъ.« — Царевичъ опять смѣрялъ, вычислилъ, и сказалъ, что въ кулакѣ находится какой-то *кругообразный предметъ, по срединѣ котораго есть круглое отверзтіе.* — »Все это сказала тебѣ твоя *наука*« — отвѣчалъ Царь — »но теперь пусть разумъ твой покажетъ намъ свою силу. Какъ ты думаешь: что-же такое именно держу я въ моемъ кулакѣ? — »*Жорновъ*« отвѣчалъ Царевичъ, »потому, что *жорновъ есть нѣчто кругообразное, съ круглымъ отверзтіемъ по срединѣ.* А *поелику* наука говоритъ мнѣ, что у васъ въ рукѣ заключается именно такой формы предметъ, то и слѣдуетъ, что у васъ въ рукѣ жорновъ. Извольте разжать вашу руку, и показать.« — Царь разжалъ руку — въ ней было *кольцо!* Что-же Царевичъ? Онъ началъ доказывать, что кольцо и жорновъ есть одно и тоже.

Царь покачалъ головою и сказалъ: »Мы видимъ только одно, что *умъ безъ разума бѣда.*« Говорятъ, что съ тѣхъ поръ пошла въ міръ эта пословица.

Всѣ засмѣялись. »Ну, братъ, старый пріятель« — сказалъ Шумиловъ —

Эта сказка,
Племянникъ, на тебя прямая вѣдь указка!

»Какъ хочешь, а нашъ Суворовскій едвали неправъ!«

— Разумѣется, отчасти правъ — отвѣчалъ Терновскій — правъ, если нападаетъ на легковѣріе, неразуміе, безразсудность повѣрьевъ и слуховъ. Но онъ ошибается, если хочетъ рѣшительно *все отвергать*, и ничему рѣшительно не вѣритъ. Возьмемъ, какую вамъ угодно сторону знаній, какой вамъ угодно предметъ — вездѣ дойдемъ мы до той степени, гдѣ прямое, положительное изъясненіе невозможно, но теоретическое предположеніе того или другаго необходимо. Магнетизмъ животный есть — этого отвергнуть нельзя. Готовъ сказать, что легковѣріе, излишнее умни-

чанье, даже шарлатанство, много прибавили къ нему нелѣпаго, страннаго, вздорнаго, но—основаніе справедливо. Вотъ, не хочешь-ли — продолжалъ Терновскій, обращаясь къ Суворовскому сослуживцу— я разскажу тебѣ *самое вѣрное событіе*, и попрошу тебя изъяснить это событіе, если ты и послѣ сего станешь отвергать, что въ природѣ человѣческой есть много для насъ совершенно неизъяснимаго.

Всѣ расположились слушать. »Будутъ-ли въ твоемъ разсказѣ духи?« спросилъ хозяинъ. » Страхъ люблю духовъ! «

— Такъ, какъ въ молодости любилъ ты *духи*—сказалъ, смѣясь, Шумиловъ — я помню, что ты плачивалъ бывало золотомъ за пахучія произведенія Корбей Перрольма!

» Въ Москвѣ—такъ началъ Терновскій— »жилъ одинъ знакомый мнѣ человѣкъ, чиновникъ, весьма хорошій и умный; но все, что вамъ разсказывали когда нибудь о скупцахъ, все это онъ превзошелъ въ высочайшей степени. Родясь бѣднякомъ, онъ еще ребенкомъ пряталъ лоскутья,

пуговки, гвоздики, тряпочки, и потомъ продавалъ ихъ. Также дѣлалъ онъ ящички, игрушки, выпрашивалъ закуски, все продавалъ, и дрожалъ надъ каждою копѣйкою. Вступя въ службу, проходя потомъ ее весьма честно, отлично, онъ получалъ чины, мѣста, но жилъ совершенно нищимъ, и разсказывать вамъ о всѣхъ его проказахъ было-бы весьма долго. Напримѣръ: онъ всегда носилъ съ собою пустую табакерку, бралъ у каждаго табакъ, но не нюхалъ его никогда, а искусно пряталъ въ табакерку свою, и потомъ продавалъ въ табачную лавочку. Обѣдалъ онъ дома, покупая большую Шведскую сельдь, хлѣбъ черствый, и приказывая приносить себѣ изъ ближней харчевни солянку; пилъ всегда воду, ходилъ всегда пѣшкомъ, и изобрѣлъ какое-то особенное искусство не тереть сапоговъ, не марать ихъ въ грязи, и не изнашивать платья. Да, именно искусство: безъ колошъ, переступая сорокою съ камня на камень, умѣлъ онъ проходить по улицамъ чистыми ногами; безъ щетки и голичка, сбиралъ онъ съ платья и обдувалъ всѣ пу-

пинки и пыль, никто уже не помнилъ, когда были спины его мундиръ и шинель, но они были новехоньки, хотя покроемъ напоминали времена Царя Гороха. Говорятъ, будто мѣлочами скопить богатства нельзя, но полно правда-ли это? Повѣрить трудно, сколько скопить можно самыми бездѣлицами. Мой знакомецъ, по крайней мѣрѣ, скопилъ себѣ весьма большое состояніе, безъ всякаго лихоимства и безъ взятокъ. Правда, что за то онъ, не считая за грѣхъ торговать своими деньгами, умѣлъ отдавать ихъ въ проценты, умѣлъ принимать залоги и заклады, перекупать, скупать вещи, перепродавать ихъ, подновлять, брать за нихъ дорого. Скажу вамъ однимъ словомъ, что нажилъ онъ себѣ денегъ много, и наконецъ купилъ себѣ домъ каменный, хотя и весьма дешево. Домъ этотъ стоило посмотрѣть: вообразите маленькое, низенькое строеніе въ два этажа, съ желѣзными ставнями, сводами, толстыми стѣнами, въ два аршина поперечника; ворота вѣчно были у него на запорѣ; всѣ комнаты были заставлены сундуками, мебелью,

платьемъ, ящиками. Только одинъ хозяинъ, и съ нимъ еще старый слуга — подивитесь—такой-же скупецъ — были обитателями этого страннаго жилища. Говорятъ, что слуга, въ досужные часы, ходилъ даже просто сбирать милостыню, особливо, если узнавалъ, что гдѣ нибудь есть богатые похороны. Для этого надѣвалъ онъ особенныя лохмотья, и все сбиралъ и копилъ. На ловца звѣрь бѣжитъ — по Русской пословицѣ. Скупецъ мой вдругъ узналъ, что есть твореніе женскаго рода, ему подобное, познакомился, и пришелъ въ такой восторгъ отъ качествъ невѣсты, что не смотря на лѣта (ему было лѣтъ пятдесятъ, ей около сорока), не смотря на непригожство невѣсты (она была хрома, крива, ряба, кривоноса, и сильно заикалась), предложилъ ей руку, и женился на ней. Качества супруги, рѣшительно, равнялись его похвальнымъ качествамъ. Не смотря на большое состояніе, это былъ неслыханный Гарпагонъ женскаго рода. Жаль, что мнѣ нѣкогда разсказывать вамъ о подробностяхъ хозяйства сихъ почтенныхъ супру-

говъ. Вы, конечно, слыхали, что одинъ скупецъ, боясь воровъ, но въ тоже время жалѣя расходовъ, не хотѣлъ купить собаки, а купилъ только цѣпь, и, выходя по ночамъ изъ дома, гремѣлъ цѣпью и самъ лаялъ собакою; что другой скупецъ кралъ у самаго себя хлѣбъ, и проч. — Повѣрьте, что все это дѣлала возлюбленная чета, о которой я вамъ разсказываю. Совсѣмъ не къ радости, Богъ благословилъ ихъ дѣтьми — родилось у нихъ два сына. Мужъ и жена плакали, когда надобно было имъ тратиться на крещенье, надобно было нанять няньку, хотя старушенку какую нибудь, старую и дряхлую. Лѣтъ трехъ былъ старшій сынъ, когда нечаянно разбилъ стаканъ — мать увидѣла, ахнула и умерла! Можетъ быть, можно-бы еще было пособить ей; но не уже-ли звать лекаря? Мужъ послалъ за цирюльникомъ, и пока договаривался, что возметъ онъ за кровопусканіе, душа супруги его улетѣла изъ некрасиваго тѣла ея, и комедія кончилась. Супругъ сталъ еще крѣпче прижимать все къ рукамъ своимъ. Замѣтьте, что скупость его

была страстью, жизнью его, такъ, какъ честолюбіе, любовь, карты, вино дѣлаются всепоглощающею страстью. Любить потому, что *не любить* значило-бы *не жить*. Картежникъ дрожитъ, видя карты, пьяница трепещетъ, глядя на вино, и тутъ совсѣмъ уже не наслажденіе привлекаетъ любовника, картежника, пьяницу — нѣтъ! вся жизнь, все въ мірѣ заключено для нихъ въ предметѣ ихъ сумасшествія—или страсти, если угодно. Такъ скупецъ любитъ деньги. И этому доказательствомъ можетъ послужить мой скупецъ. Въ дѣтяхъ своихъ совсѣмъ не замѣчалъ онъ склонности къ деньгамъ, а, напротивъ, одинъ изъ нихъ оказывалъ еще склонность къ мотовству. Что-же сдѣлалъ отецъ? Съ малыхъ лѣтъ началъ увѣрять дѣтей, что онъ бѣднѣйшій человѣкъ, и почти нищій. Деньги и все, что только было получше, онъ спряталъ; никогда не приходили къ нему занимать, отдавать, никогда не приносили и закладовъ при дѣтяхъ. Онъ ходилъ самъ къ желающимъ, заклады приносилъ домой попихоньку, писалъ векселя на чу-

жія имена, съ переводомъ на свое. Дѣти, привыкшія съ самой колыбели къ нищетѣ, лохмотьямъ, выросли рѣшительно въ томъ мнѣніи, что отецъ ихъ большой бѣднякъ. Когда вышли они изъ училища, отецъ опредѣлилъ ихъ въ штатскую службу, на другіе города, передавъ ихъ на руки своимъ знакомымъ, и умоляя униженно не оставлять его бѣдныхъ ребятишекъ. Самую трудную жизнь вели бѣдные сыновья, и должны были кое-какъ питаться и жить изъ своего жалованья, а отецъ умиралъ между тѣмъ съ голоду въ Москвѣ.

Лѣтъ двадцать было старшему, когда вдругъ, неожиданно, послѣ нѣсколько-лѣтняго отсутствія, является онъ къ отцу. Старикъ изумился и осердился. Увидя его, сынъ проситъ позволенія поговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Старикъ привелъ его въ свою спальную комнату, гдѣ, на большомъ сундукѣ, лежала у него ветхая перина, а на столѣ о трехъ ножкахъ стояла чернилица. Сынъ зналъ, что въ сундукѣ лежитъ у старика дрянное бѣлье его, и старое платье. Упавши на

колѣна, онъ объявилъ отцу, что проситъ благословенія жениться.

— Какъ жениться? А чѣмъ тебѣ жить? Достанетъ-ли жалованья? — вскричалъ изумленный старикъ. — »И подумать не льзя. Пріученный вами къ умѣренности, я живу до сихъ поръ кое-какъ, но почти нищимъ.« — Нищимъ? Хорошо, вотъ это хорошо — по твоему состоянію — сказалъ старикъ, улыбаясь — но, можетъ быть, ты беретъ за невѣстою большое приданое? — »Величайшее, батюшка: добродѣтель, красоту.« — Я спрашиваю тебя о приданомъ. — »Я и говорю вамъ о приданомъ.« — Такъ, стало быть, ты женишься на бѣдной? — »Пособите, батюшка!« — А мнѣ гдѣ-же взять? Мнѣ самому ѣсть нѣчего! — »Признаюсь.... я ужь женился, батюшка!« — Какъ: *женился?* — »Я не смѣлъ писать къ вамъ объ этомъ. Для сватьбы принужденъ я былъ занять....« — Занять!... — »Да, и обѣщалъ въ срокъ заплатить.... А теперь.... срокъ пришелъ — меня мучатъ, требуютъ!...« — Старика начала бить лихорадка. »А много-ли занялъ ты?« спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Ты-

сячу рублей. Помогите, я вскорѣ надѣюсь получить мѣсто выгоднѣе, помогите мнѣ только теперь, ради Бога! — Старикъ не слыхалъ уже этихъ словъ: онъ повалился на постелю, безъ чувствъ. Испуганный сынъ не зналъ что дѣлать, бросился къ лекарю; пока собирался лекарь, бѣднякъ успѣлъ возвратиться домой. Отецъ его въ это время опамятовался, но глядѣлъ дикими глазами, сидя на своей перинѣ. »Что это такъ скоро возвратился ты?« спросилъ старикъ хрипящимъ голосомъ. — Я нанялъ извощика — отвѣчалъ сынъ. — »Извощика!« воскликнулъ отецъ, упалъ снова на перину, и бормоча: »*извощика, тысячу*....« умеръ.

Явился лекарь, осмотрѣлъ скелетъ старика, едва одѣтый морщиноватою кожею — такъ худъ и сухъ былъ онъ — и объявилъ, что старикъ скоропостижно скончался. Сынъ былъ пораженъ жестокою горестью. Онъ думалъ, что, хотя и безъ намѣренія, былъ причиною внезапной смерти отцовской. Въ первый разъ собрались въ домъ скупца родственники покойнаго.

Всѣ съ любопытствомъ осматривали домъ его, и удивлялись, что въ самомъ дѣлѣ совершенная бѣдность была видна повсюду. Покойника положили, какъ водится, на столъ. Дьячокъ началъ читать Псалтирь. Бѣдный сынъ не думалъ искать богатствъ въ домѣ отцовскомъ, не искалъ и связки ключей, которая обыкновенно бываетъ у скупцовъ. Ночью весьма часто дьячки спятъ за чтеніемъ Псалтири; по крайней мѣрѣ, дьячокъ, бывшій при покойникѣ, спокойно заснулъ. Пробудившись весьма рано, онъ удивился, что покойника на столѣ не было. Въ испугѣ разбудилъ онъ сына. Этотъ не вѣрилъ, но также изумился, когда пришелъ и увидѣлъ своими глазами, что покойникъ пропалъ со стола. Бросились въ его спальню — что-же? Онъ тутъ, ничкомъ, прикорнувшись къ своей перинѣ, обхвативши руками ветхій сундукъ свой! Сынъ просилъ дьячка молчать, перенесли покойника на столъ; немедленно снова призвалъ сынъ лекарей, прося освидѣтельствовать тѣло. Всѣ согласно говорили, что старикъ точно умеръ. При насту-

ленія другой ночи, дьячку и сыну стало страшно оставаться однимъ. Не говоря о томъ, что было въ первую ночь, сынъ пригласилъ къ себѣ ночевать знакомыхъ. Двое изъ нихъ легли въ бывшей спальнѣ старика. Сынъ расположился въ другой, ближней комнатѣ. Вдругъ ночью прибѣгаютъ къ нему оба знакомые, бывшіе въ спальнѣ, и говорятъ, что *покойникъ тамъ*. Бросились въ комнату, гдѣ лежалъ онъ: трупъ на столѣ; дьячокъ, и двое другихъ людей, спятъ спокойно; кинулись въ спальню—тамъ никого нѣтъ! Все почли мечтою воображенія, и на другой день старика похоронили, безъ дальнихъ хлопотъ. Сынъ опять попросилъ однакожъ ночевать у него многихъ. Онъ писалъ уже къ брату, и вскорѣ ждалъ его. Долго вечеромъ сидѣли и говорили; ударило полночь, когда стали расходиться; двери въ спальню были отворены; глядятъ — старикъ сидитъ на сундукѣ своемъ! Это уже не мечта, онъ самый, онъ, какъ живой! Маленькая лампадка горѣла передъ образомъ и освѣщала блѣдное лицо покойника. —

— И вѣрно запѣлъ пѣтухъ, и онъ пропалъ? сказалъ Шумиловъ, усмѣхаясь.

» Вѣрьте, или нѣтъ, только я слышалъ это отъ самого сына этого скупца, о которомъ вамъ говорю. Не онъ одинъ, но еще пятеро, или шестеро съ нимъ были тутъ и сами видѣли!

» Почему-же они не подошли, не пощупали руками, не принесли свѣчей?

— »Послушай-ка, дружище: хорошо тебѣ храбриться теперь — сказалъ Терновскій — но между мертвыми и живыми такое безмѣрное разстояніе — жизнь и смерть, человѣкъ и трупъ—такъ непріязненны одно другому, что если-бы теперь, въ эту минуту, въ этѣ двери, вдругъ показалось привидѣніе, въ саванѣ, съ лицомъ гробовымъ и блѣднымъ — повѣрь, что въ первую минуту — ты не вздумалъ-бы ощупывать его....

» Да, полно-же пугать насъ« — сказалъ хозяинъ — »разскажи лучше, что далѣе было — а славная повѣсть, какая страшная!... прибавилъ онъ, пожимаясь съ видомъ удовольствія.

— Вотъ это, господа, странное вѣдь

дѣло — продолжалъ Терновскій — что человѣку именно нравится тѣмъ болѣе разсказъ, чѣмъ онъ страшнѣе, то есть, чѣмъ болѣе можетъ испугать его существенность дѣла. Чѣмъ опаснѣе было наше похожденіе, тѣмъ пріятнѣе разсказывать объ немъ послѣ, когда опасность уже миновалась. — Но сынъ скупца, о которомъ я разсказываю, и товарищи его, не думали въ то время о будущей прелести разсказа. Они окаменѣли на мѣстѣ, и черезъ минуту бросились всѣ бѣжать! Имъ казалось, что старикъ гонится за ними — они толкали другъ друга, падали, и опомнились тогда только, когда выбѣжали на дворъ, свѣжій, ночной воздухъ обвѣялъ ихъ, и очи небесныя, звѣзды, на голубомъ, чистомъ небѣ разсѣянныя, освѣтили ихъ своими блѣдными, мерцающими лучами.

— Вы его видѣли? спросилъ сынъ. — Ты сказалъ намъ, что видишь его, а я, признаюсь, не видалъ — отвѣчалъ одинъ изъ товарищей. — Но мы видѣли, видѣли сами! воскликнули другіе. — Чувствую, что я виновенъ передъ нимъ! вскричалъ

тогда сынъ — мое непослушаніе, мое оскорбленіе, причинило ему смерть, и въ гробѣ не даетъ ему покоя! — Онъ заплакалъ, зарыдалъ; товарищи замѣтили, что онъ въ бреду, въ горячкѣ. Его перенесли въ домъ, почти безъ чувствъ, но никто не смѣлъ идти въ комнату старика. Бѣдный сынъ былъ очень долго боленъ, и нѣсколько дней лежалъ безъ памяти. Комнату старика затворили и замкнули. Страшные разсказы пошли по сосѣдству. Говорили, что многіе видятъ скупца, какъ онъ ходитъ по ночамъ вокругъ дома, плачетъ, воетъ, кричитъ. Исторію о появленіи его разсказывали такъ разно, что на третій день никто изъ сосѣдей не могъ спокойно уснуть; каждый шумъ, шорохъ мыши, свистъ вѣтра, вой собаки, казались сосѣдямъ голосомъ мертвеца. Въ самомъ-же домѣ его при наступленіи ночи, холодъ обдавалъ каждаго. Внизу, вокругъ постели больнаго, молодаго хозяина, тѣснились устрашенные обитатели, и гости, остававшіеся съ нимъ, и едва тѣ и другіе осмѣливались дышать.

Наконецъ пріѣхалъ въ Москву и вто-

рой сынъ скупца. Братъ его былъ еще безъ памяти. Пріѣзжему разсказали обо всемъ. Онъ удивлялся, но въ тоже время спрашивалъ: осматривали-ль пожитки покойнаго, и осталось-ли ему съ братомъ что нибудь въ наслѣдство? Никто ничего не могъ сказать. Не мучимый совѣстью, подобно старшему брату, нашъ молодецъ тотчасъ пошелъ осматривать всѣ комнаты и всѣ уголки. Но тщетно разворялъ онъ шкапы, заглядывалъ въ кладовыя, выдвигалъ ящики — кромѣ дряннаго старья, нигдѣ и ничего не было!« Не можетъ-же быть, чтобы у батюшки въ самомъ дѣлѣ ничего не осталось! »говорилъ онъ, и рѣшился тщательнѣе осмотрѣть спальню. Въ ветхомъ бюро, стоявшемъ въ спальнѣ, не оказалось ни гроша; валялись только разныя старыя бумаги. Сынъ рѣшился осмотрѣть сундукъ, на которомъ спалъ и являлся послѣ смерти отецъ. Это было яснымъ утромъ, но— такова была сила впечатлѣнія разсказовъ, что руки нашего разыскателя дрожали, сбрасывая ветхую перину и подушки съ сундука. Открыли сундукъ: тутъ лежали

мундиръ, плащъ старика, нѣсколько бѣлья— и только! Все это выбросилъ нашъ разыскатель, и съ досадою сказалъ, что надобно убрать этотъ сундукъ. Стоило батюшкѣ приходить съ того свѣта«—говорилъ онъ — »стеречь свой старый мундиръ!« Но тутъ замѣтилъ онъ, двинувши сундукъ, что сундукъ не двигается съ мѣста. Что за странность? Выкидали всѣ остальныя вещи изъ сундука, и замѣтили, что у него двойное дно. Поднявъ первое, фальшивое, увидѣли, что другое, крѣпко запертое, было врѣзано въ полъ. Принуждены были разломать это дно, и тутъ, съ изумленіемъ, узнали, гдѣ скрывалъ свое богатство старый скупецъ. Подъ поломъ, и въ стѣнѣ, открылось мѣсто, гдѣ лежали мѣшки съ золотомъ и серебромъ, пучки ассигнацій, драгоцѣнныя вещи, шкатулка съ векселями и документами. Особый пакетъ былъ положенъ въ шкатулку. Сынъ сорвалъ печать съ этого пакета, прочиталъ бумагу, въ немъ находившуюся—поблѣднѣлъ и затрепеталъ. Все велѣлъ онъ оставить, какъ что было найдено, заперъ двери комнаты, и

пошелъ къ постели брата. Изумлялись, что этотъ шаловливый, вѣтренный юноша сдѣлался вдругъ такимъ мрачнымъ, смущеннымъ и не говорилъ ни слова. Прошло нѣсколько дней; больной выздоровѣлъ, узналъ отъ брата своего тайну о скрытомъ сокровищѣ, изумился, почти обрадовался....

»Что-жъ, являлся-ли старикъ во все это время?« — спросилъ Шумиловъ.

— Не знаю, да и никто этого не зналъ, потому, что дверь въ бывшую его спальню была крѣпко заперта. Говорили, что въ ночь, слѣдовавшую послѣ дня открытій сокровища, слышанъ былъ въ этой комнатѣ горестный вой и стонъ. Только дѣти, какъ видно, перестали думать о привидѣніяхъ, рѣшились раздѣлить все ими найденное, раздѣлили честно, и тотчасъ изъ отцовскаго дома выѣхали: одинъ уѣхалъ къ молодой женѣ своей; другой остался въ Москвѣ. Домъ отца ихъ наняли какіе-то люди.

»И исторіи конецъ?« сказалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не конецъ — отвѣчалъ Тернов-

скій. Вопервыхъ, наемщики дома вскорѣ отступились отъ денегъ, заплаченныхъ ими впередъ за полгода: имъ житья не было! Только полночь—въ бывшей спальнѣ старика начинался вой, плачь, стонъ, крикъ, странный стукъ, какъ будто по полу катаетъ кто нибудь тяжелые чугунные шары. Съ годъ оставался послѣ того домъ старика пустой. Никто не нанималъ его. Наконецъ сыскался было смѣльчакъ, но и недѣли не прожилъ отъ стука, крика и воя. Домъ скупца рѣшительно и навсегда опустѣлъ. Боялись ночью даже ходить мимо его. Между тѣмъ младшій сынъ скупца жилъ въ Москвѣ и казался совершенно сумасшедшимъ. То запирался онъ въ своей комнатѣ, плакалъ, ходилъ, сложа руки; то пускался въ свѣтъ, моталъ, игралъ, пилъ, и, казалось, забывалъ самаго себя. Въ два года не осталось у него ни копѣйки, и онъ, обремененный долгами — застрѣлился! На столѣ нашли у него пакетъ, адресованный на имя брата. Надобно вамъ сказать, что этотъ старшій братъ жилъ между тѣмъ чрезвычайно

тихо, скромно; но жестокая болѣзнь, послѣ смерти отцовской бывшая у него, оставила глубокіе слѣды. Мысль, что онъ хотя невольно былъ нечаянною причиною смерти отцовской, терзала и мучила его. Къ несчастію, двое прелестныхъ малютокъ умерли у него одинъ за другимъ; добрая, милая жена его сильно горевала, и впала наконецъ въ злую чахотку. Бѣдный страдалецъ вдругъ получаетъ въ это время извѣстіе о несчастной смерти брата, и пакетъ, оставленный на его имя. Онъ разорвалъ пакетъ — вообразите, что-же тамъ находитъ? Братъ пишетъ, что совѣсть мучитъ его и доводитъ до гроба; что въ шкатулкѣ отцовской нашелъ онъ бумагу, и скрылъ ее, думая, что эта бумага вздоръ. Въ бумагѣ этой отецъ налагалъ вѣчное, страшное проклятіе на всякаго, кто осмѣлится коснуться къ его сокровищамъ! »Душа моя потревожится на томъ свѣтѣ« — писалъ скупецъ—»я приду возмущать сонъ и покой дерзновеннаго, кто возметъ изъ моего имѣнія хоть одну копѣйку.« Безразсудный юноша не

показалъ этой бумаги старшему брату, но самъ безпрерывно мучился совѣстью, и мыслію о проклятіи родительскомъ. Тѣнь отца преслѣдовала его всюду; напрасно хотѣлъ онъ въ роскоши и развратѣ забыть самаго себя, и — »теперь, когда заряженный пистолетъ навожу я на свою голову« — писалъ несчастный — »мнѣ кажется, что неумолимая тѣнь передо мною, что она гнѣвно смотритъ на меня....« Ужасъ объялъ старшаго брата, при чтеніи этого письма, и при чтеніи страшнаго проклятія отцовскаго, которое братъ его сохранилъ и приложилъ при своемъ прощальномъ письмѣ. »Я чувствую, что проклятіе отца лежитъ на мнѣ, и на моемъ несчастномъ семействѣ« вскричалъ онъ, упалъ безъ чувствъ, и — отъ жестокой горячки вскорѣ отправился въ нескончаемый таинственный путь. Жена пережила его только немногими днями. Узнавъ всѣ подробности, она завѣщала раздать все имѣніе мужа въ монастыри и церкви. Домъ скупца нѣсколько лѣтъ стоялъ опустѣлый, и въ пожарѣ 1812-го года сгорѣлъ. Мѣсто бы-

ло продано, и потомъ застроено новыми домами....

» Твой разсказъ ужасенъ« — сказалъ Шумиловъ — »но что-же онъ доказываетъ?

— Я прошу васъ изъяснить мнѣ всю эту таинственную исторію. Скажите мнѣ: какъ мертвецъ могъ сойдти со стола и придти къ своему сокровищу? Что значили всѣ явленія, подтвержденныя множествомъ достовѣрныхъ людей? Что значила несчастная участь дѣтей скупца? Ну, ты, изъяснитель, что скажешь?

» Что я скажу?« отвѣчалъ Суворовскій сослуживецъ. То, что я слыхалъ тысячи исторій, какъ мертвецы приходили съ того свѣта, какъ они стучали, кричали, шумѣли, но — рѣшительно ничему этому не вѣрю.

— Слѣдовательно, ты полагаешь, что все это людской обманъ?

»Иногда, а иногда обманъ разстроеннаго воображенія, иногда-же наконецъ, то и другое вмѣстѣ. Но никогда не допущу я мысли, чтобы приходъ и явленіе мертвецовъ происходили на самомъ дѣлѣ.

— Нѣтъ, я, напротивъ — сказалъ Терновскій — полагаю, что можетъ существовать таинственная, непостижимая связь между умершимъ и переживающимъ его, или оставляемымъ отъ него здѣсь. Если остающійся здѣсь сохраняетъ память перешедшаго за предѣлы гроба, почему не полагать, что перешедшій за могилу не привязанъ также какими нибудь таинственными связями къ остающемуся въ здѣшнемъ мірѣ? Это мысль Виланда, который описалъ извѣстное — думаю — всѣмъ вамъ происшествіе, какъ одна умирающая хотѣла проститься съ добрымъ своимъ другомъ. Сказавъ объ этомъ окружавшимъ смертный одръ ея, она закрыла глаза, и казалась въ безчувствіи. Другъ ея, бывшій весьма далеко, и совершенно ничего не знавшій, сидѣлъ въ это время спокойно въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ струна на гитарѣ, висѣвшей у него на стѣнѣ, лопнула, съ такимъ трескомъ, какъ будто вся гитара изломалась. Онъ вздрогнулъ, взглянулъ, и увидѣлъ призракъ своей подруги: онъ стоялъ передъ нимъ, легкій, воздушный, и ласково

улыбался. Испуганный другъ ужасно обезпокоился, не спалъ всю ночь, сокрушался и на другой день отправилъ нарочнаго, спрашивая: не случилось-ли, въ такой-то день, часъ и минуту чего нибудь необыкновеннаго? Ему отвѣчаютъ, что въ этотъ день часъ, и минуту подруга его была при послѣднемъ издыханіи, хотѣла проститься съ нимъ, и черезъ мгновеніе потомъ снова открыла глаза, сильно вздохнула еще разъ, и умерла.

»Хорошо, дружище« — сказалъ Шумиловъ, — »положимъ, что все это точно такъ было, но и не отвергая рѣшительно своихъ предположеній, какъ дѣлаетъ это нашъ Суворовскій богатырь, признаюсь, не понимаю: *первое*, того, какъ можно для такихъ мѣлочей, каковы всѣ наши земныя отношенія, приходить съ того свѣта? *Второе*, того, почему подобныя явленія бываютъ всегда вечеромъ, ночью, или, по крайней мѣрѣ, когда дѣлается темно? Я до сихъ поръ не слыхивалъ, чтобы мертвецы и чудесныя привидѣнія являлись середи бѣла дня. *Третье*, наконецъ, странно, почему всег-

да сопровождались они разными пустяками, какъ-то: плачемъ, стономъ, стукомъ, или, какъ въ разсказѣ Виланда, лопаньемъ гитарной струны? Не вѣрю я, чтобы торжественное явленіе жителя того свѣта сопровождалось подобными вздорарами!

— Знаете-ли вы еще старинную исторію — сказалъ хозяинъ — какъ одинъ молодой человѣкъ былъ влюбленъ въ славную нѣкогда Французскую актрису, Клеронъ, и умеръ отъ любви къ ней? Послѣ смерти его, каждый день, въ часъ его кончины, были въ домѣ Клеронъ странныя явленія: то выстрѣлитъ, какъ будто изъ пушки, то захлопаетъ, какъ будто рукоплещетъ кто нибудь, то завоетъ, застонетъ. Наконецъ стала слышна музыка. Все это продолжалось цѣлый годъ, и всякій день было постоянно въ извѣстный часъ.

» Ну, вотъ вамъ доказательство сбивчивости всѣхъ этихъ разсказовъ,« сказалъ Шумиловъ. » Извольте знать, что точно такое-же происшествіе разсказываетъ Гёте объ одной Неаполитанской пѣвицѣ.

— Нѣтъ, что оно случилось именно въ Парижѣ — возразилъ хозяинъ — я докажу вамъ Записками Герцогини Аншпахской, которая разсказываетъ его за достовѣрное.

» Да, помилуйте, вотъ съ моимъ знакомымъ, въ Петербургѣ, было подобное происшествіе. Онъ купилъ домъ, весьма старинный. Едва только переѣхалъ онъ, какъ въ первую ночь слышитъ въ залѣ странный стукъ. Точно, какъ будто кто нибудь все тамъ ломаетъ. Бросились въ залу, со свѣчами — ничего и никого! Вышли изъ залы—опять стукъ, трескъ, ломанье. Это продолжалось болѣе часа. Никто не могъ уснуть въ домѣ во всю ночь. На другой день рѣшились все осмотрѣть, смотрѣли, искали, и ничего не нашли. На другую ночь — прежняя исторія! Бѣдный мой пріятель не зналъ что дѣлать, и какъ въ подобныхъ случаяхъ невольно дѣлаешься суевѣрнымъ, и радъ бываешь совѣтоваться со всякою старухою, то и мой знакомый послалъ за какимъ-то колдуномъ, старикомъ. Тотъ явился, и объявилъ, что въ домѣ должны быть непо-

гребенныя кости, насильственно умерщвленнаго человѣка. Подняли полъ въ залѣ, и нашли подъ поломъ скелетъ, у котораго пробитъ былъ черепъ. Скелетъ этотъ перенесли на кладбище, похоронили его честно, и стукъ кончился. Земля земли требовала. У нашихъ предковъ предписывалось, какъ христіанскій долгъ, прикрыть землею, если кто нибудь видитъ валяющіяся безъ погребенія кости человѣческія.

— Вотъ похожее на это было въ К***, сказалъ хозяинъ. — У одного тамошняго купца жила служанка, сварливая и злая женщина. Однажды пропали въ домѣ какія-то вещи. Подозрѣніе пало на нее. Она взбѣсилась, разругала всѣхъ, клялась самыми ужасными клятвами, что не виновата, и когда ей грозили, что передадутъ подозрѣніе Полиціи, то сказала, что наложитъ на себя руки, да и послѣ смерти никому покоя не дастъ. Рано поутру хозяинъ всталъ, и пошелъ со двора. Служанка, въ слѣдъ за нимъ, вышла за ворота. Частный домъ былъ недалеко. Увидя, что хозяинъ вошелъ въ Частный

домъ, она въ бѣшенствѣ хлопнула воротами, побѣжала въ сарай, и — удавилась! Представьте-же себѣ несчастное обстоятельство: въ Чаинномъ домѣ допрашивали вора, пойманнаго ночью, и онъ признался, что между прочимъ укралъ онъ и тѣ вещи, въ которыхъ подозрѣвали несчастную служанку! Въ тоже время бѣгутъ изъ дома, и извѣщаютъ хозяина о смерти ея. Напрасно старались оказать ей пособія. Совѣсть терзала бѣднаго купца, а ночью началась у него въ домѣ такая потѣха, что на другой день никто не хотѣлъ остаться въ домѣ. Казалось, что на вышкѣ дома поютъ, пляшутъ, стучатъ, воютъ. Говоритъ вамъ, что днемъ ничего не было, что все это подстерегали, осматривали, — было-бы излишнее. Хозяинъ *лишился хлѣба*, какъ говаривали у насъ въ старину, не зная выраженія: *потерять аппетитъ*. Вдругъ приходитъ къ нему какой-то нищій, старикъ, узнаетъ обо всемъ, и говоритъ, что можетъ пособить дѣлу. Прежде всего велѣлъ онъ отслужить панихиду по душѣ самоубійцы, а потомъ на ночь ос-

тался въ домѣ, и когда начался стукъ, то отправился на вышку. Что онъ тамъ дѣлалъ? Никто этого не зналъ; но только стукъ прекратился, и съ той поры ничего не было слышно.

»Я вамъ разскажу также нѣчто похожее на это,« сказалъ Шумиловъ. »Въ Ригѣ знавалъ я одного Лифляндскаго помѣщика, Барона, кажется, потому, что тамъ рѣдко кто не Баронъ. Это былъ странный, задумчивый, мрачный старикъ, хотя отлично умный и образованный. А всего страннѣе было въ немъ то, что одна щека была у него, какъ будто свернута, какимъ-то уродливымъ образомъ, такъ, что ротъ у него покривился, и кромѣ того, щека эта находилась въ безпрерывномъ, какомъ-то судорожномъ движеніи. Множество удивительныхъ вещей слышалъ я объ этой щекѣ Барона. Случайно познакомились мы, и, не знаю какъ, только Баронъ очень полюбилъ меня. Узнавъ его лично, я удивлялся обширнымъ познаніямъ этого старика, любилъ его бесѣду, и разсказы его. Старикъ бывалъ въ службѣ при посольствахъ, мно-

гое видалъ на своемъ вѣку, много путешествовалъ. Однажды, долго сидѣвши съ нимъ вечеромъ, и говоря откровенно, я осмѣлился спросить у Барона: отъ чего была такъ изуродована щека его?—и прибавилъ, что я слыхалъ объ этомъ много страннаго, но не вѣрилъ ничему, и дабы убѣдиться рѣшительно, что всѣ эти разсказы вздорные, желалъ-бы слышать разсказъ его самаго.

— А что слыхали вы? — спросилъ меня Баронъ, принимая свой обыкновенный, задумчивый видъ. »Говорятъ, « отвѣчалъ я, « будто.... но, мнѣ совѣстно сказать вамъ«.... — Говорите, говорите— продолжалъ Баронъ, принужденно улыбаясь. — »Истинно, я стыжусь, и для того только и осмѣлился спросить васъ, что мнѣ досадно было слышать нелѣпости, разносимыя на счетъ такого почтеннаго человѣка, какимъ почитаю я васъ«.... — Вамъ, вѣрно, сказывали, что щеку мою изуродовалъ мертвецъ? Не правда-ли? — »Признаюсь «.... — Знайте-же — сказалъ Баронъ—что вамъ не солгали. — Онъ глубоко вздохнулъ. — »Да, къ не-

счастію, не только это совершенная правда, но это заставило меня оставить службу, и навсегда разстроило мое здоровье. Я не люблю разсказывать моей исторіи, но васъ такъ люблю, что преодолѣю тягостное чувство, и все разскажу подробно.

»Не думайте, чтобы я всегда былъ такой мрачный, задумчивый, угрюмый старикъ; напротивъ, съ молоду былъ я характера самаго веселаго и беззаботнаго. Всю почти жизнь свою провелъ я внѣ родины — сперва воспитывался въ Геттингенѣ; потомъ опредѣлился въ службу по дипломатической части, и жилъ, то въ Парижѣ, то въ Лондонѣ, безпечно и беззаботно. Родители мои умерли безъ меня, оставя мнѣ большое состояніе. Въ мое время, на обществѣ Европейскомъ были два главныя отличія: мы наслаждались настоящимъ, какъ будто спѣша насладиться, и предвидя сбирающіяся вдалекѣ грозныя тучи. Такъ поселяне и поселянки спѣшатъ доплясать круговой танецъ, видя, что издали несется на нихъ черная, громовая туча. Кромѣ того,

мы любили щеголять безвѣріемъ и вольнодумство, именно: *щеголять*, потому что это было тогда въ модѣ. Мы совсѣмъ не были вольнодумцами въ душѣ, или безбожниками по сердечному убѣжденію, но вольнодумствовали потому-же, почему пудрились — такая была мода. Мнѣ кажется, теперь тоже самое, только идетъ на оборотъ; то есть: такъ-же не вольнодумствуютъ, какъ не употребляютъ пудры, и не носятъ Французскихъ кафтановъ — изъ моды все это вышло, хотя душевной вѣры и сердечнаго убѣжденія нѣтъ, какъ прежде не было ихъ у насъ! Но, я говорю все это мимоходомъ.

»Мнѣ было сорокъ лѣтъ. Въ душѣ у меня было пусто; жизнь не представляла мнѣ впереди ничего, кромѣ пестрой перспективы того, что было уже со мною до тѣхъ поръ. Я рѣшился возвратиться на родину, взглянуть на отеческія поля, можетъ быть, остаться, сдѣлаться отцомъ семейства. Въ сорокъ лѣтъ пора основательнѣе глядѣть на будущее, а не слѣпо предаваться золотому

правилу: *будь что будетъ!* Отчизна, послѣ тридцатилѣтней отлучки, мнѣ показалась и скучна, и дика; домъ отцовскій нашелъ я въ запустѣніи; роднымъ казался я чужимъ человѣкомъ; знакомыхъ, друзей у меня не было. Отъ всего этого, мнѣ на родинѣ моей стало душно, грустно. Небывалая дотолѣ, мрачная, тяжелая тоска, и задумчивость, отравляли всѣ часы. Уединенно бродилъ я по своему дѣдовскому замку, и не зналъ, на что рѣшиться: опять-ли пуститься въ службу, и домыкать остальную жизнь на чужой сторонѣ, или остаться на родинѣ, жениться, сдѣлаться помѣщикомъ, семьяниномъ? Предоставляя окончательное рѣшеніе грядущему времени, рѣшился я прежде всего поправить и передѣлать свой старинный замокъ. Это завлекло меня однакожъ весьма далеко. Разломавъ тутъ, передѣлавъ тамъ, безпрестанно болѣе и болѣе распространялъ я планъ свой, ломалъ, строилъ, садилъ, рубилъ. Однажды, рѣшившись сломать часть ветхаго строенія, для разспространенія сада, я самъ находился на работѣ. Разбирая основаніе, вдругъ доры-

лись мы до какой-то ямы, и въ ней нашли множество человѣческихъ костей. »Можно-ли оставлять ихъ въ саду?« думалъ я, смотря на пожелтѣлые черепа, велѣлъ вырыть яму въ лѣсу, перевезть кости туда, и закопать. Распѣвая пѣсни, работники выкидывали кости, и тутъ бросали ихъ въ тѣлегу. Зрѣлище это сдѣлало на меня сильное впечатлѣніе. Я вспомнилъ Гаррика, котораго видалъ въ Лондонѣ, въ ролѣ Гамлета. Домой возвратился я задумчивый, чувствовалъ себя не очень здоровымъ, и легъ спать раньше обыкновеннаго.

Не знаю — сонъ-ли это былъ, или наяву, только мнѣ казалось, что я проснулся. На башнѣ ударило двѣнадцать, и съ послѣднимъ, замирающимъ звономъ колокола, двери въ комнату мою растворились: рядъ скелетовъ, одинъ за другимъ, шли по моей комнатѣ; каждый останавливался противъ меня, грозилъ мнѣ пальцемъ, и всѣ потомъ скрылись.... Когда я опомнился, уже было свѣтло. Холодный потъ былъ на лбу моемъ. Я поспѣшно вскочилъ, растворилъ окно: свѣжій, утрен-

ній вѣтерокъ обвѣялъ меня, и я отдохнулъ. Все это почелъ я сномъ; но посовѣтывался однакожъ съ Докторомъ моимъ; пощупавъ пульсъ, онъ сказалъ мнѣ, что я совершенно здоровъ, и страшный сонъ мой приписывалъ перемѣнѣ образа моей жизни, совѣтуя имѣть болѣе разсѣянія. День прошелъ въ прежнихъ заботахъ; занятой перестройками и постройками, я забылъ отправиться куда нибудь въ гости. Признаюсь, что и общество степенныхъ моихъ сосѣдей, послѣ Парижскаго и Флорентійскаго, казалось мнѣ скучно. Ложась спать, невольно подумалъ я о прошедшей ночи; но—это было мгновеніе, и я спокойно уснулъ.

»Какъ будто кто нибудь сильно схватилъ, и тряхнулъ меня, въ самую полночь, когда загудѣлъ колоколъ на башнѣ, Я затрепеталъ, и съ невольнымъ ужасомъ пересчитывалъ удары колокола. Я предчувствовалъ, что наступила полночь, и Богъ знаетъ что отдалъ-бы я тогда, если-бы кто нибудь остановилъ въ эту минуту колоколъ, и не далъ ему прозвучать — *двѣнадцатаго* удара!

»Вихрь пролетѣлъ по всѣмъ комнатамъ; двери, ставни задрожали, застучали. Прежній рядъ полу-сгнившихъ скелетовъ, размахивая костяными руками, стуча зубами, пошелъ мимо меня, и каждый скелетъ грозно проходивъ меня останавливался. Послѣдній изъ нихъ вдругъ началъ мнѣ говорить: »Развѣ ты не понялъ нашего требованія, безбожникъ, вольнодумецъ? Ты насмѣшливо смотрѣлъ, какъ выкинули насъ изъ послѣдняго нашего убѣжища, для того, чтобы развести для твоей прихоти сады. Насъ бросили въ лѣсу рабы твои, и теперь дикіе звѣри и собаки играютъ остатками подобныхъ тебѣ людей, и молитва не благословляла новаго домовища нашего. Знай, что предокъ твой измѣннически зазвалъ насъ къ себѣ, и погубилъ насъ. Онъ разсчитался уже за свое злодѣйство, но, берегись ты, потомокъ его!« Все изчезло. Къ утру опять опомнился я, и чувствовалъ лихорадочный ознобъ, едва могъ встать съ постели, и тотчасъ послалъ за Докторомъ.

»Докторъ мой явился, осмотрѣлъ меня, сказалъ, что у меня маленькая лихорад-

ка, далъ мнѣ лекарства, и старался обратить въ шутку мои видѣнія. Я самъ припоминалъ себѣ все, что бывало писано и говорено о нелѣпости явленія мертвецовъ, и мнѣ совѣстно даже было спросить о костяхъ, выкинутыхъ, по приказанію моему, въ лѣсъ: какой-то ложный стыдъ удерживалъ меня, ибо вопросъ мой значилъ-бы, что я подтверждаю ночное явленіе ихъ ко мнѣ. Но я просилъ однакожъ Доктора остаться со мною, принуждалъ себя быть веселымъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, поѣхали мы въ гости къ сосѣду. Задумчивость моя разсѣялась по немногу; но когда, вечеромъ, возвращались мы въ замокъ, я чувствовалъ, что лихорадочная дрожь пробѣгала у меня по всему тѣлу. Я велѣлъ зажечь множество свѣчей, и мы расположились съ Докторомъ посидѣть за бутылкою рейнвейну. Весельчакъ Докторъ шутилъ, смѣялся, но мнѣ не хотѣлось смѣяться; невольная дремота клонила меня; я не хотѣлъ ложиться спать—впрочемъ, я самъ не чувствовалъ, какъ уснулъ, сидя въ большихъ креслахъ....

»Долго-ли спалъ я — не знаю. Только

страшный ударъ разбудилъ меня, за нимъ послѣдовалъ другой, третій; мнѣ казалось, что какъ будто кто нибудь бросаетъ огромныя горы на желѣзную крышку замка. Нервы мои такъ были разстроены и натянуты, что я долго не могъ понять: что это за ужасные были громы, потрясавшіе весь составъ мой? Чувство мое было подобно тому, какъ если-бы кто нибудь крѣпко сжалъ рукою сердце человѣка, и заставилъ всю кровь изъ него броситься въ голову и въ ноги; сердце у меня холодѣло, а голова и ноги были, точно, какъ въ огнѣ. Потерявъ чувство, я не потерялъ памяти, и считалъ удары — ихъ было *двѣнадцать*. Тутъ мнѣ показалось, что все вокругъ меня развалилось, и меня окружило нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ въ старинные Шведскіе мундиры; лица ихъ были блѣдны; мученія смерти ужасной изображались въ ихъ помутившихся глазахъ, и одинъ изъ нихъ, съ широкою раною въ сердцѣ, весь окровавленный, началъ говорить мнѣ: »Ты еще сомнѣваешься, безбожникъ? Ты еще не хочешь благословить честнымъ

гробомъ и молитвою церкви остатки несчастныхъ жертвъ твоего злодѣя-прадѣда? Горе тебѣ, если завтра ты не покаешься, горделивый безумецъ! Вотъ тебѣ напоминаніе—увѣрься, что не пустой сонъ тревожитъ твое разстроенное воображеніе!« Онъ протянулъ руку, ухватилъ меня за щеку, и я почувствовалъ ледъ и огонь отъ прикосновенія руки его.... Все изчезло — я опамятовался, могъ различать предметы: видѣлъ моего Доктора; онъ спалъ, наклонясь головою на столъ; свѣчи нагорѣли, и тускло свѣтили; пустая бутылка и два стакана стояли на столикѣ, между мною и Докторомъ. Я хотѣлъ закричать, хотѣлъ пошевелиться — но не могъ. И въ этомъ положеніи долженъ я былъ, при полномъ чувствѣ ужаснаго моего состоянія, сидѣть нѣсколько часовъ. Всѣ въ замкѣ спали, нигдѣ не шелохнулось. Только бой часовъ напоминалъ мнѣ, что впереди ожидаетъ меня вѣкъ страданія, пока проснутся люди. Вся жизнь моя, безцвѣтная и пустая, пролетала въ моемъ воображеніи. Я страшился, каялся, плакалъ, трепеталъ. На-

конецъ, уже передъ разсвѣтомъ, проснулся Докторъ мой, протеръ глаза, взглянулъ на меня, и испугался: лицо мое было ужасно искривлено и обезображено. »Ударъ, ударъ!« закричалъ онъ, зазвонилъ, созвалъ людей, пустилъ мнѣ кровь, и я отдохнулъ, могъ говорить, немедленно велѣлъ позвать къ себѣ стараго управителя. Отецъ его былъ также цѣлый вѣкъ управителемъ замка, еще при дѣдѣ моемъ, и передалъ это мѣсто сыну. Выславъ всѣхъ изъ комнаты, я сталъ спрашивать у старика: не слыхалъ-ли онъ чего нибудь о тайномъ убійствѣ, совершенномъ въ этомъ замкѣ, при моемъ прадѣдѣ, или предкѣ? Старикъ смутился, отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ разсказывать старой сказки, которая наноситъ безчестіе моему Высокобаронскому роду. Я приказалъ ему говорить откровенно.

— *Сказываютъ*, что когда-то въ старину, во время войны Россіи съ Швеціею за Лифляндію — началъ говорить мнѣ старикъ — предокъ вашъ, Его Высокобаронская честь, благопріятствовалъ Россіи, и имѣлъ тайныя сношенія съ Моск-

вою. Ихъ узналъ молодой Шведскій Офицеръ, явился къ Барону, и смѣло объявилъ ему, что переписка Баронская находится у него въ рукахъ, и онъ немедленно можетъ открыть все правительству Шведскому. Первымъ движеніемъ Барона былъ гнѣвъ — человѣкъ онъ былъ весьма гордый, знатный, и богатый. »Если вы умертвите меня« — сказалъ Офицеръ, »то навѣрное погибнете: письма ваши передалъ я въ руки одного изъ друзей моихъ, имени котораго я вамъ не открою. Если хотите, чтобы и онъ, и я молчали, то откажитесь отъ вашихъ сношеній и умысловъ, и отдайте за меня прекрасную дочь вашу: я страстно люблю ее!« Призвали молодую Баронессу. Она упала на колѣна, и призналась отцу, что давно любитъ молодаго этого Офицера. Баронъ, молча, соединилъ ихъ руки. Любовники были въ восторгѣ. Офицеръ обѣщалъ Барону привезти письма его; но черезъ три дня возвратился безъ писемъ, и сказалъ, что тогда только отдастъ ихъ, когда получитъ руку Баронессы передъ алтаремъ. Баронъ нахмурился, молчалъ нѣсколь-

ко минутъ, и потомъ холодно отвѣчалъ Офицеру, что онъ согласенъ и на это. Черезъ два дни, Офицеръ, съ нѣсколькими товарищами, отправился въ замокъ Барона. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ замка, напали на нихъ разбойники, убили, ограбили ихъ, и побросали тѣла въ воду. Сильное подозрѣніе пало на Барона; но онъ не жалѣлъ денегъ, и подозрѣніе оказалось несправедливо. Поиски, для открытія убійцъ, были тщетны. Баронесса умерла въ монастырѣ, но никогда, и ничего не говорила она объ участи своего несчастнаго жениха. Баронъ жилъ долго, скончался спокойно, и былъ похороненъ съ приличною почестью. Но тайная молва носилась въ народѣ, и дошла, изъ рода въ родъ, до нашего времени, что повѣренный жениха не сохранилъ тайны его, и открылъ ее нѣсколькимъ своимъ товарищамъ. Впрочемъ, всѣ они, увѣренные, что Баронъ рѣшительно броситъ свои тайные умыслы, и желая притомъ счастія товарищу, поклялись молчать. Но Баронъ, узнавъ это, ужаснулся. Проѣзжая черезъ лѣсъ, женихъ и гости заплутались

въ лѣсу, и пріѣхали въ замокъ уже глубокою ночью. Баронъ принялъ ихъ чрезвычайно ласково, но былъ мраченъ, какъ темная ночь. Сѣли ужинать. Безпечно пили, ѣли, смѣялись, и въ концѣ ужина всѣ гости вдругъ упали мертвые, кромѣ жениха. Невѣста, замѣтивъ умыселъ Барона, тихонько выплеснула отравленное вино, и подмѣнила стаканъ. Испуганный женихъ бросился помогать своимъ товарищамъ, и въ это время Баронъ поразилъ его ножемъ, догадавшись, что онъ не выпилъ стакана съ ядомъ. Подкупленные слуги зарыли тѣла погибшихъ, и, для собственной безопасности, молчали. Время скрыло наконецъ всѣ слѣды преступленія, подробности котораго вообще никому не были достовѣрно извѣстны....

Расказъ старика пояснилъ мнѣ тайну моихъ видѣній. Тогда-же узналъ я, что работники полѣнились копать новую могилу для костей, при мнѣ вырытыхъ, и просто сбросали ихъ въ кучу, въ лѣсу. Приказавъ хранить глубокую тайну, я велѣлъ старику, управителю, сложить кости въ гробъ, перевезти ихъ на клад-

бище, отнѣнь, и когда онъ возвратился съ извѣстіемъ, что приказъ мой исполненъ, у меня словно гора свалилась съ груди. Я почувствовалъ, что дышу свободнѣе, ночь спалъ я хорошо, и въ нѣсколько дней поправилось мое здоровье. Но щека осталась у меня навсегда изуродованною. Я не могъ жить въ моемъ замкѣ, сдѣлался таковъ, какъ вы видите, и только вѣра, бесѣда добрыхъ людей, и книги могутъ еще услаждать мое жалкое, печальное существованіе....

— Ну, мы договорились до романовъ въ Испанскомъ родѣ — сказалъ хозяинъ.—

»И такъ извѣрились въ нашихъ страшныхъ разсказахъ, что готовы вѣрить, даже и этому, сказочному разсказу Шумилова« — сказалъ Суворовскій сослуживецъ, улыбаясь. »Вотъ, господа, что значитъ дурной примѣръ: заслушавшись васъ, и я уже не спорю противъ мертвецовъ — ха, ха, ха!

— Я не сомнѣваюсь, что Баронъ разсказывалъ тебѣ то, чему онъ самъ чистосердечно вѣрилъ — сказалъ Терновскій Шумилову — но тутъ, мнѣ кажется,

легко все изъяснить. Онъ былъ отъ природы нервическаго, слабаго сложенія, и когда попалъ въ уединеніе, то оно совершенно разстроило его голову. Страшные сны Барона происходили отъ волненія крови. Можетъ быть, въ молодости слыхалъ онъ сказку о смерти офицеровъ Шведскихъ, а при видѣ костей она темно представилась ему, и потомъ, въ тишинѣ ночи, явилась въ живыхъ образахъ. Каждую ночь образы эти усиливались, по мѣрѣ того, какъ приближался къ нему ударъ паралича, поразившій его въ голову. *Случайности* играютъ въ нашей жизни странную ролю. На примѣръ: вы видите сонъ; онъ идетъ своимъ порядкомъ; и въ то самое время, когда во снѣ вашемъ надобно, по ходу происшествій, звонить въ колоколъ, бьютъ на колокольнѣ часы, и вы просыпаетесь, слышите колоколъ на яву, и долго не можете опомниться, и рѣшить — что съ вами было — сонъ, или существенность?

» Прибавь къ этому страхъ, испугъ, чувство совѣсти.«

— Съ этими пособіями, и я даже возь-

мусь, хоть я и не Терновскій, изъяснить все, такъ-же легко, какъ онъ изъяснилъ *небылицу* (при семъ словѣ Шумиловъ нахмурился, досадуя, что его слова называли небылицею) — да, любезный другъ, небылицу, разсказанную тобою. Слушайте!

— Въ таинственной исторіи скупца, по моему, все весьма естественно. Тутъ вмѣшались обманъ, случайность, страхъ, и угрызеніе совѣсти. Говоря обо всѣхъ подробностяхъ, ты забылъ, пріятель, одно любопытное лицо: стараго слугу, который былъ точно такой-же злой скупецъ, какъ и хозяинъ его. Скажи-ка, пожалуста: не знаешь-ли ты, что съ нимъ дѣлалось, и что онъ вообще дѣлалъ, пока происходили явленія въ домѣ умершаго, скупаго его хозяина?

» Ахъ! да, въ самомъ дѣлѣ« — вскричалъ Шумиловъ. — »Теперь отдаю тебѣ справедливость — точно такъ: это лице можетъ развязать все дѣло весьма просто!

— Именно — продолжалъ Суворовскій сослуживецъ — просто, не прибѣгая ни къ духамъ, ни къ магнетизму.

» Только, право, я ничего не знаю, что сдѣлалось съ этимъ старымъ слугою, куда онъ дѣвался, и что онъ дѣлалъ.

— Тѣмъ лучше. Мы можемъ заставить его дѣлать, что намъ угодно, по тому правилу, что догадка служитъ тамъ руководствомъ, гдѣ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Можетъ быть, слуга этотъ хотѣлъ завладѣть имѣніемъ стараго скупца, и рѣшился напугать наслѣдниковъ. Въ старинныхъ домахъ бывало множество тайныхъ переходовъ, лазѣекъ, и сообщеній. Посредствомъ ихъ, онъ могъ стучать, гремѣть, выть, и кричать въ комнатѣ покойника. Для большаго замѣшательства всѣхъ понятій, въ первую ночь онъ стащилъ тѣло покойника со стола, и положилъ его на сундукъ, а потомъ самъ надѣвалъ на себя платье покойника, и игралъ его ролю.

» Это было-бы слишкомъ отважно. Ну, если-бы его обманъ открылся?

— Онъ зналъ, что страхъ отнимаетъ разсудокъ, а притомъ своими разсказами увеличивалъ еще ужасы явленій.

» Но имѣніе найдено было въ цѣлости?

— Можетъ быть, онъ не успѣлъ еще открыть тайны, какъ достать его, или, зная ее, не успѣлъ вытащить имѣнія, или и вытащилъ его, только нѣкоторую часть. Послѣ того, онъ, вѣроятно, оставался дворникомъ, или сторожемъ дома, и пугалъ посторонцевъ, уже съ досады и горя. Проклятіе старика — дѣйствіе безумной привязанности къ деньгамъ — сразило бѣдныхъ дѣтей его, представляя собою ужасный примѣръ, какъ сильно можетъ дѣйствовать на судьбу дѣтей воля отца!

»Въ самомъ дѣлѣ, подобное изъясненіе дѣлаетъ всѣ подробности разсказа моего весьма понятными« — сказалъ Шумиловъ.

— Тоже-же—отвѣчалъ Суворовскій—слушайте людей бывалыхъ. Я нѣсколько разъ находился членомъ въ военныхъ коммиссіяхъ, гдѣ въ 24 часа рѣшались дѣла, которыя продолжались-бы у подьячихъ, и у философовъ, по 24 года. *Страхъ* и *совѣсть*— это два такія странныя чувства, что дѣйствія ихъ едва постижимы. Разгоряченное воображеніе, и плутовство поль-

зуются ими, творятъ чудеса. Можно-бы сдѣлать вотъ какую табличку:

Воображеніе.
Воображеніе, страхъ.
Воображеніе, совѣсть.
Воображеніе, плутовство.
Воображеніе, страхъ, совѣсть.
Воображеніе, страхъ, плутовство.
Воображеніе, страхъ, совѣсть и плутовство.

И такъ далѣе, представить различныя смѣшенія совѣсти, страха, плутовства и воображенія. Повѣрьте, что подъ эту табличку можно-бъ было подвести всѣ знаменитые разсказы о мертвецахъ, чудесахъ, явленіяхъ духовъ, и проч. и проч.

»Правда, правда,« сказалъ Шумиловъ, »если притомъ прибавить еще *случайность*. Я разумѣю подъ этимъ словомъ не Турецкій фатализмъ, но то, что дѣлается всегда, и самымъ обыкновеннымъ порядкомъ, только замѣчается людьми рѣдко, и при сближеніи другихъ, особенныхъ обстоятельствъ. Тысячу разъ вырывали и выкидывали кости человѣческія при постройкѣ домовъ. Какой нибудь плутъ не давалъ покоя жителямъ иного

дома своимъ стукомъ, крикомъ; потомъ уговаривалъ ихъ искать причину, находилъ непогребенныя кости, и добрымъ мертвецамъ приписывали его проказы, случайно оправданныя.

— Въ самомъ дѣлѣ — замѣтилъ хозяинъ — все это очень хорошо изъясняется по вашему; но за то теряется прелесть ужаса, наслажденіе думать, что для пуганья насъ добрые мертвецы ворочаются съ того свѣта. Всѣ эти *жмурки воображенія*, повѣрьте мнѣ, люди нарочно постараются продолжить, не смотря на ваши премудрыя изъясненія и совѣты.

»Да притомъ, воля ваша«—сказалъ Терновскій — »я не соглашусь, чтобы таинственныя силы природы и духа человѣческаго были намъ всѣ открыты, и потому полагаю, что иногда должно многое приписывать неизвѣстнымъ намъ отношеніямъ человѣка къ природѣ и природы къ человѣку. Страхъ — совѣсть — воображеніе — конечно, довольно сильныя машины, и могутъ подвинуть многое;

но все-же вы приписываете имъ слишкомъ много дѣйствія.

— Слишкомъ много дѣйствія — сказалъ Шумиловъ — нѣтъ! что касается до воображенія, то ему сколько ни припиши, все будетъ мало. Это бездна, все поглощающая. Умъ, сила, воля — все изчезаетъ въ этой безднѣ, предѣлы которой далѣе предѣловъ вселенной. Я возьму примѣръ самый обыкновенный — *ипохондриковъ.* До чего не доводитъ человѣка, это прекрасное созданіе въ мірѣ, безумное воображеніе при сей несчастной болѣзни! Люди воображаютъ себя превратившимися въ крупу, въ комъ масла, и, разсуждая здраво и умно о важнѣйшихъ предметахъ, бѣгаютъ отъ курицъ, не смѣютъ подойдти къ огню, и боятся выступить изъ комнаты, чтобъ не быть склеванными, не растаять, и чтобы злой коршунъ не унесъ ихъ....

»А я заступлюсь по моей части« сказалъ Суворовскій сослуживецъ — »и стану отстаивать *страхъ.«*

— Страхъ! вскричали всѣ — какъ: ты, Суворовскій ученикъ, Георгіевскій кава-

леръ, ты станешь защищать непреодолимость страха?

» Да, именно, потому именно, что меня никто не упрекнетъ въ оказаніи страха, и, слѣдственно, не боясь упрека, могу я сказать вамъ, друзья мои, что чувство страха есть чувство — рѣшительно непобѣдимое! Чтобы понять его, надобно быть солдатомъ, надобно испытать много разъ чувство *смертнаго страха*, испытать забывая и тая въ душѣ своей это ужасное чувство. Кто не бывалъ подъ ядрами, тотъ не знаетъ, что такое страхъ. Никто не упрекнетъ меня, чтобы я всегда не шелъ впередъ, и не глядѣлъ смерти прямо въ глаза. Но я объявляю вамъ, что тотъ лжетъ и хвастаетъ, кто говоритъ, что будто-бы онъ шелъ на батареею безъ смертельнаго ужаса, и не чувствуя, что душа его содрогается отъ безмѣрнаго страха смерти.

— Я не понимаю этого — сказалъ Шумиловъ.

» Мнѣ такъ кажется, это очень понят-

но. Всякая страсть, всякое чувство, когда они перешли за обыкновенные предѣлы свои, то ужъ уничтожаются, потому, что объемлютъ всего человѣка, и онъ уже *не чувствуетъ ихъ*, такъ, какъ человѣкъ въ безпамятствѣ отъ жестокой боли, не чувствуетъ этой боли. Когда вокругъ тебя рядами падаютъ люди, когда смерть ходитъ подлѣ тебя такъ близко, что ты чувствуешь холодъ ея дыханія — состояніе твое есть душевное безчувствіе, при полномъ тѣлесномъ чувствѣ. Ты говоришь, дѣйствуешь, идешь, понимаешь все, но ты дѣлаешь все это, какъ лунатикъ. Надобно вамъ прибавить, что оказать трусость въ битвѣ почти не естественно; кромѣ того, что побѣгъ отъ пули непріятеля безполезенъ, и физически невозможенъ, надобно имѣть гораздо болѣе храбрости изъявить свою трусость, нежели скрыть ее. Я не понимаю: какъ можно жить солдату, или офицеру, показавши, что онъ трусъ? Да, кажется, что никогда не разсказывалъ я вамъ, какъ однажды, въ Италіи, ходилъ я на Французскую баттарею?

— Я никогда не слыхалъ — сказалъ хозяинъ. — Пожалуйста, разскажи.

»Это было подъ Нови. Сраженіе было неслыханное и чудное. Вообразите себѣ горящее Италіянское лѣто, полураздѣтыхъ солдатъ, остервененіе выше мѣръ. Ноги скользили по крови, потъ обливалъ тѣло. Много разъ случалось мнѣ до того, въ приступахъ, лазить на городскія стѣны, ходить на банкареи, бывать въ рукопашномъ бою; но всегда стоялъ я въ рядахъ, и видалъ сраженіе съ самаго начала. Тутъ было напротивъ. Суворовъ велѣлъ моему Полковнику выбрать надежнаго человѣка, для посылки за однимъ важнымъ дѣломъ. Выбрали и послали меня. Движенія Суворова были такъ скоры, быстры, непонятны въ это время, что никто не зналъ точно, когда будетъ битва. Я исправилъ свое дѣло, и опрометью скакалъ назадъ, когда услышалъ, что происходитъ страшное сраженіе Новійское. Досадно мнѣ было, и прискорбно, что меня тамъ нѣтъ. Еще болѣе стало досадно, когда услышалъ я, что полкъ мой, богатырскимъ шагомъ, ушелъ дале-

ко отъ главной квартиры, и что ему данъ весьма важный постъ; но дѣлать было нѣчего, и я пріѣхалъ прямо въ квартиру Фельдмаршала. Меня ждали, и тотчасъ отвели къ самому Суворову. Старикъ, безъ мундира, въ рубашкѣ, стоялъ на пригоркѣ, смотрѣлъ, слушалъ, смѣялся, и безпрестанно разсылалъ приказанія. Я донесъ ему объ исполненіи порученнаго мнѣ дѣла. » Ну, молодецъ, Рускій, Рускій, не *нихтбешитимзагеръ* — помилуй Богъ, нѣтъ, нѣтъ!« сказалъ онъ, услышавши, что я принужденъ былъ сдѣлать собственныя распоряженія, потому, что инструкція моя была не полна. Суворовъ велѣлъ мнѣ остаться при немъ, сказавши, что онъ дастъ мнѣ еще дѣло. Сложа руки, сидѣлъ я на лошади, и смотрѣлъ на поле битвы. Грусть моя, что я не вмѣстѣ съ товарищами, перешла въ сильную задумчивость. Зрѣлище страшной гибели, кровавой битвы, въ которой жители Волги и Днѣпра рѣзались съ жителями Прованса и Лотарингіи, на поляхъ Италіи, родили во мнѣ тысячи мыслей! Безопасность, когда вокругъ ме-

ня падали тысячи, гулъ, шумъ, стонъ раненыхъ — все это, въ первый разъ видимое мною вдали, какъ будто въ огромной картинѣ, заставило меня невольно содрогнуться. У солдатъ есть повѣрье, что подобная грусть означаетъ *предвѣщаніе смерти.* Эта мысль невольно пришла мнѣ въ голову. Между тѣмъ битва была въ самомъ разгарѣ. Вдругъ слышу я громкій голосъ Суворова; »Господинъ офицеръ, эй, господинъ офицеръ!« Бросаюсь къ нему, и съ изумленіемъ замѣчаю, что старикъ разсердился, топаетъ ногами, прыгаетъ. »Что ты разинулъ ротъ?« вскричалъ мнѣ Суворовъ—»вѣдь галка залетитъ!« Я опомнился. »Трусъ-ли ты, или такой-же молодецъ, какой мастеръ исполнять порученія?« — Такой-же — отвѣчалъ я. Мы приучены уже были къ подобнымъ отвѣтамъ. »Ну, Рускій, Рускій!« вскричалъ Суворовъ. »Скачи-же, вотъ къ этому полку, и скажи Полковнику, чтобы онъ тотчасъ велѣлъ вотъ этой батареѣ замолчать — слышишь, тотчасъ-же, побудь тамъ, и привези мнѣ донесеніе, что она *замолчала.* Если-же

онъ еще скажетъ: *нѣтъ*, то его арестовать, принять команду старшему, и велѣть батареѣ молчать — Да тотчасъже — здѣсь нога, тамъ другая!«—Я поскакалъ во весь опоръ. Когда я въѣхалъ въ самую битву, когда ядра начали пѣть надъ моею головою, вся задумчивость, всѣ предчувствія мои вдругъ втѣснились въ мое сердце, и сердце у меня замерло. Приближаюсь къ назначенному полку, спрашиваю командира — это былъ почтенный, сѣдой старикъ. Пересказываю ему слова Суворова. Онъ пожалъ плечами. »Надобно умереть« — сказалъ онъ — »хорошо! Да будетъ воля Фельдмаршала; но посмотрите!« Я взглянулъ — полкъ, пошедшій на батарею прежде насъ, бѣжалъ разстроенный — батарея гремѣла адскимъ огнемъ, сверкавшимъ въ дымѣ и пыли. Почти до насъ долетали картечи. »Это уже *третій* полкъ,« сказалъ мнѣ старикъ. — »Но, донесите Фельдмаршалу, что я исполнялъ долгъ свой, сказавъ посланному отъ него прежде, о невозможности взять батарею; теперь исполню другой долгъ — умру, когда велятъ!«

Онъ снялъ шляпу, перекрестился; трогательное умиленіе изобразилось на лицѣ его, слезы навернулись на глазахъ. »Боже! благослови милыхъ дѣтей моихъ!« сказалъ онъ тихимъ голосомъ, потомъ надѣлъ свою шляпу, лицо его приняло выраженіе смѣлой рѣшительности, огонь засверкалъ въ глазахъ. Сильнымъ голосомъ началъ онъ командовать. Полкъ свернулся въ густую колонну, и двинулся молча. Повѣрите-ли, что все видѣнное, слышанное, и чувствованное мною, съ самаго утра, расположило душу мою къ мысли, что я иду *на вѣрную смерть*, и когда заревѣла противъ насъ батарея, начало терзать и коверкать людей, приказано было кинуться быстро, съ громкимъ крикомъ: *Ура!*... я уже ничего не понималъ— для меня слилось все въ какой-то смѣшанный хаосъ крика, выстрѣловъ, пыли, дыма, стоновъ. Я опомнился отъ жестокой боли — смотрю — что-же? Конница впереди дерется съ прикрытіемъ батареи; остатки нашего полка собираются; иные солдаты заколачиваютъ Французскія пушки; иные добиваютъ Фран-

цузскихъ артиллеристовъ — баттарея взята, картечью убило подо мною лошадь, и, падая, она придавила меня къ землѣ.... Тутъ только получилъ я опять употребленіе всѣхъ чувствъ, чего лишило меня чувство ужаса, обнимавшее все мое бытіе....

— А Полковникъ? — спросилъ хозяинъ.

» Онъ.... былъ убитъ« — сказалъ Суворовскій сослуживецъ. — » Храбрый былъ офицеръ« — примолвилъ старикъ, помолчавъ нѣсколько времени. » Впрочемъ, дай Богъ всякому офицеру умереть такимъ образомъ.... Инвалидъ хуже убитаго.... Меня не привелъ Богъ — что-же дѣлать? Его святая воля!« Слезы навернулись на глазахъ Суворовскаго сослуживца. »Если-бы и отецъ нашъ, Александръ Васильевичъ умеръ на Сенъ-Готардѣ — ему-бы легче было умирать, нежели на мягкой постелѣ, которую подостлали и отравили для него зависть и злоба людская....

Мы были растроганы словами и умиленіемъ стараго воина. Всѣ молчали. Но онъ тотчасъ оправился. »Э, господа!« сказалъ онъ, стараясь казаться веселымъ,

— »вольно-же вамъ навести меня на разсказы о бывалой службѣ, и особенно объ отцѣ нашемъ, которому подобныхъ не бывало, и—не будетъ!« Старикъ обводилъ глазами вокругъ, какъ будто вызывая кого нибудь изъ насъ поспорить съ нимъ о славѣ Суворова. Хозяинъ нашъ иногда нарочно заводилъ съ нимъ объ этомъ безконечные споры, подшучивая надъ его говорливымъ усердіемъ, и неизмѣнною ревностію къ незабвенному начальнику. Но на этотъ разъ шутки не шли ни кому въ голову.

— Послушайте-же теперь, господа, моего другаго разсказа — сказалъ Суворовскій сослуживецъ, съ комическою важностью. — Вы видѣли, что я сильно опровергалъ мнѣнія Терновскаго о духахъ, мертвецахъ, и таинственныхъ силахъ. Но былъ одинъ случай въ жизни моей, когда я не только повѣрилъ всему этому, но, признаюсь — струсилъ порядочно. *Вѣдь съ чортомъ-то не съ своимъ братомъ*, говоритъ Мѣльникъ, сватъ Гаврилычъ, и идти на рога его гораздо хуже, нежели бросаться на Французскую батарею.

» Стало быть, въ душѣ каждаго скрывается это сочувствіе тайныхъ силъ природы, такъ, какъ трусость скрывается въ душѣ каждаго храбреца, только мы стараемся заглушить это чувство? — спросилъ Терновскій, съ торжествующимъ видомъ.

— Разумѣется. И какъ есть люди, которые никогда не бывали больны, но если занемогутъ, то болѣзнь ихъ весьма опасна, такъ и *безстрашные* — если они испугаются, то уже очень сильно — отвѣчалъ Суворовскій сослуживецъ. Но, послушайте.

Мы замѣчали насмѣшливую улыбку на лицѣ старика, и приготовились къ разсказу чего нибудь забавнаго. Но Терновскій не замѣчалъ ничего, и расположился слушать его съ величайшимъ вниманіемъ.

— Это было также во время Итальянскаго нашего похода. Суворовъ звонилъ въ колокола, пѣлъ на клиросѣ, читалъ Апостолъ въ селѣ своемъ; мы стояли на квартирахъ въ Польшѣ, зѣвали отъ скуки, играли, дрались на дуэляхъ, волочились за Поль-

ками, когда вдругъ пролетѣла молва: *Походъ!* »Слава Богу, слава Богу!« говорили мы, и расшили много бушылокъ стараго Венгерскаго, когда услышали, что Суворовъ назначенъ нашимъ Главнокомандующимъ. Вы не можете себѣ представить, что тогда говорили, какъ тогда радовались рѣшенію покойнаго Императора. Слухи о томъ, какъ пріѣхалъ Суворовъ въ Петербургъ; какъ Императоръ сказалъ ему: *Иди спасать Царей;* какъ изумлялъ нашъ старикъ весь Дворъ своими шутками, умомъ, духомъ; какъ пѣлъ онъ пѣтухомъ съ Распопчинымъ, и ставилъ дюжину креселъ, одно на другое, принимая у себя придворнаго выскочку, и прося его *Высоко*превосходительство садиться на это *высокое* сѣдалищѣ. Войска двинулись по Суворовски, не шли, а летѣли орлами. Австрійскіе маршруты никуда не годились. Нѣмецкіе *квартиргерры* не знали, что дѣлать, потому, что весь разпорядокъ ихъ былъ нарушенъ. Надобно было намъ самимъ распоряжаться. Нѣмцы вообще самый добрый народъ; притомъ-же насъ встрѣчали они, какъ избавителей, спаси-

телей, и такъ, при Русской ловкости и Нѣмецкой добротѣ, мы не встрѣчали ни недостатка, ни неудовольствій. Должно было только указывать и придумывать намъ самимъ. Я плохо зналъ по Нѣмецки; но меня отправили передовымъ распорядителемъ для нашей дивизіи. Со мною былъ одинъ офицеръ, изъ Лифляндцевъ, и служилъ мнѣ переводчикомъ. Какъ теперь помню — худенькая, маленькая фигурка, трусъ престрашный ночью, и настоящій чортъ днемъ. Когда еще выпьетъ бывало, то идетъ на штыки и на баттареи, и только кричитъ: *Пашолъ!* Бѣдняка свалила наконецъ пуля Французскаго тиральера, въ перестрѣлкѣ на Швейцарскихъ горахъ. Ну, вотъ этотъ храбрый Пигмей ночью боялся всего—чорта, мертвецовъ, таракановъ, мышей, воровъ....

Въ это время вошелъ слуга нашего хозяина, и доложилъ о пріѣздѣ новаго гостя, большаго весельчака. »Проси, проси его!« сказалъ хозяинъ. »Постой-же, ты доскажешь намъ свое приключеніе« — прибавилъ онъ, обращаясь къ Суворовскому сослуживцу...,

---

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА.

Писатель! если ты чувствуешь въ душѣ своей божественное пламя дарованія; если душа твоя не удовлетворяется обыкновенными занятіями и условіями жизни; если тебѣ мало холоднаго невниманія къ порочному и низкому, но смѣлою рукою хочешь ты наклеймить на челѣ порока горячую печать твоего гнѣва; если, наконецъ, чувствуешь ты, что окрестъ тебя летаютъ неясные образы твореній, и требуютъ отъ тебя жизни — бери перо твое, и пиши!

Но знай, что тебѣ предлежатъ два пути—*Современность* и *Потомство*, *слава* и *безсмертіе*. Что изберешь ты?

Не вѣрь, что у тебя нѣтъ средствъ повелѣвать толпою твоихъ современниковъ. Саулъ, не бывши Царемъ, былъ выше другихъ цѣлою головою. Сила дарованія замѣнитъ тебѣ другія силы. Даръ слова твоего увлечетъ сердца. Богачъ ума — смѣло иди въ толпу, и она раздвинется передъ тобою, забудетъ богатство и

знатность, съ шумнымъ кликомъ произнесетъ и будетъ повторять твое имя, и слава надѣнетъ на голову твою вѣнокъ, сплетенный изъ вѣтвей того-же дерева, съ котораго срывала она вѣтьви для вѣнка героя. Но, берегись! Одного дарованія твоего недостаточно, такъ, какъ одной знатности, одного богатства, одного рода знаменитаго, однѣхъ побѣдъ, недостаточно для вельможи, для богача, для царедворца, для героя. Если гордость смирится передъ тобою, то зависть, родная сестра ея, будетъ слѣдить каждый шагъ твой; если уступили тебѣ въ одномъ, тѣмъ крѣпче будутъ стоять за остальное. Толпа насмѣшлива — смотри, чтобы насмѣшка не закрыла передъ глазами ея всѣхъ твоихъ достоинствъ. Побѣждая Персовъ, Александръ думалъ о томъ, что говорятъ о немъ въ Аѳинахъ. Толпа тщеславна — она потребуетъ, чтобы ты предался ей вполнѣ, одѣлся на ея манеръ, подражалъ ей въ мѣлочахъ, услуживалъ ея желаніямъ. Замѣть, что всего чаще самобытность называетъ она странностью, оригинальностью, чудачествомъ,

своенравіемъ. Толпа перемѣнчива — она тотчасъ предпочтетъ тебѣ другаго, назоветъ его любимцемъ, и ему отдастъ все, что давала тебѣ. Толпа безчеловѣчна — отвергнувъ тебя однажды, она отвергнетъ навсегда, и — совершенно! Все оборотится на твою голову: зависть соперника, опасеніе знатности, горделивость бѣдности, мщеніе посредственности, коварство низости, хладнокровіе безсмыслія. Не одно свое дарованіе, всего себя, всю жизнь, всѣ дѣла, мысли, долженъ ты передать толпѣ, наблюдать за нею, ласкать ее, опасаться, любить то, что она любитъ, плакать съ нею о пустыхъ, ничтожныхъ ея заботахъ, смѣяться отъ ничтожныхъ ея забавъ. Тогда, переселенный совершенно въ Современность, ты весь вѣкъ свой будешь славенъ, любимъ, обожаемъ, можешь идти впереди толпы, вести ее, куда тебѣ угодно, заставлять ее дурачиться, плакать, смѣяться, плясать.

Такъ жилъ, такъ владычествовалъ Вольтеръ. Читай его сочиненія, соображай каждое слово его, и увѣрься, что только потому не слетѣлъ вѣнокъ съ дрях-

лой головы его, до самой глубокой старости, что Вольтеръ былъ весь въ современности, всю ее выразилъ, обнялъ собою, и не пережилъ ее. Вольтеръ уже совершенно умеръ для насъ — *для насъ*, а со времени его смерти до насъ далеко еще не прошло и *ста лѣтъ!* Писатель, философъ, поэтъ, ораторъ, историкъ, придворный, словомъ — *Вольтеръ весь*, жилъ для толпы своего вѣка, властвовалъ надъ толпою своего вѣка, и умеръ съ толпою своего вѣка!

Тебя смущаетъ подобная участь? Какъ: тебѣ мало этой участи? Тебѣ недостаточно современности и славы? Хорошо, но сперва измѣряй силу души твоей — не силу дарованія, но *души*, и выслушай:

Отдѣлись отъ современной тебѣ толпы; вообрази, что ты случайно попалъ въ нее, какъ странникъ, случайно съѣхавшійся на ночлегѣ съ другими странниками. Пусть товарищи твои дѣлаютъ, что имъ угодно, живи самъ, своею отдѣльною, самобытною жизнію; преклоняйся только предъ тѣмъ, что укажетъ тебѣ душа твоя, обожай только то, что не блѣд-

нѣетъ предъ свѣтильникомъ ума твоего, восхищайся только тѣмъ, что оправдываетъ сердце твое, и твори только то, что укажетъ тебѣ, не прихотливая воля толпы, но—высокій геній твой. Но вынесешь-ли ты, если толпа отдѣлится отъ тебя, не будетъ произносить твоего имени, забудетъ тебя, не пойметъ твоихъ созданій, упадетъ предъ ничтожнымъ кумиромъ, и, падая, еще оттолкнетъ тебя ногою? Стерпишь-ли ты, когда прекрасныя надежды измѣнятъ тебѣ, когда мракъ забвенія покроетъ твои великіе труды, когда именно противъ всѣхъ твоихъ предположеній, косвенно, пойдетъ предъ взорами твоими толпа современниковъ? Ты находишь въ самомъ себѣ силы на все это? Хорошо, но не думай, чтобы толпа остановилась на этомъ! — Нѣтъ! упрямая, своенравная, страшный скелетъ, прикрытый условіями и приличіями, она скинетъ предъ тобою свою благообразную маску; она зареветъ дикимъ, свирѣпымъ голосомъ; недовольная насмѣшкою, холодностью, она будетъ преслѣдовать, гнать тебя, и грѣя подлѣ сердца урода, чудо-

вище—тебя будетъ поражать, какъ врага, какъ чудовище, опасное, злое, нестерпимое! Напрасно замолчишь ты — твое молчаніе расколкуютъ молчаніемъ змѣи, готовящей ядъ; вздумаешь-ли оправдываться — кликъ буйства заглушитъ слова твои. Вокругъ твоего уединенія будутъ дозоромъ незасыпающіе глаза зависти, злобы, коварства. — Вынесешь-ли ты все это? Подумай, и рѣши! Вспомни, что иногда костры пылали для того, кто упреждалъ вѣкъ свой; что ни одно сердце не билось для иныхъ, во время скорбнаго поприща земной жизни; что даже любовь и дружба часто оставляли труженика, оставленнаго, забытаго, гонимаго толпою.

Но здѣсь засіяютъ предъ тобою двѣ свѣтлыя звѣзды — *потомство* и *безсмертіе*. Данте въ темницѣ, Тассъ въ домѣ сумасшедшихъ, Шекспиръ въ передней вельможи, Камоэнсъ въ гошпиталѣ, Спиноза, проклинаемый современниками, Мильтонъ, слѣпой и нищій — видѣли сіи звѣзды, которыхъ не видалъ Вольтеръ, надѣвая свой каммергерскій мундиръ, Расинъ, умирая отъ того, что Людовикъ XIV-й

косо взглянулъ на него, и Виргилій, получая золото Октавія. За порогъ твоего уединенія, гдѣ скрылся ты въ самаго себя, гдѣ ты богатъ тѣмъ, что ни у кого ничего не просишь, гдѣ сухую корку хлѣба смачиваешь ты своими слезами, не смѣетъ переступить, и не придетъ толпа. Здѣсь тѣни великихъ твои собесѣдники, здѣсь, если ни дружба, ни любовь не стоятъ у одра твоего—надъ тобою паритъ безсмертіе; передъ тобою, въ далекомъ туманѣ, мелькаетъ потомство! Не заботься о созданіяхъ твоихъ, не думай о будущемъ, твори, внимая только безсмертному генію твоему.... Мимо великолѣпныхъ гробницъ пройдетъ потомокъ, и станетъ отыскивать твою забвенную могилу! Забывая тысячи именъ, твое имя произнесетъ онъ съ любовью, со слезами, и — во слѣдъ тебѣ повлекутся поколѣнія и народы....

* * *

Все-ли въ добромъ здоровьѣ? — Слава Богу! вы какъ? — Давно-ли видѣли N. N... — Какая прекрасная погода! — Что новаго? — Бостонъ, шестъ, сюры, гранъ-ми-

зеръ. — Подай водки. — Прекрасный супъ! — Я съ нимъ знакомъ. —

Если-бы эти и еще десятка два подобныхъ выраженій, запрещено было говорить, то многіе онѣмѣли-бы вовсе. Имъ нѣчего было-бы сказать.

* * *

»*У всякаго возраста свои удовольствія, свои нравы, свой умъ*,« сказалъ Буало, и обмолвился важною истиною, не для поэзіи, но—для Воспитанія. Эту истину, мнѣ кажется, не только не старались хорошенько узнать, но даже вовсе забыли наши педагоги.

Вотъ въ какомъ отношеніи желалъ бы я обратить наиболѣе вниманіе педагоговъ на сію истину. Что у дѣтей свои забавы, что они играютъ куколками и коньками, которыми не занимаются уже ни юноши, ни старики — это всѣ знаютъ. Что дѣтскій умъ не похожъ на умы взрослыхъ — и это всѣмъ извѣстно. Но что у дѣтей *свои нравы* — это пропускаемъ мы безъ дальнѣйшихъ замѣчаній. Именно у дѣтей *свои* нравы и обычаи, и

такъ, какъ въ слѣдствіе нравовъ того или другаго народа, надобно вводить у него законы и учрежденія, такъ и въ приложеніяхъ правилъ воспитанія надобно имѣть въ виду нравы, собственно дѣтямъ принадлежащіе. Законъ, прекрасный во Франціи, для Китайцевъ никуда не годится; Спартанскій законъ безполезенъ, и даже вреденъ былъ-бы у нынѣшнихъ Европейцевъ. Такъ и у дѣтей. Особенные нравы непремѣнно должны имѣть свои особенные пороки и добродѣтели, достоинства и недостатки. Педагогъ обязанъ, въ слѣдствіе сего, глубоко соображать, что въ дѣтяхъ временно, преходяще, принадлежитъ имъ, какъ дѣтямъ, и что постоянно, принадлежитъ имъ, какъ человѣкамъ. Онъ не долженъ полагаться на добродѣтель *дѣтскую*, и мало заботиться о порокѣ *дѣтскомъ*; онъ воспользуется дѣтскимъ достоинствомъ, извлечетъ изъ него пользу для будущаго; онъ оставитъ дѣтскій порокъ, чтобы тѣмъ легче истребить порокъ человѣческій, если замѣтитъ его въ дитяти: первый изчезнетъ самъ собою, второй можетъ

принесть гибельные плоды, если не будетъ изторгнутъ изъ души дѣтской, пока не укрѣпилъ еще своего корня. Еще важное наблюденіе о превращеніи дѣтскихъ недостатковъ въ человѣческіе. Вообще, если и въ Законодательствѣ главное вниманіе должно обращать болѣе на законы предупреждающіе преступленія (гражданскіе), а не на законы, наказывающіе преступленія (уголовные), то сіе правило мудрой политики, при воспитаніи, должно быть первымъ правиломъ. Съ дѣтьми можно обойдтиться безъ уголовнаго уложенія. Но гражданское уложеніе необходимо наблюдать, въ полной его системѣ. Всѣ мы воспитывались, и воспитываемъ; но если-бы спросили меня: что почитаю я самою трудною наукою изъ всѣхъ наукъ и знаній человѣческихъ? Я смѣло отвѣчалъ-бы: *воспитаніе дѣтей*. Къ несчастію, не многіе понимаютъ неоспоримость сей истины.

* * *

Дѣйствіе во Французской Трагедіи (говоритъ В. Гюго) сидитъ за кулисами, спиною къ зрителямъ, которые видятъ

только *локти его* (les coudes de l'action). Между тѣмъ на сцену безпрестанно выходятъ люди, и пересказываютъ, что за кулисами дѣлаются прелюбопытныя вещи. »Да *покажите*-же ихъ намъ!« говорятъ зрители. — Нельзя, но, все равно, мы *перескажемъ* вамъ — отвѣчаютъ актеры, и читаютъ безконечные діалоги и монологи.

* * *

Какой нибудь силачъ-муравей, конечно, долженъ быть *извѣстенъ* въ своемъ муравейникѣ; какой нибудь драчунъ-пѣтухъ долженъ быть извѣстенъ между курицами своего курятника; какой нибудь щеголь долженъ быть извѣстенъ, какъ удивительный прелестникъ, между курицами своего бульвара, или своей улицы. »*Всѣ* говорятъ объ этомъ!« восклицаетъ человѣкъ, пересказывая, что двое побранились между собою. Но кто-же эти *всѣ?* Жители переулка, за который не перешло извѣстіе о брани двухъ соперниковъ. »Только и разговоровъ, что объ этомъ!« говоритъ другой, думая, что въ пяти, шести домахъ заключенъ цѣлый міръ. — Но, какой-же

юнкеръ, получивъ эполеты офицерскіе, не думалъ, что всѣ проходящіе на него заглядываются, и къ окнамъ подбѣгаютъ для того, чтобы смотрѣть, какъ идетъ онъ журавлемъ по улицѣ? Какой ученикъ въ пансіонѣ не поднималъ головы, получивъ похвальный листъ? »Когда въ новый годъ, или въ день именинъ«—говоритъ Вольтеръ — »приходитъ студентъ къ городскому судьѣ, и начинаетъ ему говорить: »Ваше Превосходительство! Слава имени вашего, наполняя звукомъ своимъ вселенную, достигла и до меня....« — спрашиваю: достанетъ-ли свистковъ всего міра, чтобы достойно освистать славу огромнаго парика Его Превосходительства, и глупость осла, прорычавшаго о славѣ его въ передней, между сальными огарками и платяными щетками?« — Правда! Но не уже-ли очень трудно заставить говорить о себѣ не одинъ переулокъ, не одну улицу, но цѣлой городъ, цѣлую землю, и даже нѣсколько земель? Не думаю! Съ другой стороны, этѣ *вселірныя* славы, этѣ *великія* извѣстности, о которыхъ такъ часто кричатъ намъ, въ самомъ-ли дѣлѣ

вселірны, въ самомъ-ли дѣлѣ *великі?* Подумайте, сообразите, и — улыбнитесь.... Всѣ мы умно говоримъ и судимъ, а въ самомъ-то дѣлѣ, Пролазъ, оканчивая комедію Княжнина, сказалъ великую истину, что

Глупость, предстоя при каждаго рожденьѣ,
Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословенье.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

стр.

Визиты провинціяла. 3

Кладбище. 23

Разговоръ послѣ бесѣдъ съ литтераторами. . . 47

Воспоминаніе на святкахъ. 69

Всякая всячина. 232

3

Duke University Libraries
D02390358U